ЕВГЕНИЙ НОРИН

ЧЕЧЕНСКАЯ ВОЙНА

Том I. 1994-1996

Первый том хроники самой кровавой войны современной России от Евгения Норина — известного исследователя войн на постсоветском пространстве. Одна из первых фундаментальных работ по Чеченской войне: ход событий восстанавливался с привлечением максимально широкого круга источников.

Чеченская война оставила слишком много вопросов. Эта книга — первый шаг к тому, чтобы дать на них ответы.

Издание проиллюстрировано уникальными фотоснимками военкора Александра Неменова. Многие снимки никогда ранее не публиковались.

ISBN 978-5-6043461-5-0
© Издательство «Чёрная Сотня», 2021
© Издательство книжной лавки «Листва», 2021

ЕВГЕНИЙ НОРИН

ЧЕЧЕНСКАЯ ВОЙНА

Том 1. 1994–1996

«Я понимаю, что хотят помирить две нации,
всё сотрётся через несколько поколений,
но этим-то поколениям как жить?»
Даниил Гвоздев, солдат

ПРЕДИСЛОВИЕ

Однажды один мой коллега сказал российскому генералу в Абхазии, что мы, военные фотокорреспонденты, — глаза нации.

— Наглые глаза! —воскликнул генерал.
— Других нет, — ответил мой коллега.

В середине девяностых я был этими глазами на Первой Чеченской войне. Она была не первой в моей биографии, но стала совершенно особенной. До этого уже были Карабах и Абхазия, но то, что я видел в Чечне, вгоняло меня в ступор. Прежде всего, из-за раздирающих меня внутренних противоречий — я работал военным фотокорреспондентом в Чечне как с русской, так и с чеченской стороны. Был знаком и с Русланом Гелаевым, и с Владимиром Шамановым — ярчайшими выразителями разных полюсов на этой войне.

Почему я, русский, работал со стороны боевиков? Спасибо арбатскому военному округу — за редким исключением они не пускали журналистов дальше Моздока, пичкая зрителей ежедневными победными сводками. Армия боялась журналистов больше духов и предпочитала стрелять нам поверх голов — при попытках приблизиться или поднять камеру.

Чеченцы же на нас вообще не обращали никакого внимания и не мешали работать, и пока с их стороны не появились наёмники, война действительно была очень похожа на народную. За оружие взялись многие, не только те, кто до этого грабил проходящие поезда и обналичивал фальшивые авизо. Российские войска тогда даже никто не называл «российскими», предпочитая обезличенное слово «федералы».

У меня было двойственное отношение к происходящему. Представьте: меня, русского, прячут по своим подвалам чеченцы от налётов русской же авиации... Голова была не в состоянии переварить это. При этом никто из простых чеченцев ни разу не упрекнул меня в русскости.

Можно обвинить меня в том, что я не имею своей чётко выраженной позиции по отношению к тому, кто прав, а кто виноват. Но в этом пусть разбираются историки. На войне у всех своя правда, и я убедился

в этом на собственной шкуре. Но я — не солдат, не генерал, не политик и не солдатская мать. Я — фоторепортёр. Мой долг — запечатлеть эту войну и просто оставить эти фотографии. Чтобы люди знали, как это было. Чтобы могли видеть правду.

Недавно я снова бывал в Грозном, который впервые увидел двадцать пять лет назад. Я стоял на дамбе в Черноречье, через которую когда-то на полной скорости летел с ошалевшим от страха таксистом в январе 1995, пытаясь проскочить, пока танкист где-то в Октябрьском районе перезаряжал орудие.

Гулял возле места, где было здание гостиницы «Грознефть», от которой потом не осталось ни камня. 25 лет назад нас во время авианалётов поселили на последнем её этаже. Вся гостиница пустая. Мы, два фоторепортёра, — её единственные постояльцы. Толя Морковкин, я, ужин в виде сникерса и полбутылки водки. Гостиницу разбомбили всего через пару дней, как мы съехали.

Сейчас здесь совсем другой город. Проспекты Путина, Кадырова… На месте дворца Дудаева с обложки — строят большой торговый центр. Площади и вовсе нет, чтобы ничего не напоминало о прошлом этого места.

В тот день в Грозном был какой-то праздник. Над тем самым водохранилищем снова гремело — но в этот раз это были уже фейерверки, приводящие в восторг местную молодёжь.

Многие из моих снимков, вошедших в книгу, никогда ранее не публиковались. Я очень рад, что теперь и вы сможете взглянуть на эту войну моими глазами.

Москва, июнь 2021 года
Александр Неменов, военный фоторепортёр

Александр Неменов в Грозном.
Аэропорт Северный, 6 июня 1995 года.

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ АВТОРА

За последние десятилетия Россия пережила многое. Прошли катастрофические девяностые, сытые нулевые и непростые десятые, но тема войны на Кавказе остаётся одной из самых тяжёлых и острых. Чеченская война — жестокая, кровавая и грязная — стала сильнейшей коллективной русской травмой после распада СССР. Раной, которая не может зажить и продолжает болеть до сих пор.

События вокруг Чечни долгое время были для России темой номер один, являлись самым жутким и монументальным сюжетом современной русской жизни. Постсоветская Россия воюет много, но именно с Чечнёй связана самая обширная мифология, самые массовые и глубокие народные переживания.

Война на Кавказе стала частью фона жизни целых поколений. В боевых действиях успели принять участие люди, которые родились уже после начала войны.

Первый акт политического насилия, закончившийся смертью человека, произошёл 6 сентября 1991 года. 19 декабря 2017 года директор Федеральной службы безопасности РФ Александр Бортников заявил об уничтожении вооружённого подполья на Северном Кавказе. Если принять эту дату в качестве условного рубежа, у России ушло 26 лет на то, чтобы выиграть новую кавказскую войну.

Но удастся ли выиграть мир? Удастся ли окончательно встроить Кавказ в российское пространство в качестве его полноценной части, свободной от вооружённого насилия? Это до сих пор открытый вопрос.

Евгений Норин выступает в книжной лавке «Листва».
Санкт-Петербург, октябрь 2019.

СОВРЕМЕННАЯ КАРТА КАВКАЗА

КАЛМЫКИЯ
СТАВРОПОЛЬСКИЙ КРАЙ
Будённовск
Минеральные Воды
Кизляр
Моздок
Нальчик
Первомайское
Грозный
КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ
Назрань
Хасавюрт
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
Владикавказ
ЧЕЧНЯ
Махачкала
СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ
ИНГУШЕТИЯ
ДАГЕСТАН
ГРУЗИЯ
Тбилиси

ГЛАВА 1
ВОЛЧИЙ УГОЛ

Грозный, февраль 1996. Чеченец на антивоенном митинге у Президентского дворца. Фото Александра Неменова.

Впервые русские появились в Чечне в XVI веке. После крушения татарских государств Поволжья колонисты с Русской равнины начали продвигаться на юг и восток, где перед ними начали открываться огромные плодородные земли, не знавшие плуга. Для крестьян новые территории были настоящим сокровищем. С другой стороны, Русь привыкла жить в окружении стран, живших набегами, и не имела естественных рубежей защиты. Её южные и восточные рубежи постоянно находились под давлением кочевых племён, так что экспансия в сторону природных барьеров стала ещё и вопросом безопасности.

Поселения казаков росли по берегам Терека и Сунжи. Долгое время Северный Кавказ оставался для России дальней периферией. Земли кланов, живших в горах и предгорьях Кавказа, мало интересовали русских. Однако спокойным этот край никогда не был. Столкновения предопределяла география Кавказа. Плодородные равнины в этих краях — редкость. В горах трудно вести хозяйство, кроме самого примитивного. В этих условиях казаки и местные племена в любом случае были вынуждены конкурировать за землю.

Многое изменилось в XVIII и особенно XIX веке. Продвижение русских поселенцев на юг, а затем борьба России, Турции и Персии за влияние на Кавказе привели к затяжной и кровавой войне между Россией и горскими племенами.

Сами по себе территории Северного Кавказа особую ценность для России не представляли, однако в конце XVIII века началось быстрое сближение Российской Империи и Грузии. Оно увенчалось присоединением к России Картли-Кахетинского царства — крупнейшего из грузинских государственных образований. В начале XIX века в состав России одно за другим вошли более мелкие грузинские государства. Вскоре за ними последовали небольшие ханства современного Азербайджана, Абхазское княжество, Армения и даже некоторые горские кланы. По большей части, это даже не было завоевательным процессом: маленькие государства Закавказья шли под власть Петербурга добровольно и с энтузиазмом. Причиной тому была сложная обстановка, сложившаяся на Кавказе к началу XIX века.

Кавказ представлял собой зону непрерывной войны всех против всех. Отношения между собой выясняли, в первую очередь, турки, русские и персы. Но и сам Кавказ представлял собой мозаику постоянно

враждующих карликовых государств и сообществ, где богатый боялся за имущество, а бедный — за жизнь. Политическая раздробленность и желание покровительства со стороны мощной державы толкали местных князей в объятия России. Тем более что Российскую Империю в глазах грузинских и армянских правителей-христиан от Турции и Персии выгодно отличала общность веры.

Однако Россия со своими новыми владениями имела непрочную связь. Между ними и основной территорией империи лежали горы Северного Кавказа, населённые воинственными народами. Они не признавали ничьей власти, а набеги для них были органичной частью жизни. С набегами местные казаки сталкивались и раньше, но теперь они приобрели новое значение: под ударом оказывались дороги, ведущие на юг, и по этим дорогам мог беспрепятственно пройти только крупный вооружённый отряд. До сих пор набеги были проблемой казаков — теперь они стали проблемой государства. К тому же, если грузины и армяне были тесно связаны с Россией, мусульманские племена, напротив, тяготели к тесным контактам с Турцией. Для русских сложившееся положение оказалось неприемлемо. Горцы, в свою очередь, тоже не были настроены на смиренное ожидание своей участи. Так началась затяжная война, дорого стоившая и горским народам, и самой России.

Борьба шла среди диких, практически первобытных гор и лесов. Каждую котловину приходилось захватывать отдельно, каждый аул самой природой был превращён в небольшую крепость.

Русским в Чечне усложнял задачу народный эгалитаризм. В этом краю не было аристократии, купеческого сословия, иерархически организованного духовенства — словом, элиты, которой есть что терять и на которую можно было бы надавить. Чечнёй как единым целым никто не управлял. Это обстоятельство и легло в основу героического мифа о принципиально непокорных чеченцах. Но у этой медали была и другая сторона: никто из соседей Чечни, включая Россию, не мог заключить с ней прочный мир. С отдельным кланом договор мог некоторое время худо-бедно выполняться, но другие кланы этими договорами связаны не были.

В ходе конфликта ряд кавказских племён, в том числе чеченцы, объединились в теократическое государство — имамат. Оно противостояло

Российской Империи несколько десятилетий. Горцы, воевавшие с 1817-го, были разбиты только к 1859 году . Лидер имамата дагестанский имам Шамиль капитулировал и остался в почётном плену. Чечня перешла под власть России.

На этом история насилия в Чечне не закончилась. Крупное восстание здесь произошло в 1877 году, когда Россия была связана войной против Турции на Балканах. Значительную роль в восстании сыграли турецкие агитаторы — они рассказывали о будто бы имевшем место разгроме турками русских и обещали освобождение от налогов. Чеченские мятежники добились некоторых успехов, однако восстание было подавлено властями быстро и жёстко.

Нельзя сказать, что чеченцы под властью Российской Империи непрерывно страдали. Мир на Кавказе означал не только политическое подчинение, но и преимущества цивилизации: прекращение взаимных набегов племён и традиционной в этих краях работорговли, распространение грамотности, строительство городов, развитие инфраструктуры. Крепость Грозная, построенная русскими в 1818 году, разрослась в город Грозный. В конце XIX века в этих краях обнаружили нефть, и на некоторое время Чечня стала одной из важнейших областей Кавказа.

Однако уровень жизни, почти всегда благотворно влияющий на нравы, рос медленно. Дело в том, что огромную роль в истории этого края в царскую эпоху играли специфические черты чеченского общества. В значительной мере они сохранились и поныне. Чеченцы изначально жили в условиях, формировавших совершенно определённый тип личности. Кавказский хребет давал множество убежищ и был естественным укрытием сам по себе. Производительность оседлого хозяйства в горах была ниже, чем на равнине, поэтому набег неизбежно становился типичным элементом хозяйства. Природное «хищничество» (в данном случае это специальный термин) горцев отмечалось практически всеми наблюдателями, включая даже их собственных лидеров. При этом жизнь во время войны эти черты только усугубляла и затачивала. Русские вели завоевание Кавказа десятилетиями, и вели его весьма

Об этом издательство «Черная Сотня» выпустило отдельную книгу — «60 лет Кавказской войны» Ростислава Фадеева.

жёсткими методами. Но, не воюя против русских, горские племена тут же принимались сражаться друг с другом. Так что поколения кавказцев жили в состоянии непрерывной готовности к вооружённому насилию и к защите от него.

Не следует думать, что чеченское общество состояло исключительно из мастеров набега. Но представления о должном поведении и привычка к определённому жизненному укладу сохранились надолго. При малейшем ослаблении центральной власти в этом крае всегда находилось достаточно горючего материала.

Чеченское общество продемонстрировало потрясающую устойчивость к любым трансформациям. Главным образом это связано с его чрезвычайно простым в своей основе устройством. Простая клановая структура с опорой на родовые связи, авторитет старейшин и личности удачливых атаманов продержалась до наших дней.

В начале XX века Россия оказалась в эпицентре грандиозных событий, изменивших всю историю столетия — в том числе историю Кавказа.

ЭПОХА ПОТРЯСЕНИЙ

После революции 1917 года экономика Чечни рухнула, и здесь, как и по всей России, вспыхнуло восстание. Камнем преткновения стала земля. Чеченцы и ингуши начали изгонять селившихся в этих краях казаков, причём межэтнические столкновения были политизированы: горцы в основном выступили на стороне красных, терские казаки — преимущественно за белых. По итогам Гражданской войны красные победители в рамках своеобразно понимаемой борьбы за социальную справедливость организовали передел земли в пользу чеченцев и ингушей. Казаки, жившие в этих краях столетиями, подверглись депортации. История выселения терских и сунженских казаков осталась малоизвестной, а между тем речь идёт об изгнании по крайней мере 20–30 тысяч человек [1] [1]. Некоторые станицы даже не пришлось выселять: жители сами бежали, спасаясь от бандитов. Осенью 1920-го в краю вечных мятежей подняли восстание

Здесь и далее цифра в квадратных скобках отсылает к списку источников на 340 странице.

уже русские. Вооружённые жители станиц Надтеречной линии подошли вплотную к Грозному, но их рассеяли советские войска.

Характерна ремарка одного из командиров РККА по поводу депортации казаков:

> «Выполнение приказа о выселении станиц проходит успешно: мужчины все изъяты, продовольствие вывозится, дворы, семьи учитываются. Главная задержка — нет вагонов. Сегодня у меня происходило совещание с чеченцами — представителями аулов. Настроение чеченцев превосходное, они рады до бесконечности и заявляют, что наш акт для них — великое историческое событие» [·].

Депортация была остановлена в 1921 году. Выселено оказалось около 10% казачьего населения, жившего на Тереке. Часть казаков рассеялась по России, часть отправилась на принудительные работы в Архангельскую область и Донбасс.

Однако вскоре уже самим горцам пришлось почувствовать на себе тяжёлую руку большевиков. В начале 20-х советская власть в Чечне скорее декларировалась, реальная же власть принадлежала шейхам и лидерам тейпов — горских кланов. Настроенные категорически против советов (и вообще любой власти), они непрерывно подстрекали население к мятежам.

В общей сложности с момента окончания Гражданской войны до начала Великой Отечественной в Чечне произошло не менее пяти крупных вооружённых восстаний. После бунта 1921 года, которым руководил имам Гоцинский, насилие в горах не останавливалось. Подразделения Красной армии и органов госбезопасности постоянно прочёсывали Чечню, но и в 20-х, и в 30-х годах она оставалась, по выражению армейских командиров, «букетом бандитизма». Тогда же появилось характерное для той эпохи слово для обозначения местных преступников — «чечбандиты».

Речь шла не столько о политически мотивированном насилии, сколько о банальной уголовщине, беспокоящей советскую власть.

Нельзя было объяснить происходящее и нехваткой земли — казаков с неё согнали, но в полном объёме горцы ею не пользовались. Более того, грабежи происходили за пределами Чечни и Ингушетии, разорению подвергались соседние области. Интересно, что со временем в большинстве кавказских областей, даже в беспокойной Ингушетии, удалось серьёзно снизить количество и активность банд — но не в Чечне.

Парадоксально, но 20-е и 30-е стали едва ли не золотым веком Чечни и Ингушетии. Советская политика способствовала сравнительно быстрому распространению грамотности, появились ВУЗы, восстановилась нефтедобыча, а новые отрасли хозяйства создавались буквально с нуля. Правда, большинство городского населения в этих краях всё равно составляли русские. Местные кадры для промышленности выращивались медленно, поэтому специалистов в автономию ввозили из остальной России. Модернизация велась достаточно грубыми методами, программа действий приправлялась идеологией, но эти меры давали зримый эффект. Ещё несколько десятилетий спокойного развития могли изменить горскую автономию до неузнаваемости. Но именно в середине XX века начались наиболее масштабные потрясения в истории чеченцев и ингушей — события, нанесшие горцам грандиозную коллективную травму, последствия которой сказывались многие десятилетия. В 1936 году в рамках Российской Советской Республики появилась автономная Чечено-Ингушская Республика (ЧИАССР), но уже в 1944 году она прекратила своё существование после высылки основной массы коренного населения.

Решение о депортации чеченцев и ингушей было принято Сталиным в связи с событиями, происходившими внутри автономии во время Великой Отечественной войны. В наше время участие чеченцев и ингушей в войне крайне мифологизировано. На одном полюсе — невероятное раздувание роли вайнахов в ВОВ, в частности — легенда о якобы весьма активном их участии в обороне Брестской крепости. Документально эти мифы не подтверждаются. Национальных вайнахских частей в РККА не существовало, в Брестской же крепости горцы присутствовали в той же пропорции, что и в Красной армии в целом. На другом полюсе — мифы о «белом коне с золотым седлом», которого якобы приготовили чеченцы для Гитлера. Подобной околесицей и сегодня регулярно подменяется хотя бы поверхностное рассмотрение этого вопроса.

Фактически произошло следующее. Полного успокоения в Чечне до 1941 года так и не наступило. Последняя крупная войсковая операция с массовым изъятием оружия прошла в 1940 году. С началом войны мобилизация в Чечено-Ингушской автономии некоторое время шла относительно благополучно. Основная масса чеченцев и ингушей, мобилизованных в 1941 году, отправилась на фронт. Однако чем дальше, тем чаще население ЧИАССР от призыва уклонялось. Фактически, с 1942 года мобилизация в Чечне была сорвана. В общей сложности только 28 тысяч чеченцев и ингушей приняли участие в ВОВ. Что ещё сильнее обеспокоило Кремль, так это возобновившиеся восстания на территории республики. В октябре 1943-го комиссар госбезопасности Кобулов констатировал в записке на имя наркома внутренних дел Берии:

«При первой мобилизации в августе 1941 г. из 8000 человек, подлежащих призыву, дезертировало 719 человек. В октябре 1941 г. из 4733 человек 362 уклонились от призыва. В январе 1942 г. при формировании национальной дивизии удалось призвать лишь 50 процентов личного состава. В марте 1942 г. из 14 576 человек дезертировало и уклонилось от службы 13 560 человек, которые перешли на нелегальное положение, ушли в горы и присоединились к бандам. В 1943 г. из 3000 добровольцев число дезертиров составило 1870 человек»[1].

Весьма высока была и активность кавказских банд. Говорить о поголовном вовлечении населения ЧИАССР в боевые действия против СССР, конечно, не приходится, но в лесах действовали 2–3 тысячи боевиков[2]. Они установили связь с немецкими войсками. С 1941 по конец 1944-го в Чечено-Ингушетии погибли почти 200 работников НКВД и военнослужащих.

Нестабильная ситуация в нефтеносном районе вызвала гнев Сталина. По его указанию 23 февраля 1944-го была проведена депортация чеченцев и ингушей в отдалённые районы Средней Азии. ЧИАССР

---

https://ria.ru/spravka/20080222/99840311.html

http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/202258/

была упразднена. В течение короткого срока до полумиллиона человек были перемещены, главным образом в Казахстан и Киргизию. В Чечне остались проживавшие там представители других национальностей, в первую очередь русские, составлявшие основную массу городского населения.

Любопытно, что депортацию вайнахов провели в момент, когда кризис на фронте давно миновал, вермахт был отброшен от предгорий Кавказа и угроза потери региона миновала. Трудно отделаться от мысли, что чеченцы и ингуши пострадали не столько по итогам Великой Отечественной, сколько по результатам всех событий со времён Гражданской войны. Сталин в качестве народного комиссара по делам национальностей имел дело с чеченцами с самого начала революции и к 1944 году, судя по всему, рассматривал Чечню уже не как область, а как четвертьвековую проблему. В своей манере генсек решил эту проблему максимально жёстким способом.

Изгнание было проведено в кратчайшие сроки и неожиданно для абсолютного большинства депортируемых. На сборы давалось по два часа, с собой изгнанники забирали лишь минимум вещей. Из-за тяжёлых условий переезда — в теплушках на морозе, при скудном питании — в пути умерло более тысячи человек. На новом месте спецпереселенцев распределили по колхозам. Режим был установлен весьма жёсткий: покидать места поселения было запрещено, большинство людей жило в крайне стеснённых условиях. К тому же в Советском Союзе в целом послевоенное время стало периодом тяжёлой голодовки, и на спецпереселенцах это также сказывалось.

В 1957 году, после смерти Сталина, чеченцам и ингушам разрешили вернуться домой. ЧИАССР в этом же году была восстановлена. Однако за прошедшие годы многим стало просто некуда возвращаться. Целые районы сменили насельников. Так, Новолакский район Дагестана после депортации чеченцев был заселён лакцами — откуда, собственно, идёт его название. Ингуши потеряли возможность вернуться в районы, отошедшие к Северной Осетии. Наконец, в самой Чечне (тогда Грозненской области) проживало уже более полумиллиона человек, и на возвращавшихся вайнахов смотрели со смешанными чувствами. Конфликт между осетинами и ингушами, связанный с этим переселением, не исчерпан до сих пор. Между чеченцами

и русскими, чеченцами и народами Дагестана постоянно происходили конфликты, подчас кровавые.

Поначалу возвращение вайнахов шло стихийно. По мере того как ограничения снимались, люди на свой страх и риск возвращались в Ингушетию и Чечню — обычно лишь для того, чтобы обнаружить свои дома занятыми. Правда, до массовых столкновений дело доходило редко. Как ситуация выглядела на практике, описывалось в жалобе колхозников на имя генсека Никиты Хрущёва: «Всюду слышишь факты бесчинства, оскорбление, драки, воровство, запугивание, выливающиеся в полном эгоизме — ненависти и национальной вражде между чеченами и ингушами, с одной стороны, и русскими, осетинами и кумыками, с другой стороны». Таким образом, новые поселенцы постепенно из Чечено-Ингушетии выдавливались, желающих уехать становилось всё больше.

В Грозном обстановка была наиболее тяжёлой. Город изначально был этнически более пёстрым, чем сельская местность. Теперь начался новый виток заклятой дружбы народов — в городе регулярно возникали межнациональные стычки, часто с поножовщиной; уровень преступности резко вырос.

В августе 1958-го дошло до массовых беспорядков. Всё началось с обычного бытового конфликта. После пьянки группа чеченцев устроила ссору из-за девушки, началась драка, в ходе которой зарезали рабочего по фамилии Степашин. Чеченцев немедленно арестовали (впоследствии убийцу расстреляли по приговору суда), но на фоне всех предшествующих событий похороны Степашина переросли в митинг. Уличные протесты перешли в штурм зданий обкома, МВД и КГБ; параллельно протестующие избили встречных чеченцев, один из которых умер. Погиб ещё один участник митинга — русский. Не сказать, чтобы дальнейшие меры властей оказались эффективными — спорадически конфликты на национальной почве случались и позднее.

Возвращаясь к теме переселения 40-х, стоит сказать, что практика коллективной ответственности, лишённая учёта индивидуальной вины, вообще порочна. В конечном счёте она не оправдалась и с утилитарной точки зрения. Депортация 1944 года, вопреки мнению любителей радикальных мер, не стала хорошим решением чеченского вопроса. Наоборот, она катастрофически замедлила модернизацию горского

общества. В массовом сознании чеченцев депортация и ссылка стали одним из ключевых сюжетов общенациональной памяти. Следует признать, что в Чечне советская власть потерпела полный провал — она не имела единой внятной стратегии, которой можно было бы последовательно придерживаться, и потому бросалась из крайности в крайность. Сначала изгнали русских казаков ради того, чтобы отдать землю чеченцам и ингушам; затем ввезли русских для развития промышленности региона; потом изгнали самих чеченцев и ингушей, затем вернули. Всё это коловращение народов уложилось в какие-то сорок лет.

Как бы то ни было, с 1957 года в жизни Чечни и Ингушетии начался новый этап. Проблема возвращения горцев несколько сгладила потребность в рабочих руках. За время отсутствия чеченцев и ингушей здесь появились новые заводы. Если в 1944 году в промышленности работала только тысяча вайнахов, к 1961 году их уже было 19 тысяч. Жизнь республики кое-как обустраивалась.

В рамках позднего СССР Чечено-Ингушетия являлась глубоко периферийной зоной. После открытия сибирских нефтяных месторождений значение Кавказа для советской экономики снизилось, хотя нефть осталась основой экономики ЧИАССР. Чечня оставалась преимущественно аграрным регионом с низким уровнем образования и слабыми перспективами. При этом значительную часть городского населения (хотя и меньшинство) составляли русские и представители других народов. Всего на 1989 год в Чечне было 718 тыс. чеченцев, 292 тыс. русских и украинцев и около 15 тыс. армян; 222 тыс. славян жили в столице республики Грозном, составляя там 56% населения . Люди нечеченской национальности чаще всего занимались квалифицированным трудом, имели более высокий уровень достатка. Кроме того, в деревнях, особенно на севере Чечни, жило много потомков казаков.' Собственно, северные районы восстановленной ЧИАССР были переданы в её состав достаточно поздно — в 1957 году. Населявшие их казаки оказались заложниками этого решения.

Чеченское общество после депортации развивалось специфически. В ЧИАССР почти не осталось мечетей — всего 13 на 1989 год. Но религия не исчезла, а лишь отступила на второй план. Хотя религиозный

Статистика почерпнута в работе Валерия Тишкова

фактор Первой Чеченской войны в 1990-е часто переоценивается, вера в это время стала одной из основ самосознания чеченцев, и значение её увеличивалось с каждым годом. С другой стороны, войну предрешила демография. Высокая рождаемость создавала избыток рабочих рук, при этом внутри Чечни выбор вакансий был невелик и с социальными лифтами дела обстояли неважно. Неустроенность и невостребованность толкала молодых чеченцев на заработки в «большом» Союзе, так что многие из них подолгу работали в строительных артелях — «шабашках». Это был довольно массовый способ заработка. Аслан Масхадов позднее утверждал, что из некоторых сёл на заработки уезжали почти поголовно [1]. Шабашки, конечно, не могли в достаточной мере стравить пар, и впоследствии одним из ключевых двигателей войны 90-х стала именно эта полумаргинальная, бедная, малообразованная среда. Многочисленная, амбициозная молодёжь, которой было нечего терять, устремилась в отряды Дудаева, Басаева и Гелаева, а также в самостоятельные малочисленные военизированные группы. Общая численность маргинализированного населения к моменту распада СССР доходила до 200 тысяч человек [2]. В 80-е в Чечено-Ингушетии уже существовала база для грандиозного взрыва. Вопрос состоял только в том, какие события этот взрыв спровоцируют.

ПРЫЖОК В НЕИЗВЕСТНОСТЬ

В конце 80-х Чечня оказалась вовлечена в общий процесс распада СССР. В конечном счёте Советский Союз сам вырастил своих могильщиков. Наиболее радикальной частью общества почти повсеместно оказывались две группы людей. С одной стороны, это была националистическая интеллигенция малых народов. В СССР уделялось много внимания созданию культурно-просветительских институтов на национальных окраинах, и здесь советская администрация угодила в ловушку. Местные деятели культуры, науки и искусства далеко не всегда были готовы вливаться в советскую элиту. Многие из них сохраняли лояльность лишь собственным национальным автономиям. Другим социальным слоем, толкавшим республики СССР к революции, стала национальная бюрократия. Будучи плоть от плоти советской партийной номенклатуры, эти люди тяготились зависимостью от Москвы и предпочли стать полноправными властителями пусть бедных и слабых, но собственных вотчин.

Механизм событий, развернувшихся в Чечено-Ингушской АССР, не слишком отличался от происходившего в других национальных автономиях Союза. Как и везде, обособление началось не с политических лозунгов. Первые митинги в Чечне были посвящены проблеме строительства химзавода недалеко от Гудермеса — второго по величине города в республике[1]. Помимо экологии небольшие неформальные группы начинали обсуждение этнографических, исторических и других вопросов, и в 1988 году эти кружки объединились в единое движение — «Союз содействия перестройке». Деятелей этого сообщества в наше время вспомнят очень немногие, имена Хож-Ахмеда Бисултанова или Лечи Салигова прочно забыты. Между тем в конце 80-х эти ораторы были лидерами, способными собрать многотысячные митинги.

Главным преимуществом «неформалов» было радикальное обновление повестки. Советская власть в прежнем виде не устраивала очень многих и в Чечне, и за её пределами. Возможность обсуждать когда-то запретные темы, ожидание новой жизни позволяли вести агитацию с размахом и колоссальным эффектом. Никакой внятной программы, кроме широко понимаемых демократизации и национализма, у этих людей не было. Но чтобы завладеть вниманием улицы, на тот момент ничего другого и не требовалось. Интересно, что религиозный фактор на тот момент играл второстепенную роль — на передний план он выйдет лишь во второй половине 90-х.

В 1989 году в ЧИАССР первым секретарём республиканского комитета Коммунистической партии впервые был избран чеченец — Доку Завгаев. Он же возглавил Верховный Совет республики. Новый глава Чечни не являлся убеждённым националистом, но неплохо чувствовал настроения масс и старался оседлать волну общественного мнения. Он быстро консолидировал власть в своих руках, но его правление оказалось по нраву далеко не всем. Завгаева обвиняли в коррупции и расстановке родственников на ключевые посты в республике.

---

[1] Любопытно, что в республике, хронически страдающей от безработицы, российским властям позднее ставилось в укор строительство заводов. Так, Аслан Масхадов по экологическим соображениям бранил власти за план построить электростанцию, заводы по производству шин и аккумуляторов.

ДОКУ ГАПУРОВИЧ ЗАВГАЕВ

Фото Александра Неменова

дата рождения	место рождения
22.12.1940	с. Бено-Юрт, Чечено-Ингушская АССР

- С 1944 по 1957 год — в ссылке в Казахстане.
- Учился в Горском сельхозинституте. Работал учителем начальных классов, позднее механиком, инженером в совхозе, директором совхоза.

- С 1971 года — председатель исполкома Надтеречного района, позднее делал партийную карьеру.
- В 1989 году избран первым секретарём Чечено-Ингушского обкома КПСС.
- В сентябре 1991 года потерял власть в Чечне. Занимал государственные должности в России.
- В декабре 1995 года избран главой Чечни на выборах, организованных правительством России.
- Летом 1996 года уехал из Чечни. Впоследствии служил в МИД России.

В этом же году в свободное плавание двинулась Ингушетия. Хотя ингуши — наиболее близкородственный чеченцам народ, в их национальном движении возобладала сугубо местная повестка. Главной проблемой республики был конфликт из-за района, переданного Осетии во время депортации вайнахов. Чеченские дела ингушей волновали сравнительно мало. В ближайшие годы Ингушетия и Чечня не просто разделятся, а пойдут совсем разными путями.

Тогда же на передний план в чеченской политике вышел Зелимхан Яндарбиев. По профессии филолог, он писал посредственные стихи и возглавлял в Чечне литературный кружок. Хотя позднее этот человек приписывал себе некие диссидентские взгляды, он был дитя именно советской системы взращивания национальных кадров. Прежде чем выйти на первые роли в дудаевской Чечне, Яндарбиев работал в Союзе писателей СССР, состоял в Коммунистической партии и ещё в период глубокого застоя издавал свои сборники поэзии с названиями вроде «Сажайте, люди, деревца». Однако он явно не собирался всю жизнь предаваться служению музе и быстро стал ключевым идеологом независимости Чечни. Публицистику Яндарбиева трудно назвать образцом тонкой словесности, но все недостатки риторики он блестяще замазывал толстым слоем пафоса.

Доку Завгаев, старый бюрократ, желал в первую очередь хорошо устроиться в рамках существующей системы. Яндарбиев же видел более широкую перспективу. Он основал Вайнахскую демократическую партию, ставившую целью превращение Чечни в союзную республику в рамках СССР. Чечня на правах автономии входила в состав РСФСР, и группа Яндарбиева требовала повысить её статус до полноправной республики, как Грузия или Украина.

Завгаев уповал на административные интриги, но Яндарбиев быстро перехватывал улицу. В 1990 году он затеял Съезд чеченского народа. Завгаев поддержал это собрание и даже на нём выступил, но был уже в роли догоняющего. Съезд прошёл 23–25 ноября в грозненском цирке. Одним из приглашённых был человек, уже известный в Чечне, но считавшийся тогда лишь одним из многих ораторов. Это был Джохар Дудаев.

Дудаев родился в Чечне за 8 дней до депортации в простой семье. Детство будущего вождя было трудным. Но впоследствии его карьера в Советском Союзе складывалась хорошо. Он дослужился

до генерал-майора авиации и стал первым чеченцем-генералом. Впрочем, его связь с чеченскими корнями была относительной. До 90-х он почти не бывал в Чечне, был женат на русской и никогда не был особо ревностным мусульманином. В 80-е годы, ещё полковником, участвовал в бомбардировках Афганистана. Впоследствии Дудаев отрицал своё участие в этих бомбёжках: в Чечне 90-х роль веры возросла, и участие в войне против исламских собратьев становилось компрометирующим. Однако в российских архивах сохранился наградной лист, содержащий такие слова:

> «Полковник Дудаев Джохар Мусаевич с 1988 по 1989 год принял активное участие в разработке боевых операций по нанесению бомбовых ударов по объектам мятежников, внедрении новых тактических приёмов ведения боевых действий в условиях гористой местности Республики Афганистан. Выполнил лично 3 боевых вылета в районы Гардез, Газни и Джелалабад. Руководимая им авиагруппа выполнила 591 самолёто-вылет. По штабам исламского комитета мятежников, живой силе и другим объектам было сброшено 1160 ФАБ-3000 и 56 ФАБ-1500*. За мужество и героизм, умелое руководство оперативной группой Дудаев Джохар Мусаевич достоин награждения орденом Красного Знамени»[4].

В 1990 году бэкграунд советского кадрового военного вовсе не пятнал репутацию Дудаева. Наоборот, с точки зрения чеченцев его биография выглядела как история выдающегося личного успеха. На боевого генерала быстро обратили внимание. К тому же нельзя отрицать и личных качеств Дудаева: это действительно был сильный лидер и, по отзывам сослуживцев, хороший военный. Время перемен в Чечне проявило и другие его качества. Дудаев оказался хорошим оратором и популистом, обладал харизмой публичного политика, умел организовать сторонников и успешно играть на публику. Амбициозность, импульсивность, самолюбие этого человека вскоре сыграют в событиях в Чечне огромную роль.

---

* Трехтонные и полуторатонные бомбы соответственно.

ЗЕЛИМХАН АБДУЛМУСЛИМОВИЧ ЯНДАРБИЕВ

Фото Александра Неменова

дата рождения	место рождения
12.09.1952	с. Выдриха, Казахстан

- В 1981 году окончил филологический факультет Чечено-Ингушского государственного университета.
- Работал корректором, позднее начальником отдела в Чечено-Ингушском книжном издательстве. Публиковал стихи и прозу, вёл литературный кружок.

- Член Союза писателей СССР, главный редактор детского журнала.
- С конца 80-х годов занимался политической деятельностью. Радикальный чеченский националист, последовательный сторонник жёсткой линии в отношениях с Россией.
- В 1990 году создал Вайнахскую демократическую партию, в том же году стал заместителем председателя Общенационального конгресса чеченского народа (председатель — Джохар Дудаев).
- В 1993 году стал вице-президентом Чечни, выполнял идеологические и дипломатические функции.
- В ходе первой войны в Чечне — полевой командир. С марта 1995 года — разыскивается властями России по обвинению в бандитизме.
- В апреле 1996 года в связи с гибелью Дудаева стал и.о. президента и формальным главнокомандующим боевиками Ичкерии.
- В 1996 году участвовал в переговорах об условиях прекращения огня.
- В 1997 году участвовал в президентских выборах в Чечне, занял третье место с 10% голосов избирателей.
- С 1997 года — в оппозиции президенту Чечни Аслану Масхадову. Выступал с националистических и радикально религиозных позиций.
- С осени 1999 года — назначен Масхадовым представителем Ичкерии в мусульманских странах.
- Осенью 2002 года ушёл в отставку из-за несогласия с Масхадовым по ряду вопросов, в частности — из-за осуждения Масхадовым захвата заложников в Москве.
- Включён Советом безопасности ООН в список международных террористов.
- Жил в Катаре. 13 февраля 2004 года ликвидирован в Дохе при помощи мины.

ДЖОХАР МУСАЕВИЧ ДУДАЕВ

Фото Дмитрия Борко

дата рождения	место рождения
15.02.1944	с. Ялхорой, Чечено-Ингушская АССР

- С 1962 года — служба в Советской армии.
- С 1987 года — командующий 326-й дивизией тяжёлых бомбардировщиков (г. Тарту, Эстония).
- В 1989 году присвоено звание генерал-майора авиации.

- Участвовал в войне в Афганистане.
- Уволен в запас в 1991 году.
- 8 июня 1991 года — избран председателем исполкома Общенационального конгресса чеченского народа.
- 27 октября 1991 года — избран президентом Чечни. Провозгласил независимость республики.
- С 1994 года руководил вооружёнными формированиями Ичкерии в ходе боевых действий против России.
- Убит в результате удара российского боевого самолёта 21 апреля 1996 года.

Но в 90-м году Дудаев ещё не успел приобрести власть и влияние и был только одним из делегатов инициированного Яндарбиевым Съезда чеченского народа. В общей сложности на нём присутствовало около трёх тысяч человек. Делегатов приглашали от районов и сёл по результатам опросов — по крайней мере, так заявлялось. Ключевым результатом съезда стала Декларация о суверенитете Чечено-Ингушетии. Заодно постановили ограничить въезд в Чечню людей извне и запретить назначение на посты глав силовых ведомств «лиц некоренной национальности». Отдельная любопытная деталь — персональное осуждение историка Чечни Виталия Виноградова, чьи концепции расходились с воззрениями местных националистов.

Тогда ещё не шла речь о полном выходе из состава РСФСР и СССР — съезд только объявил о намерении подписать договор с союзным центром.

Завгаеву казалось, что он сделал удачный ход и повысил свой статус в глазах Москвы. Именно интригами на союзном уровне он и планировал заниматься в ближайшее время. Но фактически у него незаметно и с его же одобрения угнали республику. Съезд сделал легитимными всех, включая радикалов. Дудаев и Яндарбиев оказались наиболее яркими из публичных фигур чеченского национализма и быстро вышли на первый план. Некоторое время казалось, что Дудаев будет свадебным генералом, но вскоре стало ясно, что это самостоятельный лидер. Его опорой стал Общенациональный конгресс чеченского народа (ОКЧН), не имевший официальных полномочий, но претендовавший на реальную власть в республике. ОКЧН начал формировать национальную гвардию из своих сторонников.

Перед ЧИАССР в этот момент стоял целый ряд политических проблем. Самой очевидной из них был неясный статус республики в составе СССР и России. Другой трудностью был отдельный статус Ингушетии и спорных районов на границе между Ингушетией и Осетией. После депортации 1944-го часть тогдашней территории Ингушетии заселили осетины. Теперь, когда центральная власть ослабла, старые раны открылись. Наконец, к чеченскому этническому сепаратизму добавилось стремление местных русских к отделению уже от самой Чечни. Казаки, населявшие север республики, потребовали собственной автономии и возвращения своих районов в состав Ставрополья, к которому они до 50-х

годов XX века и относились. Весной 1991-го в Сунженском районе Ингушетии начались массовые драки с человеческими жертвами, а местный атаман Александр Подколзин был убит. Именно тогда начался исход русского населения из республики.

К лету 1991-го Дудаев и его соратники сочли себя достаточно окрепшими, чтобы заявить о претензиях на власть. Радикалы из ОКЧН потребовали низложить Верховный Совет республики и объявили о неприятии участия чеченцев в выборах президента России. Интересно, что в составе ОКЧН нашлась своя «умеренная фракция», объявившая об узурпации Дудаевым воли народа. Однако радикалов уже ничто не могло остановить. Завгаев потерял управление республикой.

Решающие события произошли в августе 1991 года, во время путча ГКЧП — попытки группы советских чиновников отстранить от власти Михаила Горбачёва. Путч завершился разгоном ГКЧП, но власть утратил и Горбачёв. Президент России Борис Ельцин взял под контроль советские органы власти, СССР прекратил своё существование и распался на 15 самостоятельных республик, включая Россию. Пока происходили все эти события, Завгаев выжидал, планируя присоединиться к победителю. Это оказалось его фатальной ошибкой. Радикальная оппозиция сразу же возвестила о неприятии позиции путчистов, увязав противостояние ГКЧП со свержением Верховного Совета Чечни. Дудаевцы захватили телецентр, позволив своему лидеру изложить свои требования публично. Милиционеры практически не пытались противостоять митингующим и в итоге перешли на их сторону. Верховный Совет оказался полностью деморализован. 2 сентября ОКЧН, опираясь на многотысячный митинг своих сторонников в Грозном, объявил о принятии властных полномочий. 6 сентября вооружённые люди Дудаева ворвались на заседание Верховного Совета. Секретаря горкома Грозного Виталия Куценка выбросили из окна третьего этажа, и тот погиб. Завгаев бежал и укрылся на севере Чечни.

Как ни странно, этот переворот поддерживали даже представители высшей власти. Руслан Хасбулатов, председатель Верховного Совета России (и самый высокопоставленный чеченец в государстве), настоял на самороспуске Верховного Совета ЧИАССР. Судя по всему, Хасбулатов полагал, что, раз уж Завгаев и ВС республики слабы и не могут реально править Чечнёй, следует взаимодействовать с Дудаевым. Вольно или невольно Хасбулатов

действовал в его интересах. Он даже угрожал Завгаеву привезти его в железной клетке в Москву, если тот продолжит борьбу за власть[1].

Вообще, федеральный центр тогда не принял никаких мер для обуздания радикалов. В момент, когда можно было пресечь вооружённое насилие, ещё функционировавшие в Чечне МВД и КГБ сделали для этого блестяще ничего. Контроль над ситуацией в республике был полностью утрачен, а правительства Горбачёва и Ельцина, занятые борьбой за Кремль, чеченскую проблему, похоже, просто не замечали.

Осень оказалась богата на события. 1 октября представители ОКЧН и ингушские националисты договорились о разделе республики на Чечню и Ингушетию. С этого момента пути республик разошлись окончательно. В октябре 1991-го в Чечню прилетел вице-президент России Александр Руцкой. Нескольких дней, проведённых в республике, хватило, чтобы признать очевидное: джинн улетел из бутылки уже слишком далеко. Итогом поездки Руцкого стало постановление Верховного Совета РСФСР — абсолютно вегетарианское, но по крайней мере фиксирующее ситуацию как есть: «Продолжается эскалация насильственных действий со стороны незаконных вооружённых формирований. Осуществляется захват государственных учреждений, а также официальных должностных лиц. Отдельными общественными формированиями присваиваются полномочия органов власти, совершаются иные антиконституционные действия. Жизнь, права, собственность граждан Чечено-Ингушской Республики подвергаются всевозрастающей опасности»[2]. Далее постановление увещевает те самые вооружённые формирования до 10 октября сдать оружие в распоряжение МВД. Естественно, никто и не рассчитывал, что абреки, сменившие черкеску и кинжал на камуфляж и пулемёт, это указание вдруг выполнят.

Однако Россия бурлила, и самому Руцкому до участия в вооружённом восстании оставалось два года. К тому же, с точки зрения администрации Ельцина, опасным очагом сепаратизма тогда выглядел скорее Татарстан, а главную политическую угрозу правительство видело в возможном реванше коммунистов и даже победе левых

---

[1] Джабраил Гакаев. Путь к чеченской революции. 1999. http://old.sakharov-center.ru/chr/chrus08_3.htm

[2] Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 8 октября 1991 года № 1723-1 «О политической ситуации в Чечено-Ингушской Республике».

радикалов в самой Москве. Поэтому проблема Чечни либо игнорировалась, либо её не воспринимали как первоочередную.

27 октября прошли выборы президента и парламента Чечни. Их исход был предрешён заранее. Избирательная комиссия и пресса находились под плотным контролем ОКЧН, в выборах участвовало буквально несколько процентов избирателей на 70 из 360 избирательных участков[4]. Противники Дудаева снимались и выходили из гонки[5]. Номинальными соперниками Дудаева остались доцент грозненского университета Рамзан Гойтамиров и агроном Мамака Сулаев, не пользовавшиеся никаким авторитетом.

Выборы президента явились не более чем попыткой придать легитимность перевороту. Но для чеченских националистов это уже не имело никакого значения. 1 ноября 1991 года Джохар Дудаев объявил о полной независимости Чечни. В январе 1994-го Дудаев переименует мятежный регион в Чеченскую Республику Ичкерия.

ИНТЕРЛЮДИЯ. ГОСУДАРСТВО И АРМИЯ

Для того чтобы понять дальнейшие события, нужно сказать несколько слов о состоянии российского государства и общества в 90-е годы.

В начале девяностых о распаде СССР мало кто сожалел: советская идеология и государственный строй оказались полностью дискредитированы. Но дальнейшие события обернулись для страны полной катастрофой. Уровень жизни в России резко упал и в течение всех 90-х продолжал снижаться. Советскую промышленность по большей части постиг полный крах. Финансовая система лежала в руинах. За тяжёлым экономическим кризисом начала 90-х последовал сокрушительный дефолт в 1998 году. Средние зарплаты и пенсии позволяли разве что не умереть с голоду, но на многих предприятиях задерживали и эти мизерные выплаты. Пенсионеры и бюджетники влачили жалкое существование. Абсолютное большинство населения России в 90-е годы были очень бедными людьми с туманными перспективами. Экономические потрясения страны оказались сравнимы разве что с крахом экономики Веймарской Германии или с Великой депрессией в США.

Российскую экономику контролировала небольшая группа магнатов, присвоивших практически все ценные активы советских времён при помощи мутных схем. Эти магнаты — к которым уже тогда приклеилось звание «олигархи» — сколотили огромные состояния и стали оказывать большое влияние на государственную политику. Тем более, что само государство, в советскую эпоху пронизывавшее все стороны жизни, резко ослабело и едва выполняло свои основные функции.

На этом фоне процвели все антисоциальные явления, какие только можно вообразить. Уровень убийств и других тяжких преступлений несколько лет рос чуть ли не по экспоненте, как и уровень наркомании, алкоголизма и, соответственно, смертности.

На экономические неурядицы наложились политические потрясения. Президент Ельцин, придя к власти на волне желания перемен и надежд на лучшую жизнь, быстро утратил популярность. Оппозиция Ельцину была достаточно сильной, чтобы доставить ему множество проблем. Начало 90-х прошло под знаком противостояния Ельцина и парламента — Верховного Совета. В 1993 году борьба за власть вылилась в кровавые бои прямо в центре Москвы с применением танков и многочисленными жертвами. Верховный Совет был полностью разгромлен. Его лидеры, Александр Руцкой и Руслан Хасбулатов, остались в живых, но уже никогда не играли существенной роли в политике.

Но на этом политическая борьба не закончилась. Пожалуй, самой серьёзной проблемой Ельцина стал гипотетический реванш коммунистов. Компартия стабильно оставалась одной из основных сил в Государственной Думе, сменившей Верховный Совет, и претендовала на приход к власти в стране уже демократическим путём. Лидер коммунистов Геннадий Зюганов был начисто лишён харизмы, но на фоне происходящего в стране социалистическая идеология вновь набирала популярность. По прошествии всего нескольких лет СССР в сознании многих стал утрачивать негативные коннотации, возникла ностальгия по советской жизни с её социальной стабильностью и уверенностью в завтрашнем дне. Для пенсионера, чей семейный бюджет исчислялся несколькими десятками долларов, или шахтёра, который месяцами ждал зарплаты, времена СССР действительно могли казаться утраченным золотым веком. К тому же лично Борис Ельцин на глазах превращался из народного лидера в омерзительного старика, который страдал от алкоголизма и всё больше терял адекватность.

По этой причине избирательная кампания 1996 года прошла весьма драматично. Сторонники Ельцина апеллировали не столько к достоинствам своего кандидата, сколько к страху перед новыми потрясениями в случае возвращения коммунистов. К тому же с момента начала рыночных реформ прошло всего несколько лет, и некоторая надежда на то, что они ещё принесут плоды, оставалась. О равенстве участников президентской гонки говорить не приходится — на стороне Ельцина были почти все крупные СМИ и олигархи, его поддерживала прозападно ориентированная интеллигенция. Но в этой битве политических инвалидов Ельцину удалось победить лишь во втором туре с небольшим перевесом.

Во многом успех Ельцина в 1996 году был предопределён союзом с Александром Лебедем. Этот популярный генерал, прославившийся участием в миротворческих операциях в начале 90-х, успешно играл роль сильного лидера, и хотя он не обладал ни ресурсами Ельцина, ни идеологической базой Зюганова, своё третье место по популярности удерживал прочно. Союз с Ельциным позволил тому победить, а Лебедь на короткий срок вошёл в верхушку российского истеблишмента. Продержался генерал там недолго, но в это время был любимцем публики и успел сыграть огромную роль в чеченском конфликте.

Кризис 1998-го добил остатки популярности Ельцина, а водка — его здоровье. В окружении дряхлеющего президента лихорадочно искали преемника, который должен был стать достаточно популярным, чтобы выиграть выборы, но не развесить новую элиту на фонарях, придя к власти. Такой человек был найден в лице директора ФСБ Владимира Путина, который впоследствии оказался намного более самостоятельным политиком, чем от него ожидали.

Все эти пертурбации сказались на боеспособности армии самым драматическим образом. Жалованье офицеров было нищенским, выплаты задерживались месяцами. О закупках нового вооружения и техники приходилось только мечтать. Бытовые условия жизни военнослужащих были просто жалкими. Боевая подготовка в большинстве воинских частей практически остановилась. Солдаты занимались хозяйственными работами, офицеры превращали свои подразделения в строительные артели. В армии процветали отвратительные явления, в частности дедовщина, размах которой был в несколько раз выше современного уровня. Коррупция приняла

чудовищные масштабы. Многие служащие по бросовой цене распродавали военное имущество, в том числе оружие и боеприпасы. Призывники стремились избежать армейской службы, престиж которой упал ниже плинтуса. Сохранять стойкость и верность присяге в таких условиях было нелегко, многие офицеры уходили на гражданскую работу, а солдаты считали дни до увольнения в запас.

Старая советская идеология была дискредитирована. Однако хаос и нищета, царящие вокруг, ударили и по прозападной риторике, бывшей ещё пару лет назад на пике популярности; само слово «демократия» для многих звучало издевательски. Национализм оставался маргинальной идеологией, и несмотря на то, что отдельные радикальные движения вроде национал-большевиков выглядели ярко, они никогда не могли реально претендовать на власть в стране. Манипуляции на выборах, стрельба по парламенту из танков и полное, как казалось, отсутствие перспектив привели к массовому разочарованию в любой идеологии вообще.

Чечня для российского правительства оставалась проблемой в ряду множества других, что и предопределило недостаточное к ней внимание. В обществе же, на фоне всего сказанного выше, военный патриотизм был малопопулярным. К идее войны как таковой в России относились дурно, желающих участвовать в боевых операциях было немного. Конечно, и в 90-е, как во все времена, были люди долга и чести, патриотически настроенные солдаты и офицеры, а также разнообразные военные авантюристы и романтики. Основную же массу общества составляли люди аполитичные, а идеи борьбы за культурно чуждую Чечню выглядели для них безумными. Понадобилось жестокое унижение и море крови, чтобы идея «раздавить гадину» приобрела привлекательность в народных массах.

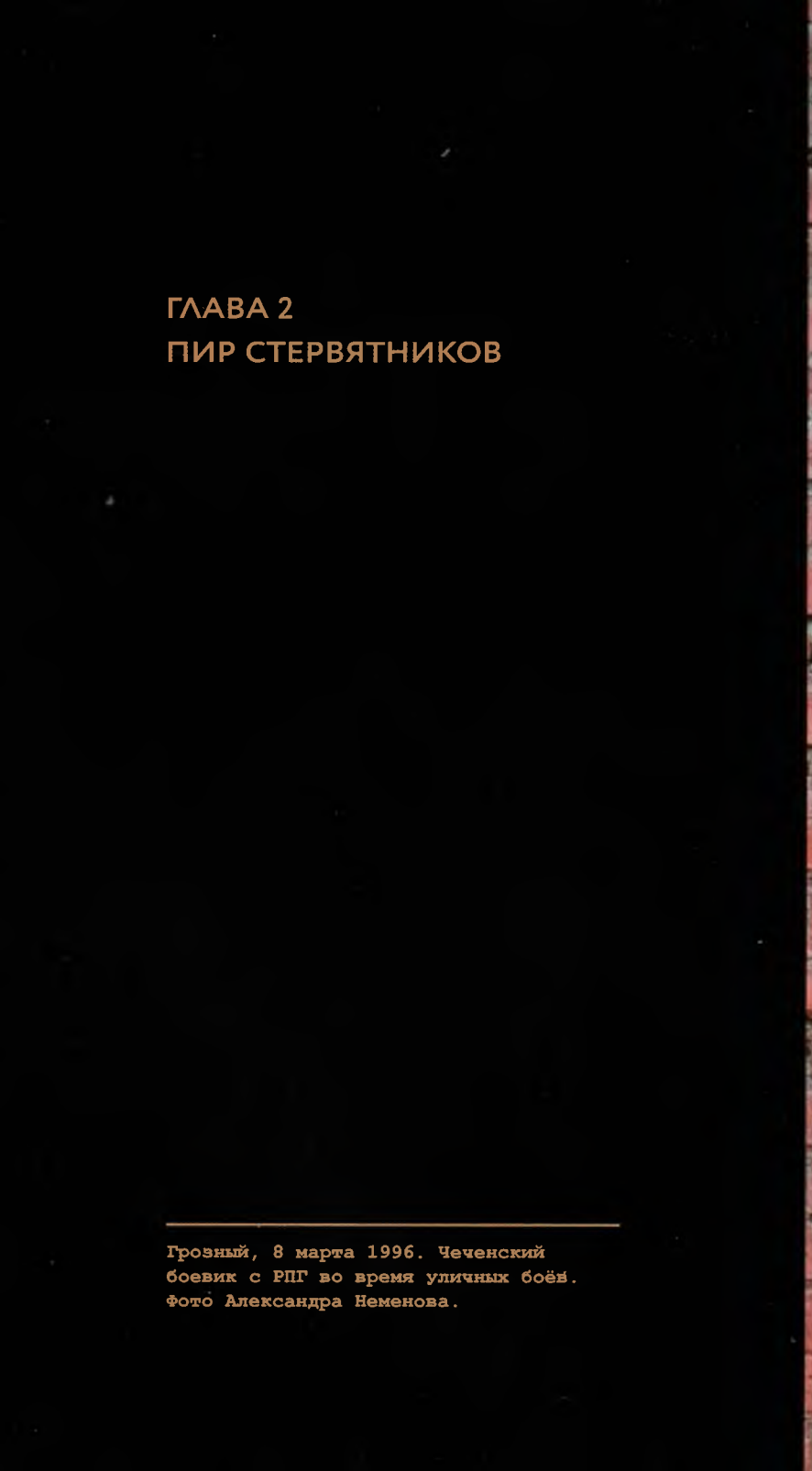
Но это произошло далеко не сразу. В течение 90-х годов основная масса солдат и офицеров была уверена, что власть в стране принадлежит мафии, и трудно было бы ожидать, что кто-то станет лить за эту мафию кровь. В огромной степени те хорошие качества, которые всё-таки демонстрировали многие российские солдаты во время войны в Чечне, формировались или от противного — из желания разобраться с жестоким врагом, или из чувства солидарности с товарищами по оружию. Уровень мотивированности и объяснения самим себе, для чего они воюют, у солдат и офицеров будут меняться в ходе конфликта, но вступала Россия в войну откровенно не в лучшей форме.

Грозный, 31 марта 1995. Русский спецназовец развлекается перед выездом на задание. Фото Александра Неменова.

Москва, январь 1995. Протестующие против Чеченской войны перед германским посольством. Фото Александра Неменова.

KRIEG IN
TSCHETSCHENIEN
SACHE DER WELT
ÖFFENTLICHKEIT!

ГЛАВА 2
ПИР СТЕРВЯТНИКОВ



Грозный, 8 марта 1996. Чеченский боевик с РПГ во время уличных боёв. Фото Александра Неменова.

Грозный, 16 декабря 1994. Митингующие сторонники Дудаева исполняют зикр перед Президентским дворцом.
Фото Александра Неменова.

Подняв валявшуюся на улице власть, Дудаев ввязался в игру с крупными ставками. Для бывшего советского генерала и вождя мятежной республики пути назад были отрезаны. Он обеспечил своё лидерство грубой силой, а его соратники — люди честолюбивые и жестокие — уже обладали собственными вооружёнными отрядами. Так что логика событий заставляла Дудаева непрерывно играть на повышение, подтверждая свой лидерский статус.

Учитывая специфику чеченского общества, звание президента было скорее титулом, чем должностью, и остановиться Дудаев не мог. Тем более, он находился на коне: блестящий популист, он очень точно угадывал настроения толпы, не забывал апеллировать к попранному чувству национального достоинства, любил польстить слушателям. Его речи были нарочито театральными, но оказывали магнетическое действие на целевую аудиторию, состоявшую из совсем неискушённых людей.

Обладая большим личным авторитетом, Дудаев всё же не являлся самовластным командующим всеми вооружёнными формированиями Чечни. Бывший советский генерал был первым среди равных, но отряды его соратников пользовались широкой автономией, а их командиры сами заботились о формировании своих «дружин», их вооружении и финансировании. Чаще всего это были совсем небольшие отряды до нескольких десятков человек. Как правило, они формировались из родственников и односельчан, иногда по принципу тейпов (кланов). Дудаева или Басаева они уважали, но только как влиятельных лидеров; воевать мелкие командиры предпочитали в первую очередь за себя.

Между тем Москве уже стоило обеспокоиться происходящим. Сообщения из мятежной республики становились всё более зловещими. В ноябре 1991-го группа террористов, среди которых был печально прославившийся в будущем Шамиль Басаев, захватила самолёт в Минеральных Водах и угнала его в Турцию. Тогда обошлось без массового кровопролития, а захватчикам хватило пресс-конференции; заложники были отпущены. Террористы, что интересно, турецкими властями были освобождены. Позднее Турция неоднократно оказывала негласную, но значимую помощь и Дудаеву, и его преемникам. Басаев приобрёл ценный опыт подобного рода акций и активно использовал его позднее. Для него этот теракт стал рекламной акцией на «внутренний рынок» — после этого на Басаева

в Чечне многие обратили внимание. Впрочем, этот теракт был лишь разовой эскападой. Главные события происходили в самой мятежной республике.

8 ноября российские власти впервые попытались применить силу. В Чечне было объявлено чрезвычайное положение, а в Грозный вылетели два самолёта с солдатами Внутренних войск. Сторонники Дудаева блокировали приземлившиеся в аэропорту Ханкала лайнеры. Солдаты летели в Грозный невооружёнными — оснастить их предполагалось с местных складов. Решение просто фантастически нелепое: из-за этого бойцы не смогли даже покинуть самолёты[6]. После нескольких дней бесплодных переговоров солдаты покинули Чечню. Первая попытка управиться с Дудаевым обернулась фарсом.

Кстати, уже тогда Дудаев начал прощупывать почву для вывода конфликта за пределы Чечни. Осенью 1991-го он призвал мусульманские народы России «превратить Москву в зону бедствия». «Во имя нашей общей свободы от куфра (нечисти)» лидер Чечни предлагал «перенести страх и муки в логово зла и насилия над народами, в Москву»[7]. Тогда этот призыв остался неуслышанным, но позже расширение зоны конфликта станет для преемников Дудаева одной из ключевых задач.

Будущее Чечни её лидер представлял себе смутно и наивно. В частной беседе Дудаев заявлял:

> «Нефть в Чечне ещё не полностью разведана. Кувейт ни в какое сравнение не идёт с Чечнёй. Там нет воды и леса. Мы будем продавать родниковую воду и пить верблюжье молоко. В Аравии много верблюдов, их можно акклиматизировать у нас в Чечне. Чеченские интеллектуалы будут готовиться по всему миру и постепенно оттеснят евреев. Евреи — способная нация, но чеченцы возьмут смелостью. Мы станем главной интеллектуальной силой в мире»[8].

---

[6] Суд горцев: Ельцин разжигает вторую кавказскую войну. https://www.kommersant.ru/doc/1404

Национал-романтизм Дудаева, проекты экспансии на Кавказе, планы превращения Чечни в кавказский Кувейт — всё это было весьма абстрактно, но аудитория у него была невзыскательная, и, по крайней мере в ближайшие годы, вождь мог дать ей всё, что она желала.

АРСЕНАЛ РЕВОЛЮЦИИ

Дудаевским формированиям требовалось оружие. Поначалу на сторону новой чеченской власти перешла часть силовиков республики, но дудаевцам требовалось куда больше вооружений. Боевики начали захват частей бывшей Советской армии и других силовых структур почившего СССР. Мало кто помнит дату 5 октября 1991-го, но с этого дня и началась эскалация насилия в Чечне . В этот день произошёл разгром чечено-ингушского КГБ и было захвачено несколько сот стволов огнестрельного оружия, которое раздали сторонникам Дудаева. Желания оборонять здание у чекистов не было. На дежурстве находились всего три человека (из них две женщины), ещё двое сотрудников побывали в здании непосредственно перед захватом, но они ограничились тем, что забрали из сейфов изъятые по уголовным делам ценности (валюта, золото), и скрылись. Уголовное дело о захвате здания и оружия было приостановлено уже 9 января 1992-го, и вскоре его закрыли.

В феврале 1992-го Ельцину на стол легла докладная записка председателя Государственного комитета по оборонным вопросам Павла Грачёва:

> «В течение трёх суток, с 6 по 9 февраля, организованными группами боевиков совершены нападения и разгромы военных городков с целью захвата оружия, боеприпасов и грабежа военного имущества.
>
> 6–7 февраля разгромлен 566-й полк внутренних войск МВД России, захвачены расположение 93-го радиотехнического полка 12-го корпуса противовоздушной обороны и пункт дислокации 382-го учебного авиационного полка (пос. Ханкала) Армавирского высшего военного авиационного училища лётчиков.

В результате этих противоправных действий захвачено около 4 тысяч единиц стрелкового оружия, нанесён материальный ущерб на сумму свыше 500 млн рублей.

С 18 часов 8.02 по настоящее время в г. Грозном боевики незаконных бандитских формирований Чеченской Республики осуществляют нападения на военные городки 173-го Окружного учебного центра.

Личный состав воинских частей оказывает сопротивление противоправным действиям. Имеются убитые и раненые с обеих сторон. Сложилась реальная угроза захвата складов с оружием и боеприпасами, на которых хранятся более 50 тысяч единиц стрелкового оружия и большое количество боеприпасов.

Кроме того, в опасности находятся и семьи военнослужащих, которые, по сути дела, являются заложниками чеченских националистов. Морально-психологическое состояние офицеров, прапорщиков и их семей напряжённое, на пределе возможного.

По своему боевому и численному составу войска Северо-Кавказского военного округа и внутренних войск МВД России не способны оперативно влиять и оказывать должное противодействие националистическим группировкам, которые на территории Северного Кавказа постоянно увеличиваются»[57].

Это сообщение не возымело ни малейшего эффекта. Никаких мер принято не было. Дезориентированные, не имеющие внятных указаний военнослужащие редко когда оказывали дудаевцам эффективное сопротивление, а через семьи давить на офицеров было проще простого. Вывоз военнослужащих и их родственников с территории Чечни происходил в основном летом 1992-го, и, как правило,

военные покидали республику безоружными. Огонь по боевикам, выносящим оружие из воинских частей, открывался почему-то крайне редко. Дудаеву звонили из Москвы и просили принять меры. Тот деланно возмущался и торжественно объявлял, что впредь с головы русских не упадёт ни волоса. При этом он честно предупреждал, что ни одного автомата из Чечни увезти не позволит. На практике нападения на военнослужащих и военные объекты приняли систематический характер и происходили почти каждый день [9]. Склады и военные городки захватывались по отработанной схеме: толпы женщин создавали массовку и не позволяли открыть огонь, а за шумными чеченскими дамами шли их мужья. Нельзя сказать, что такие нападения всегда оказывались успешными. Например, попытка захватить военный городок в Ханкале кончилась стрельбой, в результате которой охрана городка убила и ранила около дюжины чеченцев [10]. Но в целом фраза «паралич воли» лучше всего описывает положение российских военных в Чечне и Москве.

Часть вооружения приобреталась боевиками коррупционным путём. Позднее полевой командир Салман Радуев, попавший российским войскам в плен, на допросе сообщил:

> «Мы покупали оружие и вооружение у российских военнослужащих, которые в то время находились на территории Чечни. Я лично таким способом купил два комплекта установки залпового огня „Град" по 20 тыс. долларов и большое количество стрелкового оружия и боеприпасов. Механизм был примерно таким. Мы через мирных жителей в устной форме договаривались с тем или иным командиром российских подразделений и платили деньги. Те, в свою очередь, в определённое время направляли машины с необходимым вооружением в условленный район, где моими бойцами инсценировалось нападение, в результате которого вооружение переходило под наш контроль»[11].

---

[11] Протокол допроса Салмана Радуева в качестве обвиняемого [illegible].

В итоге к лету 1992-го чеченцы захватили арсенал, достаточный для вооружения армии небольшой страны, и когда Павел Грачёв распорядился передать половину вооружения и техники чеченским формированиям, это уже было признанием свершившегося факта. В реальности к тому моменту было захвачено почти всё имевшееся в республике вооружение. В общей сложности, по данным Комиссии Государственной Думы РФ по расследованию причин и обстоятельств кризиса в Чеченской Республике, на российских военных объектах к августу 1992-го было, среди прочего, захвачено:

- 2 пусковые установки тактических ракет;
- 42 танка;
- более 90 единиц другой бронетехники;
- 139 артиллерийских систем;
- около 90 противотанковых установок;
- 5 зенитно-ракетных комплексов;
- 88 ПЗРК[1];
- около 40 тысяч стволов стрелкового оружия;
- 27 вагонов боеприпасов;
- почти 1000 военных автомобилей[2] [12].

Проблему несколько смягчало плохое состояние техники и отсутствие у дудаевцев достаточного количества специалистов для её использования и обслуживания. Значительная часть этого арсенала так никогда и не была использована, часть стволов и вовсе продали на чёрном рынке. Что удивительно, в 1994–96 годах минимальным было даже использование ПЗРК.

Незаконным вооружённым формированиям досталось даже несколько боевых и огромное количество учебных самолётов[3]. К счастью, со специалистами для их обслуживания у дудаевцев также возникли сложности, запчастей не хватало, и на деле они смогли сделать лишь несколько боевых

ПЗРК — переносной зенитно-ракетный комплекс.

http://old.memo.ru/uploads/files/352.pdf

http://www.airwar.ru/history/locwar/chechnya/av1/av1.html

вылетов во время борьбы между самими чеченцами[1]. Тем не менее, Дудаев даже разрабатывал планы ударов по российским городам с воздуха[13].

Чеченцы также снабжались оружием из-за рубежа. Часть оружия они приобрели на чёрном рынке Грузии, где также были разграблены советские арсеналы. По данным Бислана Гантамирова[2], дудаевцы также получали партии стрелкового вооружения через Азербайджан от чеченской диаспоры Турции и Ближнего Востока. Параллельно Дудаев вёл работу по созданию армии и спецслужб. В 1993 году был создан Департамент государственной безопасности (ДГБ). Дудаев пытался привлечь туда кадры советских спецслужб, но это ему удавалось плохо, и костяк ДГБ составили бандиты[14]. Департамент занимался разведкой, контрразведкой, работой с журналистами. В частности, именно от руководителя ДГБ Гелисханова исходило письмо Дудаеву с просьбой выделить дополнительный миллион долларов для работы с прессой[13]. Также в начале 90-х ДГБ крайне жестокими методами вёл борьбу против внутричеченской оппозиции.

Что касается вооружённых формирований, то Дудаев не мог рассчитывать на всеобщее руководство отрядами боевиков. Помимо «официальных» подразделений, чеченские атаманы сами сколачивали себе отряды. Наиболее известным из таких формирований был «Абхазский батальон» Шамиля Басаева. Он участвовал в войне против Грузии в 1992 году и вернулся во главе отряда в 380–450 человек[15], ставшего костяком его будущей частной армии. Другим большим подразделением стал «Полк специального назначения „Борз"» Руслана Гелаева. К началу войны эти два частных формирования оказались самыми крупными. Абхазия стала своего рода полигоном для военных вождей.

В Абхазию Басаев, Гелаев и несколько полевых командиров меньшего калибра попали по линии Конфедерации горских народов Кавказа. Эта организация появилась в 1989 году в качестве союза националистов небольших народов, включая чеченцев, карачаевцев, народы Дагестана.Интересно, что Басаев был связан с КГНК ещё до становления в качестве военного вождя.

---

http://www.airwar.ru/history/locwar/chechnya/first/first.html

https://www.kommersant.ru/doc/2285686

Первомайский, 15 декабря 1994. Начало войны, двое колоритных чеченских боевиков охраняют въезд в деревню. Фото Александра Неменова.

Грозный, 15 декабря 1994. Чеченские женщины на антироссийском митинге. Фото Александра Неменова.

РУСЛАН ГЕРМАНОВИЧ ГЕЛАЕВ

Фото Александра Неменова

дата рождения	место рождения
16.04.1964	с. Комсомольское, Чечня

Окончил три класса средней школы. По некоторым данным, имел судимости за общеуголовные преступления.

В 1992–1993 годах участвовал в войне в Абхазии на стороне абхазских повстанцев.

С 1993 года командовал собственным отрядом («полк специального назначения „Борз“»).

Активный участник обеих войн в Чечне. Командовал отрядом в Грозном, а позднее — в горной части республики. Участвовал в нападениях на Грозный весной и летом 1996 года.

Весной 1995 года казнил нескольких пленных солдат и офицеров в качестве мести за продолжение боевых действий российскими войсками.

В ходе второй войны в Чечне участвовал в обороне Грозного. В феврале-марте 2000 года отряд Гелаева был окружён и разгромлен в селе Комсомольское.

Организовал базу чеченских боевиков в Грузии.

В 2002 году организовал рейд через территорию Ингушетии.

Убит в феврале 2004 года во время боёв с российскими войсками на территории Дагестана.

В 1991 году он занимался физической защитой лидеров КГНК и ОКЧН. Гелаев присоединился к организации позднее. В 1992 году, когда начались боевые действия между Грузией и Абхазией, КГНК послала несколько сот добровольцев воевать на стороне абхазов. Для них лишние штыки были отличной поддержкой, для горцев же участие в войне стало шансом приобрести оружие и обкатать боевые отряды. Басаев с самого начала был одним из тактических командиров отрядов КГНК.

Спорным остаётся вопрос об участии российских спецслужб в подготовке и оснащении горцев. В конфликте Россия негласно поддерживала Абхазию. Известно, что добровольческие отряды этнических русских, воевавшие на стороне абхазов, тренировались российскими военными и получали от них оружие. Впоследствии об обучении басаевского отряда сотрудниками ГРУ[1] заявлял офицер спецподразделения «Вымпел» Константин Никитин[2]. Отметим, что сам Никитин — это офицер ФСБ[3], а не ГРУ, и большой вопрос — указывал он на достоверно установленные факты или просто транслировал внутриведомственные слухи. К тому же подготовка русских участников войны в Абхазии была очень короткой — буквально 10 дней, чтобы подтянуть стрелковую подготовку и освежить азы тактики. Также отметим, что у версии «Басаев — агент ГРУ» (помимо того, что она ничем не подтверждена) есть очевидное слабое место — неясно, что же он делал в качестве агента.

Сам Басаев считал, что слухи о его связях с ГРУ пущены для его дискредитации. Он утверждал, что проходил подготовку вместе со своими людьми в Афганистане[4]. Кроме того, он успел поучаствовать в войне за Нагорный Карабах между армянами и азербайджанцами на стороне последних. Словом, «российская» версия приобретения Басаевым военных навыков далеко не единственная. Факт состоит в том, что из Абхазии в Чечню вернулись многочисленные отряды во главе с людьми, обладающими боевым опытом.

---

1 Главное разведывательное управление Генштаба, военная разведка.

2 http://www.agentura.ru/library/spetsnaz50/budennovsk/

3 Федеральная служба безопасности, до апреля 1995 года — ФСК, Федеральная служба контрразведки.

4 http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/32520/

Дудаевская гвардия и крупные отряды на общем фоне выделялись иерархией и дисциплиной. Но основную массу отрядов составляли, как выражались сами чеченцы, «индейцы» — малые группы до нескольких десятков человек. Они были вооружены и обучены намного хуже, поскольку не имели возможности организованно закупать экипировку и имели за плечами максимум службу в Советской армии.

Роль «индейцев» в чеченском конфликте историками часто даже не рассматривается. Между тем она важнее, чем принято считать. Привычная нам социальная и политическая иерархия у чеченцев была выражена очень слабо. Отряды собирались из односельчан или родственников, имена большинства командиров никому ничего не скажут. Но в совокупности они являлись фактором политики — да ещё каким. Многие феномены Чеченской войны связаны именно с этими небольшими анархическими полубандитскими (чаще всего и не «полу-») малоуправляемыми формированиями. Чеченцы быстро осваивали тактические приёмы и весьма искусно их применяли. Они не боялись крови, в том числе своей — при сравнимых людских потерях в первую войну российское общество окажется надломленным, в то время как боевики свои потери как будто и не заметили — при том, что Россия и Чечня по населению — просто несопоставимые величины. Наконец, анархизм чеченцев делал их очень устойчивыми к гибели командиров или разрушению командной цепочки — собственно, там особо и нечего было разрушать, они всю войну обходились почти без неё.

Но в этих же качествах, которые делали чеченцев исключительно опасными, крылась и их слабость. В первую очередь, такая структура делала их принципиально недоговороспособными. Даже если на секунду забыть о моральных аспектах этнической чистки, с точки зрения интересов самой Чечни уничтожение городской культуры, изгнание не только русских, но практически всех, кто мог заниматься сложной мирной деятельностью, было катастрофой. Но «индейцы» без колебаний это совершили, как из националистических предрассудков, так и руководствуясь соображениями сиюминутной выгоды. Впоследствии эти же неуправляемые орды парализуют любые попытки достичь компромисса между Россией и Чечнёй — и приведут собственную республику к опустошительной второй войне.

Если Дудаев и его начальник штаба Аслан Масхадов добились успеха и в прежнем, советском мире, то военные вожди нового поколения в старую эпоху были откровенными аутсайдерами. Басаев до распада СССР провалил экзамены при поступлении на юридический факультет МГУ, затем был отчислен из другого вуза за неуспеваемость, работал на непрестижных и малооплачиваемых должностях — словом, прежде чем стать профессиональным боевиком, он был профессиональным лузером. Похожим был путь Руслана Гелаева — три класса средней школы, затем шабашки, срок в колонии за неудачную квартирную кражу. Почти все мелкие вожди, возглавлявшие дружины из 5–20 односельчан, также не относились к сливкам старого общества. Но именно эти люди оказались на гребне волны в смутный период.

ГРАБЬ НАГРАБЛЕННОЕ

Помимо вооружения, для будущей войны Дудаеву и его полевым командирам требовались деньги. Финансирование создаваемых отрядов удалось поставить на широкую ногу. Одним из первых источников средств стали российские социальные выплаты. В Чечне практически прекратилась передача пенсий по назначению, однако до марта 1993-го пенсии из России исправно перечислялись в «чёрную дыру» [12]. Но это была лишь разминка перед по-настоящему серьёзными делами. Дудаев активно инвестировал в российских чиновников — в таких масштабах, какие не снились и гангстерам эпохи сухого закона. Благодаря этим вложениям чеченский лидер сумел также создать процветающий нефтяной бизнес — разумеется, нелегальный. К нефтяным делам подключилось множество полевых командиров.

Нефти в Чечне немного. К тому же 90-е годы для нефтяного бизнеса были не слишком удачны, а при Дудаеве добыча совсем пришла в упадок. Даже в 1991 году — последнем в нормальной хозяйственной жизни — в республике добывали в год около 4 млн тонн нефти[1]. Это примерно соответствует современному уровню добычи, например, в Волгоградской области, а по сравнению с нефтеносными сибирскими областями, где

---

[1] Чеченская республика. Нефтяной ракурс. http://www.nefte.ru/oilworld/r6-1.htm

добываются сотни миллионов тонн нефти, Чечню просто не видно. «Чёрное золото» само по себе едва ли могло быть причиной начала войны, ради раздела нефтяных месторождений воевать с Астраханью и то было бы практичней.

Однако у проблемы имелось ещё одно измерение. В Чечне к началу 90-х осталось мало месторождений нефти, зато оставались приличные мощности по её транспортировке и переработке. Республика не контролировалась Москвой, но граница оставалась прозрачной. В результате Чечня превратилась во внутренний офшор: в республику поступала сырая нефть, а оттуда нефтепродукты шли на экспорт без таможни и налогообложения. Заместитель председателя правительства РФ по топливно-энергетическому комплексу Виктор Черномырдин не просто знал о ситуации — он активно участвовал в создании нефтяного офшора . Благодаря отсутствию контроля за аэропортами и прозрачным границам Чечня использовалась для контрабанды самых разных товаров, не только нефти. Возить через республику можно было всё что угодно, кроме, конечно, налоговых инспекторов и аудиторов. Этому механизму положило конец только начало боевых действий, когда инфраструктура и промышленность республики были разрушены.

Нефть поставлялась в Чечню для переработки даже в 1994 году [1]. В Чечне деньги поступали лично Дудаеву и его полевым командирам. В РФ нити этого чудовищного коррупционного механизма тянулись очень высоко — ситуация была хорошо известна высшим российским чиновникам, однако никаких мер ими не принималось, даже наоборот. В частности, Егор Гайдар заявлял, что перекрыть вентиль Чечне — значит сорвать посевную, следовательно, поставки нефти должны продолжаться [2]. То очевидное соображение, что выручка от нефти идёт на снабжение многотысячных вооружённых отрядов чеченских националистов, Егора Тимуровича не останавливало. Чечне даже выделялись официальные экспортные квоты. При таких высокопоставленных партнёрах режима Дудаева, пожалуй, не стоит удивляться отсутствию у российского правительства должной энергии в борьбе против растущего на Северном Кавказе очага преступности и сепаратизма.

Подробнее о коррупционной схеме, связанной с поставками нефти в Чечню, см., напр.: Александр Черкасов. Легенда о кавказской нефти. http://polit.ru/article/2007/11/29/cherkasov/

Тем, кто не мог заниматься серьёзным бизнесом, оставались способы добычи денег попроще. Нелегальные врезки в нефтепроводы стали приметой времени. Кроме того, Чечня стала одним из центров производства героина; в частности, в Шалинском районе крупная нарколаборатория действовала до января 1995 года[13]. Новым явлением стали массовые разбои на железных дорогах. Так, за один только 1993 год на Грозненском отделении железной дороги было разграблено 559 поездов[14]. В итоге движение составов через Чечню оказалось приостановлено к моменту, когда эти удалые набеги уже и так парализовали движение через республику хоть сколько-нибудь ценных грузов.

Как выглядели эти грабежи, рассказывала И. Бибаева:

> «На моих глазах пассажиры поездов, независимо от национальности и религиозной принадлежности, подвергались неслыханным унижениям и издевательствам. Пассажиров раздевали донага, обыскивали и отбирали все деньги, с женщин срывали золотые украшения, беззастенчиво давали волю рукам, унижая женское достоинство»[15].

За 1992–94 годы при нападениях на поезда в Чечне погибло 26 железнодорожников. Технологию процесса описал журналист Олег Татарченков:

> «На рельсы подкладывалось нечто, что можно увидеть с большого расстояния, вроде туши коровы. По правилам машинист просто обязан остановить поезд, чтобы избежать столкновения. Это и было нужно бандитам. Остальное происходило как в кино. Грабили в основном лиц славянской национальности»[16].

Татарченков также описал другие методы — например, «досмотр личных вещей» дудаевской «полицией». В случае, если кто-то протестовал против изъятия «запрещённого к провозу» имущества (читай — всего, что нравилось «полицейским»), он получал клеймо российского шпиона и пропадал. В какой-то момент в поезда начали

сажать группы по четверо российских милиционеров, но фактически это было отданием их на заклание. Такие маленькие отряды были способны разве что отбиться от совсем слабых банд или грабителей-одиночек, но контролировать поезд, в который на станциях норовили забраться вооружённые до зубов группы «полисменов», они просто не могли, тем более что для милиционеров действовал чудесный приказ «избегать эксцессов». Что является «эксцессом», когда норма — это влезающая в вагон группа одетых по-спортивному людей с АКМами в руках и корочками ДГБ (дудаевский «Департамент госбезопасности») в карманах, — над таким вопросом автор приказа, видимо, не слишком задумывался. Иногда, впрочем, милиционерам удавалось отбивать даже серьёзные нападения. Например, осенью 1992-го на станции Кади-Юрт сопровождающие два часа успешно защищали поезд от банды в 20–30 вооружённых налётчиков . После другого столкновения с боевиками боец сопровождения флегматично подводил итоги: «Наши потери: двое раненых. Израсходовано более 800 патронов»

Широко известной в те годы стала схема добычи денег через фальшивые авизо. Суть этого способа изъятия денег до изумления проста. Система банковских переводов была унаследована Россией от СССР, а в начале 90-х по стране была открыта система расчётно-кассовых центров. Авизо использовались для оформления денежных переводов. Чеченские преступные группировки поставили абсолютно детскую схему производства поддельных авизо на широкую ногу. Для осуществления операции подкупался работник РКЦ, через него отправлялся запрос в отделение Центрального банка от лица другого банка о выдаче крупной суммы для совершения никогда не существовавшей финансовой операции. Авизо оплачивались, а сверка финансовых документов происходила раз в несколько недель, а то и месяцев. К моменту, когда выяснялось, что никто ничего не запрашивал, фирмы (на счёт которой поступали деньги) уже не существовало, а деньги и мошенники растворялись в неизвестности.

Дудаев с обезоруживающим нахальством в интервью говорил: «Мы отправляли к вам разные бумажки, а взамен мне привозили самолёты с мешками денег». Это не была гипербола: такую массу наличности физически

Дело о трех миллиардах. http://www.vremya.ru/print/35832.html

было сложно увезти иначе, как железнодорожными вагонами или самолётами. Сколько денег было в общей сложности «заработано» таким образом — неизвестно, оценки плавают в диапазоне от сотен миллионов до нескольких миллиардов долларов .

На фоне описанного выше такая незатейливая операция, как поставленная в республике на поток печать фальшивых банкнот, выглядит верхом простоты и невинности.

Несколько раз преступники из Чечни захватывали в прилегающих районах рейсовые автобусы, требуя в каждом случае всё больше денег. Две подобные акции оказались удачными — бандиты обогатились на 15 млн долларов и скрылись. Однако очередной налёт летом 1994-го закончился для нападавших плачевно: им оказали сопротивление и обратили в бегство. На фоне покорной сдачи в предыдущих случаях, это, конечно, отрадный факт. Но вызывает вопросы качество самой операции. Заложники пали жертвой аппаратных игр: замминистра внутренних дел Анатолий Куликов пожелал продемонстрировать могущество своего ведомства и не допустил специалистов по антитеррору из группы «Альфа» до штурма, устроив операцию собственными силами. В итоге кроме террористов погибли несколько заложников [1]. Но, по крайней мере, таким образом оказались пресечены подобные захваты как способ обогащения чеченских боевиков.

Подводя итог всему вышесказанному, нужно признать, что Дудаев проявил недюжинные организаторские способности. За три довоенных года он организовал многочисленные и отлично вооружённые отряды, наладил их бесперебойное финансирование. Правда, назвать контролируемую им территорию нормальным государством едва ли повернётся язык: основные отрасли хозяйства Чечни при Дудаеве содержатся не в классификаторах видов экономической деятельности, а в Уголовном кодексе.

Впрочем, финансовые махинации — не самое скверное, что происходило в Чечне. В те годы разыгрывалась не замечаемая никем трагедия русского населения республики.

---

[1] За счёт чего жила Чечня? http://kommersant.ru/doc/2287177

ОНИ НЕДОСТАТОЧНО ГРОМКО КРИЧАЛИ

Пока Дудаев укреплял свою власть, в Чечне шла настоящая этническая чистка. Русские и в целом нечеченцы подвергались самым разнообразным гонениям. Привыкшие жить в стабильном государстве с работающей милицией, администрацией и судами, русские оказались полностью беззащитны в ситуации, когда государственные структуры исчезли, бросив несчастных наедине с организованными по племенному принципу бандитами. Перечень издевательств и насилий, которым подверглись русские в Чечне, достоин того, чтобы стать памятником бессилию российской государственности 90-х годов.

Выдержки из списка преступлений против населения, составленного в Шелковском районе:

«Станица Дубовская. Латышев Александр Григорьевич, украден сын, отдан за выкуп.

Станица Шелковская. Лысенко Евгений, избит, умер. Орлянский Александр, застрелен. Геврасёвы, супруги и трёхлетняя внучка, убиты в своём доме. Долгополов Николай Павлович, избили, бросили в дом гранату. Гринько Михаил, избит, находится в тяжёлом состоянии.

Станица Червлённая. Ерёмин Георгий Максимович, застрелен в своём доме. Думанаев Владимир Владимирович, пропал вместе с автомашиной, найден в Тереке с огнестрельным ранением и переломами рук и ног. Лукьянцев Анатолий Петрович, Пятов Александр Ефимович, оба закрыты в вагоне и сожжены. Муратиди Георгий Стефанович, главный врач, убит ножом. Маллаев Виктор Капитонович, пред. церковной общины, член правления стариков Терского казачьего войска, расстрелян в своём доме. Гуслякова Анна Петровна, ветеран ВОВ, ограблена. Дикой Иван Семёнович, ранен в шею, ограблен.

Станица Старогладовская. Апаренко Зинаида, изнасилована, зверски замучена, надругались над телом. Иничкин Николай Евгеньевич, застрелен в своём доме. Жариков Матвей Савельевич, ранен автоматной очередью»[19].

Заметим, что этот список далеко не полон: изначально из-за действий банд в районе люди попросту боялись сообщать о своих бедах, а переписчик серьёзно рисковал головой.

Самым кошмарным было положение городских жителей. У них всегда было чем поживиться. Иногда горожанин мог продать своё жильё по смехотворной цене, но чаще и это становилось невозможно.

Марина Камакина из Грозного вспоминает:

«В феврале 1994 года пришли в квартиру чеченцы с автоматами, стали избивать в присутствии детей 2 и 7 лет с целью завладения квартирой. Старший сын попытался развязать руки, увидевший это чеченец наступил ногой ему на руку... Дудаевцы издевались над бабушкой, Мащенко Е. Е., заняли её квартиру. 11 или 12 декабря я лично видела, как у женщины из нашего дома отбирали трёхлетнего ребёнка. Дудаевские войска брали в заложники детей. До Моздока мы добрались с помощью российских войск»[19].

Позднее, уже после штурма Грозного, офицер-десантник Сергей Новосадов описывал разговор с русскими жителями чеченской столицы:

«Приходя в расположение нашего подразделения, беженцы начинают с того, что стараются выговориться. Большинство беженцев отмечает, что с приходом к власти Дудаева в республике произошли значительные перемены, от которых пострадало в основном русское население. Практически не вводились

новые деньги — пользовались прежними купюрами. Старикам не выдавали пенсии. Большое распространение приобрела специфичная методика купли-продажи недвижимости: отдельные чеченцы заранее выбирали себе жертву, зайдя в дом русского, с порога сообщали, что покупают у него участок. При этом называли ничтожно малую цену. В случае отказа — угрожали оружием.

Под стволом автомата особо не возразишь — участок или дом могли отобрать насильно. Приходилось соглашаться с „предложенной" ценой и брать столько, сколько дают.

Но самое страшное горе, по словам местных старожилов, — это поджоги домов русских, которые приобрели масштабный характер. Стоило такой семье на короткий срок выехать к родственникам, проживающим, скажем, в Тверской области, на второй-третий день дом поджигался. Семье попросту некуда было возвращаться.

По словам русских беженцев, местная власть на всё происходящее смотрела сквозь пальцы. Посредством таких „радикальных мер" осуществлялся негласный геноцид русскоязычного населения»[22].

Насилию подвергались вообще все нечеченцы. Ещё один грозненец Г. Бабаджанян обрисовал картину так:

«Над русскоязычным населением издевались, оскорбляли, избивали. Милиция не реагировала. Был свидетелем того, как на улице русскую девушку насильно затащили в машину и увезли. Брата чеченцы избили, раздели, отобрали машину. На работе при получении зарплаты чеченцы три раза отобрали деньги»[19].

Жители Наурского и Шелковского районов, в которых жило больше всего русских[1], отправили открытое письмо премьер-министру Черномырдину, в котором, кроме обычного перечня преступлений (тот зарезан, этот забит до смерти, сей после избиения стал калекой), содержатся такие слова:

> «С приходом к власти Дудаева мы превратились в жителей резервации. За эти три года выгнаны все русские руководители хозяйств. Колхозы и совхозы разворованы. Уничтожаются лесополосы, разворованы телеграфные столбы. У нас не было официального обмена денег, нам не дали ваучеры. Преподавание в школе ведётся только на чеченском языке, а сами школы и их оборудование расхищены. Мы уже два года не получаем заработную плату, старики — пенсии. Мы постоянно слышим предложения и угрозы убираться в Россию. Но мы в России. Мы сыны и дочери России. Русских грабят, убивают, унижают, насилуют, а „правозащитники" почему-то этого не замечают»[13].

Это письмо, как и многие другие, осталось без ответа. Для Черномырдина были важнее нефтяные проекты в Чечне.

Журналист Дмитрий Соколов-Митрич опубликовал характерный рассказ беженки Нины Барановой:

> «Это было в мае 1993-го. К нам в квартиру вломился сосед Сахрутдин с автоматом. Прошёлся бесцеремонно по комнатам и говорит: „Это оставляйте, это оставляйте и вот это оставляйте. Остальное забирайте. Даю вам трое суток на сборы". Спорить было бессмысленно. Мы были далеко не первыми, кого вот так выгоняли, а скорее одними из последних.

---

[1] Эти районы были переданы Чечне из состава Ставропольского края только в 1957 году — тогда, конечно, мнение населения по этому вопросу никого не интересовало.

Проблемы начались ещё в 1990 году, тогда в почтовых ящиках появились первые „письма счастья" — анонимные угрозы с требованием убираться по-хорошему. В 1991-м стали среди бела дня исчезать русские девчонки. Потом на улицах стали избивать русских парней, затем их стали убивать. В 1992-м начали выгонять из квартир тех, кто побогаче. Потом добрались до середняков. В 1993-м жить было уже невыносимо. Моего сына Дмитрия группа чеченцев среди бела дня избила так, что, когда он пришёл домой, это был комок крови и грязи. Они перебили ему слуховой нерв, с тех пор он не слышит. Единственное, что нас ещё держало, — мы надеялись продать квартиру. Но даже за бесценок покупать её никто не хотел. На стенах домов тогда самой популярной была надпись: „Не покупайте квартиры у Маши, они всё равно будут наши". Ещё полгода — и самым популярным чеченским лозунгом станет: „Русские, не уезжайте: нам нужны рабы и проститутки". Слава богу, к тому времени мы успели свалить. Через три дня после прихода Сахрутдина мы уже загружали контейнер и не могли понять: чего это Сахрутдин так внимательно наблюдает за этим процессом. Слышу, соседка-чеченка Хава мне кричит: „Нина, зайди на секунду, мне помощь нужна". Если бы я к ней не пошла, меня бы уже 12 лет как не было на свете. „Вон видишь хлебовозка стоит? — сказала мне Хава. — Вам осталось жить несколько часов. Как только вы покинете город, они вас убьют, а вещи заберут". Я тут же к сестре, у неё знакомый чеченец был в селе Первомайском, Сайд, который тогда уже стал дудаевцем, но ещё не совсем совесть потерял. Он со своими ребятами проводил нас эскортом до границы с Осетией. Хлебовозка тоже не отставала. Когда Сахрутдин и его команда поняли, что им ничего не светит,

то дали очередь по кузову. Мы ещё потом несколько лет на простреленных кроватях спали. Самые хорошие из тех чеченцев, которые разгуливали с оружием в руках, говорили: „Убирайтесь по-хорошему". Плохие ничего не говорили, они просто убивали, насиловали или угоняли в рабство. А с оружием разгуливала треть мужчин республики. Ещё треть молча их поддерживала. Остальные сочувствовали нам, это были в основном городские чеченцы, но что они могли поделать, если даже старейшины сидели на лавочках и улыбались: „Пусть русских побольше уезжает".

Барановы считают, что им страшно повезло»[23].

Беженцы приезжали в Россию на голое место. Их нужды с презрением игнорировались. В лучшем случае бежавший мог рассчитывать на статус вынужденного переселенца и на ссуду, теоретически выделяемую на квартиру, но на практике достаточную разве что для покупки штанов. Это не гипербола: упомянутые выше Барановы как раз сумели на «квартирные» деньги купить детям зимнюю одежду, после чего несчастных уведомили, что обязательства государства перед ними выполнены. Выделенная сумма составляла около двухсот долларов. Заметим, речь идёт о тех, кто так или иначе получил официальный статус. Большинство же беглецов не имели никакого статуса и не могли рассчитывать ни на какую помощь.

Первый документ о компенсационных выплатах беженцам увидел свет ещё в 1995 году, однако для получения денег требовались громадные усилия, стрясти с государства хоть что-то было почти невозможно. Даже за убитого родственника полагалась компенсация примерно в одну тысячу долларов. Мало того, что заместитель руководителя ФМС прямо сообщил, что сумма выплат должна составлять «минимум, необходимый для начала новой жизни: один холодильник, стол, четыре стула и четыре кровати». Всё крайне усложняла процедура назначения выплат. Сначала требовалось подать документы в местную миграционную службу, а та отсылала людей в Чечню, где решение о выплате компенсаций принималось соответствующей комиссией. Комиссия должна была проверить состояние

жилья и уже после этого сообщить в ФМС, которая и перечисляла деньги в региональную службу. Для того чтобы хоть как-то повлиять на процесс, люди отправлялись в Чечню, где шла война, в результате чего многие переселенцы вернулись оттуда ещё и ранеными. По данным ныне не существующего Министерства по делам национальностей, Чечню покинули более двухсот тысяч русских. Компенсации получили только 1395 человек[24].

Почти ни одно преступление против русских, совершённое в Чечне с 1992 по 1999 годы, не было раскрыто. Не то что расследованием, но даже, строго говоря, фиксацией преступлений никто никогда не занимался. По данным того же Министерства, 21 тысяча человек была убита (не считая погибших в ходе боевых действий)[1]. Сергей Максудов приводит более скромную и, вероятно, более близкую к реальности оценку числа погибших — 1,5–3 тысячи[25]. Такой разнобой оценок объясняется отсутствием учёта жертв и фиксации преступлений, все вычисления неизбежно приходится вести косвенными методами. Так, Максудов использует результаты опросов пострадавших о преступлениях, свидетелями которых они были, — и распространяет их на общую численность русского населения Чечни. Как бы то ни было, насилие, несомненно, было массовым и сопровождалось множеством убийств.

В настоящий момент русские в Чечне практически не живут.

Какова была природа этих преступлений? У нас нет чётких указаний на целенаправленное стремление Дудаева и его окружения истребить всех русских в Чечне. Напрямую такую задачу, разумеется, никто не ставил. Но государство как таковое в Чечне не функционировало, милиция и прокуратура свои обязанности не выполняли[13]. Правоохранительные органы несколько раз «чистились» и уже в 1992 году нормально не работали. Были открыты двери тюрем и СИЗО, в результате чего на свободе оказалась масса даже не фанатичных борцов с Россией, а обычных уголовников: к 1992 году из пенитенциарных учреждений Чечни была выпущена без малого тысяча заключённых. Наконец, в города и равнинную часть Чечни хлынули тысячи людей из перенаселённых бедных горных сёл.

---

[1] Казаки Чечни ищут защиты у Владимира Путина. http://www.ng.ru/regions/2003-05-23/4_kazak.html

Картину дополнял полный экономический провал. На улице оказывались работники местных предприятий. Дудаев не сумел (да и вряд ли пытался) занять их производительным трудом, а люди с образованием и квалификацией, которые могли бы хоть как-то тянуть местную промышленность, массово выезжали. В результате на улицы выплёскивались новые партии безработных, которые от бескормицы и неумения найти пристойную работу, опять-таки, шли в банды, обещавшие быстрый заработок, оружие и статус.

События 1991–94 годов можно охарактеризовать и таким явлением, как поход деревни против города. Объективно произошедшее было катастрофой и для самого чеченского народа — предпочли уехать не только русские, но и многие городские чеченцы (окончательно «городскую Чечню» добили боевые действия). Но такие вещи вождей Ичкерии, разумеется, волновали меньше всего.

В условиях анархии реальная власть принадлежала полевым командирам, мыслившим категориями эпохи викингов. Русские для них не были объектом особой ненависти — они просто были добычей. В отличие от чеченцев, спаянных по родоплеменному признаку и сохранявших традиции кровной мести, русские оставались государственниками, продолжая надеяться на органы российской власти. Но государство самоупразднилось, и сотни тысяч людей оказались совершенно беззащитны перед чеченскими бандами. За русского не приехали бы мстить, спасать его не явилась бы толпа родичей с автоматами. В то же время русские вовсе не находились на социальном дне — в подавляющем большинстве они имели жильё, которое можно было отобрать, иногда машины, в сельской местности — скот. С точки зрения быстро адаптировавшихся к новым реалиям бандитов, русский находился примерно на одном уровне с лежащим на улице бумажником. К тому же власть развращает быстро и необратимо. Для вооружённого человека, не отягощённого гуманистическими ценностями, человек невооружённый представлял огромный соблазн для самоутверждения и обогащения. Тем более пример массового нравственного разложения провоцировал на разложение даже тех, кто ранее сохранял совесть и представления о приличиях.

Один из чеченцев, очевидцев процесса, сказал: «Только самоубийца мог попытаться забрать жильё у чеченца. Безопаснее просто

убить. Поэтому русские оказались самой слабозащищённой частью населения»[1].

Режим, установившийся при Дудаеве, выбрасывал русских в лучшем случае на обочину жизни, в худшем — в могилу. Республика находилась во власти банд, промышлявших контрабандой, мошенничеством и разбоем. Если кто-то желает политкорректной формулировки, можно сказать, что республика находилась во власти патриотов и борцов за свободу, промышлявших контрабандой, мошенничеством и разбоем.

От лица российского государства и общества, которым было на бежавших из Чечни русских откровенно плевать, очень редко кто смог сказать хотя бы «простите». И всё же такие люди были. Лидия Графова, председательница Форума переселенческих организаций, писала:

> «Мы виноваты перед русскими беженцами из Чечни. Мы — это в целом правозащитное движение. Именно с нашей подачи общественное сострадание замкнулось только на чеченцев. Это, наверное, заскок демократии — поддерживать меньшинство даже ценой дискриминации большинства. Вот на этом самом диване в 93-м сидели русские из Грозного. Они рассказывали, как каких-то старушек чеченцы душили шнуром от утюга, мне это особенно запомнилось. Но рассказывали как-то спокойно, без надрыва. А мы тогда занимались армянами из Баку. Когда я этих армян увидела, почувствовала, что это самые несчастные люди на свете. А с русскими я этого почему-то не почувствовала. Не знаю, может, недостаточно громко кричали? А потом пошёл вал беженцев-чеченцев. И я должна признаться, мы искренне считали, что должны отдавать предпочтение им перед русскими. Потому что чувствовали перед ними историческую вину за депортацию. Большинство правозащитников до сих пор

---

[1] Форум «Adamalla».

придерживаются этого мнения. Лично у меня постепенно чувство вины перед русскими перевесило. Я была в Чечне 8 раз, и с каждой поездкой мне становилось за них всё больнее. Окончательно меня сразила одна старушка, которая сидела на табуретке посреди улицы. Когда она увидела меня, то достала из-за пазухи чайную ложечку из синего стекла и с гордостью сказала: „Моя!" Это всё, что у неё осталось»[1].

В истории России встречались более страшные явления, чем всеобщее наплевательство на бедствия русских беглецов из Чечни. Более постыдных — не встречалось.

[1] Забытый геноцид. http://izvestia.ru/news/299041

Грозный, 25 января 1995. Начало Чеченской войны, беженка. Фото Александра Неменова.

ГЛАВА 3
НУЛЕВАЯ ЧЕЧЕНСКАЯ

Первомайская, 15 декабря 1994.
Чеченские женщины за молитвой.
Фото Александра Неменова.

1992–93 годы прошли в бесплодных переговорах и консультациях. С одной стороны друг друга сменяли российские чиновники, по другую сторону стола находились люди с неясным статусом. На одной из таких встреч от Чечни присутствовал Зелимхан Яндарбиев в должности «председателя комитета парламента Чеченской Республики». Придумать название комитету никто даже не удосужился. Стороны переговоров непрерывно заверяли друг друга в полнейшем миролюбии, но по ключевому вопросу — признанию независимости Чечни — имелось неустранимое противоречие. Для России отделение республики означало дальнейший распад государства, и какой бы ни была ущербной администрация Бориса Ельцина, позволить себе окончательное разрушение державы она не могла. Для Дудаева же любые переговоры без признания Чечни отдельным государством были бессмысленны. Российская сторона настаивала на том, чтобы Чечня заранее признала себя частью федерации. В рамках этого подхода Москва была готова на серьёзные уступки. Предлагалось подготовить проект договора о разграничении полномочий между чеченскими и российскими властями. Однако Дудаев отказался даже обсуждать подобные проекты[1]. В начале 1994-го Москва предложила дудаевцам выборы в Чечне под международным контролем, но эту идею Дудаев также отверг[12].

Большой проблемой для переговоров был и субъективный фактор: представителем России на переговорах с чеченцами был назначен Сергей Шахрай, к которому Дудаев испытывал личную неприязнь. Дудаев хотел встретиться напрямую с Ельциным без предварительных условий, но ему этого не удалось.

Отсутствие прямых переговоров между Дудаевым и Ельциным последнему часто ставят в вину, и даже рассматривают как одну из предпосылок к войне. За нежелание говорить с Дудаевым президента порицали даже российские чиновники[2]. Однако это сомнительный довод.

---

[1] Сергей Маркедонов утверждает, что таких проектов до начала войны было разработано 11. http://www.forbes.ru/mneniya-column/siloviki/275481-chechnya-1994-upushchennyi-shans-na-mir

[2] Анатолий Куликов[37]: «Я и сегодня уверен в том, что такая встреча, если бы она состоялась, могла предотвратить либо саму войну, либо существенно повлиять на то, что сопротивление чеченцев, оказанное нам впоследствии, было бы не таким ожесточенным и стоило бы меньше человеческих жизней. Каким бы

Стороны уже вошли в клинч, и вряд ли личные переговоры смогли бы разрешить неразрешимое противоречие: Ельцин не мог согласиться на полную независимость Чечни, а Дудаев не мог от неё отказаться.

Важно здесь также следующее. Дудаев не являлся безусловным лидером всех чеченцев. Он потратил слишком много усилий для независимости Чечни, весь пафос его речей строился именно на этом. Сдай он назад — и место Дудаева тут же занял бы кто-нибудь вроде Яндарбиева, а сам лидер Ичкерии оказался бы в одной компании с политиками, способными произносить речи, но не влиять на происходящее.

Между тем в Чечне оставались не только дружественные Дудаеву силы. Ставший чистой декорацией парламент он разогнал в 1993 году. Тогда же оформилась организованная оппозиция Дудаеву — уже вооружённая.

Значительная часть чеченского общества деятельно поддерживала воцарившуюся в республике вакханалию. Тем не менее Чечня не была гомогенной. Внутри республики имелось множество кланов с пересекающимися интересами и представлениями о лучшем будущем. К тому же в Чечне за долгие годы жизни в крупном современном государстве появилось достаточно много людей, желавших пользоваться благами цивилизации. Демагогия о грядущих «золотых краниках с верблюжьим молоком», которой потчевали свою аудиторию агитаторы Дудаева, действовала не на всех. От дудаевского режима бежали не только русские, но и чеченцы, предпочитавшие нормально организованную жизнь. Дудаевцев они считали не более чем удачливыми уголовниками.

15 апреля 1993 года оппозиционеры организовали на Театральной площади Грозного многочисленный бессрочный митинг. Основными требованиями митингующих было «возвращение законной власти», организация референдума о доверии президенту и парламенту и прочие вполне цивилизованные требования, направленные на введение Чечни хоть в какие-то рамки благопристойности.

воинственным ни считался чеченский народ, но в нем достаточно трезвомыслящих людей, которые обязательно бы сделали правильные выводы, если бы миролюбивые инициативы президента России вдруг натолкнулись на резкое неприятие Дудаева, на его упрямство или, скажем, на болезненное властолюбие».

УМАР ДЖУНИТОВИЧ АВТУРХАНОВ

Фото Ильи Питалева, РИА «Новости»

дата рождения	место рождения
21.01.1946	с. Кубековка, Казахстан

- Окончил юридический факультет Кубанского государственного университета.
- Служил в органах внутренних дел.
- В апреле 1992 года избран главой Надтеречного района.

- Организатор внутричеченской оппозиции Дудаеву, один из руководителей антидудаевского митинга в Грозном.
- В декабре 1993 года избран лидером пророссийского Временного совета Чечни.
- После первой войны в Чечне — на службе в налоговой полиции РФ. Позднее отправлен в отставку в звании генерал-майора налоговой полиции России.

Среди организаторов митинга были профсоюзы. Примечательно, что среди прочего собравшиеся требовали выдать пенсии за последний год[10] — до сих пор они Москвой исправно перечислялись, но по назначению не доходили. В то же время Конституционный суд Чечни признал действия Дудаева по разгону парламента и захвату власти незаконными. Митинг поддержали мэр Грозного Бислан Гантамиров и значительная часть местной академии наук. Руководителем самообороны был выбран другой знаковый персонаж чеченской оппозиции — Умар Автурханов, бывший чиновник МВД. «Контрреволюцию» поддержали в первую очередь люди, имевшие образование и хорошее положение в обществе, — им от распада социума и грядущей анархии было что терять. Кстати, в состав оппозиции вошли и люди, поначалу поддержавшие «национальную революцию». Тот же Гантамиров рассорился с Дудаевым только в 1993 году.

Проблема всех этих благонамеренных людей была сродни беде русского населения Чечни: граждане, привыкшие жить в стабильном государстве, искренне полагали, что на вооружённых дудаевцев можно подействовать увещеваниями и судебными актами. По этой причине финал такой политической борьбы был предсказуем. Конституционный суд Дудаев одним мановением руки разогнал, поскольку ни одного батальона судьи выставить не могли. С митингом же возникли определённые проблемы. Люди Автурханова располагали некоторым количеством оружия, и заставить их уйти было трудно. Поначалу Дудаев пытался дождаться прекращения акции, шельмуя её участников в СМИ. Отряды боевиков периодически затевали перестрелки, в одной из которых был смертельно ранен племянник Дудаева Шамиль. В конце весны президент Чечни решил прибегнуть к радикальным средствам убеждения.

В начале июня дудаевские гвардейцы снесли лагерь оппозиции на Театральной ночным штурмом с применением бронетехники[16]. Для разгрома митинга были собраны отряды Басаева и Гелаева. Помимо этого дудаевцы разгромили грозненское ГУВД. Против бронетранспортёров и крупнокалиберных пулемётов милиционеры были бессильны. Правоохранители отбивались два часа, пока их не разбили окончательно, выстрелив прямой наводкой из самоходной артиллерийской установки. Мэрия была взята таким же образом. Около пятидесяти человек было убито. Митинг в Грозном самораспустился, зато после июньского побоища в северных районах Чечни

сложились вооружённые отряды противников Дудаева. В качестве возможной альтернативы Дудаеву рассматривался «системный» политик Руслан Хасбулатов, объявленный дудаевцами врагом чеченского народа. Но чтобы он смог реально возглавить Чечню, Дудаева должны были устранить оппозиционеры внутри самой республики.

Российские спецслужбы наконец начали хоть как-то выполнять свою работу. При их помощи формировались группы антидудаевски настроенных жителей Чечни. По большей части это были простые обыватели, доведённые до отчаяния. Боец одного из таких отрядов позже писал, что тогда впервые взял ружьё, чтобы направить его на человека.

Российский офицер-инструктор описывал своих учеников:

> «Контингент разнообразный. Тут и учителя, и бывшие пастухи. Возраст — от 18 до 52. Им без толку объяснять, почему нельзя делать того или иного, легче напугать. „Включишь этот тумблер — взорвёшься" — эти слова на них действуют безотказно. <...> Одни разглядывают меня с любопытством, другие с насмешкой, третьи, обкурившись анаши, вообще расширенными зрачками. Апофеозом обучения явилось то, что после вопроса одного обучающегося „А она вообще стреляет?" („она" — автоматическая пушка. — Прим. авт.) нервы мои не выдержали. Я решительно задрал стволы вверх и, нажав педаль стрельбы, высадил все 50 снарядов из короба в небо».

Результаты боёв в исполнении этих воинов ожидаемо бывали своеобразными: «Попал? — Попал! — А куда? — В цэнтр сэла!»[26]

Постепенно ополченцы приобретали опыт, но, как показала практика, уровень их боеспособности к концу 1994 года оставался невысоким. Сепарация прошла естественным образом. Пассионарии пошли служить Дудаеву, который мог обеспечить им славу и быстрые деньги. Оппозиционеры могли пообещать восстановление нормальной

жизни в случае успеха, но эта программа была для многих слишком неромантичной и не обещала быстрого подъёма из грязи в князи. Оппозиционерам недоставало того же, чего и всей России, — яркой, объединяющей, сулящей успех идеологии.

Лето 1993-го прошло в свирепых боях, в которых уже вовсю применялась тяжёлая техника. Дудаев объявил, что не позволит унижать свою армию «каким-то механизаторам». Боевики с одинаковой жестокостью расправлялись и с русскими, и с неугодными соплеменниками. Иса Батукаев, активный оппозиционер, погибший на российской стороне уже во вторую войну, писал, как на даче под Атагами обнаружил жертв расправы над членами семьи одного такого «врага чеченского народа»:

> «Первое, что бросилось в глаза, — крупная надпись на стене: „мы в расчёте". Под надписью лежали тела двух белобрысых детей. На щеках обоих остались грязные следы слёз. Глаза старшего были открыты, мне казалось, что он ещё живой и просит помощи. Я еле выполз из домика»[13].

В этих боях быстро вскрылся очевидный отвратительный факт: у дудаевцев имелись высокопоставленные партнёры в Москве. Конкретные имена сейчас назвать сложно, однако известны случаи, когда оппозиционеры захватывали заметных персонажей из окружения Дудаева и сдавали властям, но те вскоре оказывались на свободе. Более того, начавшие формироваться дудаевские спецслужбы знали многих работавших в республике российских спецслужбистов. Так, 25 августа 1994-го попал в плен офицер ФСК Станислав Крылов. Во время допросов контрразведчику показывали список спецслужбистов, работающих в Чечне, и даже сообщили домашний адрес дочери[1]. Менее вопиющая, но весьма характерная история: помощник Басаева Ильяс Ахмадов лечил свою случайно простреленную ногу в Санкт-Петербурге[27] — там он отлёживался благодаря помощи некоего друга. Уже во время войны Ахмадов спокойно вернулся в Чечню, вылетев на самолёте в Ростов и оттуда добравшись до Грозного машиной через Нальчик.

Российский контрразведчик не стал говорить по-чеченски. https://www.kommersant.ru/doc/88991

Вопрос о том, как российская контрразведка проглядела друга Басаева, катающегося по всей стране с огнестрельным ранением, имеет много вариантов ответа, но государству не льстит ни один.

Было бы ошибкой идеализировать чеченскую оппозицию. По составу она была достаточно пёстрой и включала людей с сомнительными биографиями. Например, руководитель наиболее боевитого её отряда Руслан Лабазанов, серьёзно портивший кровь Дудаеву, не слишком отличался от большинства полевых командиров по дудаевскую сторону баррикад. В активе этого человека были уголовные преступления, и в чеченскую политику он вошёл, можно сказать, прямо из грозненского СИЗО. Свой отряд Лабазанов содержал обычным для Чечни способом: обложил данью изготовителей фальшивых авизо. Изначально он примкнул к Дудаеву, но быстро с ним рассорился. Как заметил про Лабазанова генерал Геннадий Трошев, «он скорее ненавидел Дудаева, чем любил нас». В общем, это был типичный полевой командир, который бы органично смотрелся и в рядах дудаевцев. Об этом своеобразном союзнике России многое говорит такой эпизод: когда к нему пришли жаловаться родственники убитого человека, Лабазанов без затей застрелил убийцу, а родственникам заявил, что прекратил кровную месть. Если эта история — легенда, то она весьма характерна.

Интересен рассказ об этом лидере оппозиционеров процитированного выше офицера-инструктора Андрея Кузьминова:

> «Я проникся невольным уважением к этому человеку. Во время царившего повсеместно беспредела, Лабазанов пытался поддерживать порядок и справедливость, руководствуясь собственными представлениями о них. Порой его действия принимали жестокие формы. Так, в 1993 году к нему обратилась женщина средних лет, научный сотрудник одного из грозненских НИИ. Они с 18-летней дочерью решили продать квартиру и уехать в глубь России к родственникам. Обратилась за содействием

Операция планировалась вслепую. http://www.kommersant.ru/doc/530948

к участковому милиционеру. Клиент был найден, сделка состоялась. А буквально через полчаса их ограбили и выкинули на улицу. <...> Ночными улицами лабазановские тойоты и джипы подъехали к дому, где жил участковый. Парализованный страхом, он назвал всех, кто участвовал в ограблении, и был брошен в багажник автомашины. Люди Лабазанова отправились по названному адресу. После короткой схватки бандиты были разоружены, оказавшие сопротивление — расстреляны на месте. Деньги вернули законной владелице»[26].

История вполне в духе отечественных криминальных разборок 90-х, но робин-гудовский стиль главного героя бросается в глаза.

Позднее, весной 1996-го, Руслан Лабазанов погиб[1].

Что касается вооружённой оппозиции в целом, то она была слаба и большинство её операций свелось к безуспешным набегам. Несколько раз ополченцы входили в разные районы Грозного, но, не сумев закрепиться, неизменно покидали город.

---

[1] На персоне Лабазанова подробно останавливается Ильяс Ахмадов — автор, пожалуй, самых содержательных мемуаров, оставленных дудаевцами: «Чеченская борьба: завоёванная и утраченная независимость». Автор акцентирует внимание на криминальном прошлом Лабазанова, но некую пикантность его выкладкам придаёт тот факт, что возмущённый Ахмадов входил в окружение Басаева, и «плохой» Лабазанов не делал ничего, что не делал бы тот же Басаев и даже сам Дудаев. Этот тип также привлёк внимание Анатоля Ливена. В его «Трагедии российской мощи»[70] содержится необычайно колоритное описание отряда Лабазанова: «Я видел, как он и его люди ехали в колонне Хасбулатова, которая неслась вдоль тряских дорог, с развевающимися на ветру знамёнами, высунутыми из окон автоматами и пулемётами, ревущими гудками, вопящими людьми и рядами фар, уставившихся с крыш джипов. Менее крупные машины сворачивали с дороги, чтобы не столкнуться с ними, а маркитантки и журналисты, задыхаясь, следовали за ними. <...> Вся эта сцена выглядела как будто из фильма „Безумный Макс", точнее не как будто, а это и был „Безумный Макс"».

1994 год отметился последней попыткой Руслана Хасбулатова сыграть серьёзную роль в жизни Чечни. Осенью 1993-го по итогам противостояния между президентом и парламентом, увенчавшегося уличными боями в Москве, Хасбулатов и его команда потерпели полный крах. После этого политик попытался получить хотя бы родную Чечню. Как и Дудаев, ранее он привязан к родному краю не был. До 1993-го Хасбулатов был самым влиятельным в России государственным деятелем чеченского происхождения, сделавшим карьеру ещё в советские времена. Однако теперь его усилия только иллюстрировали крах последнего советского поколения чеченских политиков. Нельзя сказать, что Хасбулатов не понимал, что происходит. Его реплика — «Народная борьба может лишить республику не только Джохара Дудаева, но и населения» — описала будущее Чечни вполне адекватно. Хасбулатов носился с идеей организовать переговоры между Дудаевым, оппозицией и властями РФ. Но о себе и своей популярности Руслан Имранович был неоправданно высокого мнения:

> «Моя популярность в Чечне огромна. Когда я выступаю на митингах, собираются 100, 200, 300 тысяч человек. Моё мнение является законом. Если захотят поставить премьер-министра, то поставят того, кого рекомендую я. И так на все посты. Я решаю судьбу целого народа»[2].

К сожалению, ничего кроме самомнения Хасбулатов представить уже не мог. Его «Миротворческая миссия профессора Хасбулатова» кончилась ничем. Из усилий человека, ещё недавно действительно способного влиять на судьбу целого народа, вышел просто пшик. Судьбу Чечни и России определяли теперь совершенно другие люди.

БРОШЕННЫЕ ВОЖЖИ

Итак, в течение 1991–94 годов события в Чечне уже начали развиваться по худшему сценарию из возможных. Власть захватил Дудаев, и в республике началась гражданская война, сопровождавшаяся этнической чисткой. Традиционно хронология Чеченской войны ведётся с декабря 1994-го, когда в дело пошла регулярная Российская армия. Однако отряды Автурханова и Лабазанова при участии российских

военных инструкторов и специалистов начали сражаться против Дудаева по крайней мере за год или полтора до этого. Следует признать, что в развязывании Чеченской войны есть и огромная вина российской администрации и лично Бориса Ельцина. Однако её регулярно отыскивают совершенно не там, где она действительно имеется.

К 1994 году проблему уже давно невозможно было решить одними полицейскими или политическими мерами. Впоследствии много говорилось о недопустимости применения армии в подобных конфликтах, но ведь речь шла не о борьбе с парламентской оппозицией или вооружёнными уличными демонстрантами с палками, а о многотысячных хорошо вооружённых отрядах противника. Говорить о мирных переговорах не приходилось по одной простой причине: Дудаев не собирался идти ни на какие переговоры, которые не увенчаются предоставлением ему верховной власти в Чечне. Оппозиция предлагала Чечне законный путь — выборы, референдум, восстановление социальной структуры, но все её попытки договориться кончились пулемётным огнём по толпе. Дудаев не являлся демократическим лидером. Вне зависимости от отношения к идее чеченской независимости, человек, разгоняющий парламент и расстреливающий оппозиционные митинги, не называется демократом. Дудаев не был политиком западного образца, с которым можно было договориться путём обоюдных уступок. Дудаев был конунгом и не мог пойти на компромисс только под угрозой утраты этого статуса. Его окружение составляли полевые командиры, которые просто не имели возможности самореализации в ином качестве. Трудно представить людей типа Шамиля Басаева в качестве директора завода или министра. Ещё труднее вообразить способ трудоустройства десятков командиров рангом помельче. Раздать им какие-то легальные «кормления» было невозможно — для этого в Чечне была слишком слаба экономическая база. Устойчивый доход дудаевской Чечне могли обеспечить только преступные схемы с Россией в роли дойной коровы.

И здесь возникает закономерный вопрос: кто позволил Дудаеву и его полевым командирам достичь такого положения? Приходится признать, что дракона Кремль вырастил сам. По крайней мере, до начала вооружённого противостояния между дудаевцами и чеченской оппозицией боевикам потакали самым беззастенчивым образом. В 1991 году был упущен первый шанс справиться с «национальной революцией» — нейтрализовать радикалов силами органов безопасности. Затем

существовала возможность по крайней мере минимизировать вооружение, достающееся дудаевским формированиям. Однако оружие с боеприпасами из Чечни не вывозилось и не уничтожалось. Арсеналы достались дудаевцам в почти нетронутом виде.

Чечня, отметим, не единственная республика, в которой пытались захватывать склады Советской армии. При наличии воли у руководства страны ситуацию можно было бы удержать под контролем. В 90-е годы в Грузии оружейные склады передавались местным формированиям намного более аккуратно и дозированно. Во время гражданской войны в Таджикистане запасы 201-й мотострелковой дивизии также не попали в руки исламской оппозиции, хотя обстановка в этой республике была ничем не лучше, чем в Чечне.

Наконец, в 1992–93 годах Дудаеву позволили сколотить из разбойных шаек и феодальных дружин боеспособную вооружённую силу, обкатать её в боях против грузин в Абхазии и против оппозиции в Чечне. Вряд ли это делалось в рамках какого-то заговора. С одной стороны, Чечню долго недооценивали: Ельцин только что взял и непрочно удерживал власть, критические годы прошли очень бурно в самой России. На этом фоне Чечня казалась глубоко второстепенной проблемой. С другой стороны, республика стала офшором для российских политиков и бизнесменов, которые как раз и были заинтересованы в сохранении Чечни как серой зоны коррупционного сговора. На Дудаева обратили внимание только в момент, когда всё по-настоящему плохое уже случилось, а счёт трупов в чеченском конфликте пошёл на тысячи. Настоящий грех администрации Ельцина состоит не в том, что она применила силу против чеченских боевиков. Её грех состоит в том, что она не сделала этого вовремя.

ИХ ТАМ НЕТ

В Кремле уже понимали, что иначе как силовым путём управиться с Дудаевым не удастся. Ситуация полностью вышла из-под контроля. Если страдания мирного населения никого из властей предержащих не волновали, то окончательной утраты республики администрация Ельцина допустить не могла. Высшие чиновники России искренне любили страну любовью червя к поедаемому яблоку и вовсе не хотели её дальнейшего разрушения. Силовые акции в Чечне

велись не слишком изящно, но попытка силой подавить вооружённое выступление против себя для государства как минимум естественна.

Поначалу задействовать войска во внутреннем конфликте никто не хотел. Российское руководство опасалось, с одной стороны, падения популярности в случае высоких потерь, с другой — международных осложнений. В итоге было найдено решение, казавшееся тогда соломоновым, но приведшее к трагическому финалу.

Федеральной службе контрразведки было поручено завербовать в Российской армии и среди отставников добровольцев для усиления чеченской оппозиции. Контрразведчики задание выполнили. Первоначально будущим «солдатам удачи» сообщалось, что они должны выполнять только функции инструкторов по обслуживанию сложной техники, но позднее карты раскрывались: русские должны были непосредственно участвовать в боевых действиях на стороне оппозиции, а конкретно — взять Грозный. За тайную операцию обещались неплохие деньги, что было крайне важно для российских военных, поставленных в те времена на грань нищеты. В итоге был собран отряд примерно из восьмидесяти человек, в основном из Кантемировской дивизии. Они составили экипажи танков, которые должны были сопровождать отряды оппозиции[1]. Кроме того, в походе на Грозный должны были принимать участие несколько экипажей вертолётов. К операции подключили и тех российских офицеров, которые к тому моменту уже находились в рядах оппозиции.

Что характерно, офицеры ФСК дезинформировали добровольцев, что Дудаев якобы уже за границей, чеченские отряды вооружены слабо, а их боевой дух низок. Если в ФСК действительно в это верили, такая «сводка» ставит на тамошних офицерах крест как на профессионалах; если они понимали реальное положение дел, но лгали, то иначе как предательством такие воодушевляющие речи назвать нельзя.

Майор Валерий Иванов описывал эти планы:

> «Всё должно было произойти как в кино. Мы под прикрытием пехоты входим в город.

---

[1] «Парад планет». Ноябрьский штурм Грозного: подготовка и осуществление. http://polit.ru/article/2004/11/29/chech/

> Над нами — вертолёты поддержки, над вертолётами — спутники, контролирующие обстановку. Занимаем позиции у их Белого дома, телецентра, здания государственной безопасности, МВД и дома печати. Население ликует. Короче, парад планет»[1].

Подготовка танкистов велась кое-как. Эти военнослужащие ранее служили на разных типах танков, и многих пришлось доучивать на ходу за несколько дней. Взаимодействие с отрядами антидудаевской оппозиции не отрабатывалось, Грозного танкисты не знали. План «Б» на случай непредвиденных проблем отсутствовал. Бывший офицер спецназа ГРУ Сергей Козлов, которого также вербовали для участия в операции, резюмировал:

> «Поскольку это всё было писано вилами по воде, я решил всё не имеющее в настоящий момент какого-то объяснения отнести к минусам. Также в этот разряд попадало и то, что контрразведка вербует спецназовцев ГРУ из „бывших", от которых всегда можно отказаться. Из плюсов была только тысяча долларов, которой как раз бы хватило на мои похороны. Я сказал, что это чистой воды подстава и я в такие игры играть не собираюсь»[28].

Вечером 25 ноября танки, автобусы и автомобили с российскими офицерами и оппозиционерами начали выдвигаться к Грозному от села Толстой-Юрт. Утром они были в Грозном. Город выглядел мирно, присутствия противника ничто не выдавало, танки без приключений дошли до некоторых объектов. Оппозиционеры начали расползаться по городу, кто-то из братьев по оружию уже отправился грабить квартиры.

В середине дня танки неожиданно попали под плотный огонь. Связи практически не было. Слабо подготовленные оппозиционеры не могли толком взаимодействовать с танками, не вели разведку, толку от них

---

[1] «Парад планет». Ноябрьский штурм Грозного: подготовка и осуществление. http://polit.ru/article/2004/11/29/chech/

не было почти никакого. Дудаевцы били по танкам из дворов и с крыш из гранатомётов. Танк в городе — куда менее беззащитная машина, чем принято думать, но для его эффективного применения в условиях застройки жизненно необходима боеспособная пехота сопровождения. У оппозиции её не было, их пехота действовала вяло и бойцовских качеств не демонстрировала.

Один из танкистов рассказывал:

> «Гляжу, мечется один орёл полчаса с гранатомётом. Ты чего это делаешь, спрашиваю. Стреляю, говорит. А у самого гранатомёт на предохранителе. Ты, паразит, стрелять-то умеешь из него? Нет, говорит, не умею. А чего попёрся тогда? Так деньги платят»[51].

Многие оппозиционеры всё же пытались сражаться, но не все умели хотя бы обращаться с оружием. Они даже не могли организованно отступить и ближе к вечеру по большей части разбежались.

Танкисты не видели целей, ознакомить их с городом никто не удосужился, а вылезти из танка, чтобы хотя бы спросить дорогу, никто не мог без риска погибнуть от огня стрелкового оружия[52]. Вечером часть танкистов, потерявших машины (в частности, те, кто оказался возле телецентра), сдались в плен. Другого выхода у них не было: оказавшись в окружении в незнакомом городе, эти люди были лишены выбора. Так бесславно закончился «нулевой» штурм Грозного. 21 российский военнослужащий попал в плен. Сгорело, по разным данным, 20–30 танков. Согласно пофамильному списку, погибло по крайней мере 18 российских танкистов[53]. Дудаевцы потеряли несколько десятков человек убитыми и ранеными.

Грозненец описывал позднее свои впечатления:

> «Многие командиры [оппозиции] были убиты выстрелами снайперов. Без них они просто разбежались, оставив танкистов одних.

Сергей Мостовщиков. ФСК хорошо платит офицерам, завербованным для тайной помощи чеченской оппозиции // Известия. 21 января 1995.

Именно их, не церемонившись, позднее расстреливали подоспевшие басаевцы, стоявшие до этого на 36 участке. Это всё приходилось наблюдать своими глазами. Ходил, как дурак, со всеми смотреть за происходящим. Кощунственно завидовал людям с видеокамерами. Видел только один труп гражданского, симпатичного чеченского парня. Одетого по последней тогда моде. Запомнился его дорогой, красивый шарфик. Был бесцеремонно расстрелян вместе с другими чеченскими танкистами у ворот одного армянского дома с железными, дорогими воротами, чей хозяин уже жил и работал в Москве. Все остальные погибшие были одеты в военную форму. Как правило, никто из них не погиб в бою, все были расстреляны. Кое-кто погиб от взрывов боекомплекта в своих танках. Эти 16-тонные башни валялись в некотором отдалении от самих танков. Один, совсем ещё мальчик, которого я вначале не заметил, лежал с запрокинутыми назад руками. Это был единственный погибший со славянской внешностью. Других было либо невозможно опознать, либо чеченцы. Тут же дудаевский спецназ на наших глазах вылавливал кое-где спрятавшихся оппозиционеров. Все они представляли жалкое зрелище. Дрожали от страха. Своих чеченцев тут же ставили к стенке. Стреляли по ним с пулемётов. Женщины, проходившие мимо, все до единого начинали плакать, склонившись над погибшими. Мужчины многие, наоборот, плевали на них.

Странные чувства были. Только что была бойня. Пустые улицы. Теперь снова полным-полно народу. Все ходят, смотрят. Вокруг кое-где лежат погибшие»[1].

---

[1] Город Грозный. Между жизнью. Часть 1. https://makuns.livejournal.com/28123.html

Сказать что-либо цензурное в адрес людей, спланировавших операцию, крайне трудно. Танкисты не имели даже самой элементарной информации, провести хотя бы поверхностную разведку перед наступлением никто и не подумал, взаимодействие с чеченской пехотой отработано не было, сама эта пехота была небоеспособна и слабо представляла, что такое дисциплина, об авиаподдержке и артиллерии не приходилось и мечтать. Ни один аспект этой операции проработан не был. Почему себя не проявили лидеры чеченской оппозиции, понять можно: никто из них крупной операцией ранее не командовал, все они были атаманами, а не офицерами. Однако невозможно понять, отчего российские штабные офицеры оказались не более квалифицированы, чем эти атаманы. Ставка делалась только на психологический эффект от появления бронетехники в центре города. Конечно, в 1994 году Чечня ещё не была той самой Чечнёй. Но расчёт на то, что враг непременно испугается, выглядит просто безответственным. Никакого запасного плана на случай, если нервы противника выдержат, не имелось. Единственное, о чём позаботились в штабах, так это сообщить танкистам, что в плену их ждут страшные пытки и в случае угрозы нужно застрелиться или подорвать себя гранатой. Как печально резюмировал вернувшийся из плена танкист, «какой-то умник нас псами войны называл. Какое там псы. Уделались мы, как щенки»[191].

С такой самокритичной оценкой трудно согласиться. Провалили штурм не танкисты. При таком вопиюще бездарном командовании даже танковые асы едва ли показали бы впечатляющий результат.

С участниками ноябрьского штурма обошлись мерзко, отправив в бой совершенно неподготовленными. Но худшее ждало их впереди.

Сначала на танкистов обрушились типичные для плена мытарства. Избиения, имитации расстрела, психологическое давление — явления печальные, но распространённые. Но действительно сокрушительный удар своим солдатам нанесло российское Министерство обороны. Министр Павел Грачёв заявил журналистам буквально следующее:

> «Ну, знаете, я как-то не очень интересуюсь этим вопросом, так как вооружённые силы, в принципе, не участвуют там. Идёт

междоусобица, идёт борьба за власть, хотя я смотрю телевидение, и вроде пленные там захвачены и ещё кто-то. Я единственное знаю, что с каждой стороны — и на стороне Дудаева и на стороне оппозиции — воюет большое количество наёмников.

Только безграмотные командиры могут воевать танками в городе. Такого никогда не должно быть. Сначала идёт пехота, потом танки. Танк — он ничего не видит, танк в поле хорош, а в городе он слепой, там обязательно должна быть пехота, охраняющая танк. Поэтому так и получилось.

Если бы воевала российская армия, то, по крайней мере, одним парашютно-десантным полком можно было бы в течение двух часов решить все вопросы»[1].

Эту речь Грачёва чеченцы с удовольствием прокручивали на видео русским пленным. Документы танкисты сдали перед отправкой на штурм, так что подтвердить свой статус российских военных могли только словесно. Если российская сторона боялась репутационных потерь, то сокрушительный урон репутации России причинило именно стыдливое открещивание от своих солдат.

Такое постыдное поведение министра обороны смотрится тем более нелепым, что оно не принесло никакой реальной пользы. Странный маскарад был закончен официально. Ельцин поставил Дудаеву ультиматум с требованием освободить российских военных и сложить оружие. Дудаев пообещал расстрелять пленных, если российские власти не признáют их своими. К счастью, эту угрозу он не выполнил, и позже пленные постепенно вернулись домой. Однако для решений по поводу будущего Чечни вопрос о судьбе пленных танкистов уже не имел значения.

---

[1] Александр Черкасов. Преданные. http://www.polit.ru/article/2004/12/03/chech/

Впоследствии много обсуждались возможности избежать войны. По-человечески желание найти более продуктивные способы разрешить кризис вполне понятно. Но, к сожалению, вся эта «посмертная медицина» не учитывает двух принципиальных моментов. Во-первых, война в Чечне не была конфликтом лично Ельцина и Дудаева. Последний балансировал на гребне волны, которую составляли амбиции его полевых командиров. Ельцин попросту не мог дать им то, что бы их удовлетворило. Сузить социальную базу боевиков могло создание в Чечне прочной легальной экономики, рабочие места и работающие (не криминальные) социальные лифты. Но в России 90-х всё это было утопией и за пределами Чечни. К тому же Россия тогда не могла просто завалить Чечню нефтедолларами, как это было сделано в 2000-х.

Во-вторых, в 1994 году никто не мог положить на стол Ельцину или Дудаеву доклад, прогнозирующий реальный исход Чеченской войны. Конечно, в Кремле понимали, что происходит нечто серьёзное, но ещё не осознавали, насколько далеко джинн улетел из бутылки. Ноябрьский разгром, видимо, списали на слабость самой оппозиции. Дудаевцев полагали слабым противником для регулярной армии. Но и Дудаев не считал, что ему угрожает нечто существенное. Уверенность в том, что армия не будет использована в полную силу, сохранялась в Чечне до самого начала боевых действий. Истинной серьёзности положения не осознавали ни в Москве, ни в Грозном. На редкость наивными кажутся построения современных гуманистов, полагающих, что для избежания войны достаточно было, чтобы Ельцин и Дудаев встретились лично и хорошенько поторговались, демонстрируя друг другу уважение. Чтобы сохранить мир, люди, принимавшие тогда решения, слишком плохо понимали, каких демонов собираются выпустить на волю, зато все прорехи в их картине мира были замазаны толстым слоем эгоцентризма.

Москва поставила ультиматум, Грозный его не выполнил. Чеченская война началась.

Шали, 30 марта 1995. Русские солдаты осматривают сожжённый чеченцами БМП. Фото Александра Неменова.

ГЛАВА 4
MORITURI

Шатой, февраль 1996. Российские десантники на зимней дороге в Чечне. Фото Александра Неменова.

Окончательное решение о наступлении на Чечню было принято 29 ноября 1994 года на заседании Совета безопасности РФ. Позднее его участники без энтузиазма говорили о своей роли в начале войны, обернувшейся катастрофой для всего государства. Однако общее представление об атмосфере этого заседания можно составить. Решение принималось на эмоциях, ситуацию в Чечне участники Совбеза представляли смутно. Министр обороны Павел Грачёв потом утверждал, что резко выступал против войны, и возлагал ответственность на министра по делам национальностей Николая Егорова[1]. Председатель Госдумы Иван Рыбкин, напротив, говорил, что позиция Грачёва была невнятной[2]. Бывший глава Администрации президента Сергей Филатов подтверждал версию Грачёва — по его словам, на министра обороны давил воинственно настроенный премьер-министр Черномырдин. Зато, по данным Филатова, насчёт перспектив силовой операции весьма оптимистично были настроены министр внутренних дел Виктор Ерин и министр по делам национальностей Егоров[3].

Но все комментаторы сходятся в одном: заседание 29 ноября, в котором участвовали президент Ельцин, высшие чиновники России и главы силовых ведомств, прошло очень эмоционально и в спешке. Абсолютное большинство участников выступило за проведение силовой операции. Интересно, что Ельцин, судя по описаниям события, изначально мучился сомнениями и не был настроен воинственнее других; позднее он вообще утверждал, что считает решение о начале силовой операции одной из своих ключевых ошибок[4]. Понять президента можно. Хотя война в Чечне уже фактически шла, психологически довольно сложно было принять официальное решение о военной операции против региона собственного государства — пусть и находящегося в его составе формально. Однако результат этих размышлений известен. Что бы ни творилось в голове первого президента России, рубикон был перейдён.

Меня назначили ответственным за войну. http://www.trud.ru/article/15-03-2001/21092_pavel_grachev_menja_naznachili_otvetstvennym_za_vo.html

[2] Иван Рыбкин вспоминает заседание Совета Безопасности России 29 ноября 1994 года. https://www.svoboda.org/a/24185286.html

[3, 4] Ельцин не хотел идти на второй срок. https://lenta.ru/articles/2015/10/13/filatov/

На следующий день был подписан Указ «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики»[1], которым и были оформлены основания силовой операции. Обнародован Указ был позднее. Далее события разворачивались быстро.

Что представлял собой театр боевых действий? Чечня сама по себе кажется на карте маленькой. Всего 155 км с севера на юг и чуть более сотни — с запада на восток. Однако обывательские представления о Чечне как о маленькой республике, которую легко контролировать, ошибочны. Проблема заключается в сложном рельефе и во множестве населённых пунктов, перетекающих один в другой.

Чечню можно условно поделить на три части. Севернее Терека находится равнинная зона — около 50 км шириной. Это была самая спокойная часть республики, настроенная при Дудаеве наименее радикально.

Южнее Терека равнина продолжается, но в этой полосе, также примерно в 50 км шириной, уже встречаются крупные лесные массивы, а населённые пункты расположены гораздо плотнее. Точно в центре этой зоны — и географически в середине Чечни — находится крупнейший город и столица Грозный. Вокруг него разбросано множество городков и посёлков, сменяющих один другой. Второй по величине город республики — Гудермес — находится всего в 16–18 км от дагестанской границы. Между окраинами Гудермеса и Грозного — ещё 20 км, на которых умещаются Аргун и несколько сёл поменьше. На юг от Аргуна — десяток километров дороги до окраин Шали, из них 2–3 км проходят за пределами сёл.

Наконец, около 60 км с севера на юг и 75–110 км с запада на восток занимает горная часть Чечни. Не следует обманываться её малыми размерами. Горная Чечня с точки зрения партизана компенсирует небольшую величину идеальным рельефом для малой войны. Это поросшие лесом горы, и чем дальше к югу — тем они круче и выше, а дорожная сеть всё реже. Многие посёлки, ставшие местом ожесточённых сражений, находятся как раз на границе между горной и равнинной частью — например, Бамут,

---

[1] Текст см., напр. в статье Александра Черкасова «Зыбкая почва». http://www.polit.ru/article/2004/12/16/chech/.

Комсомольское, Чири-Юрт. Восточная часть горной Чечни населена плотнее западной, и эти края вокруг Ведено стали одним из основных районов партизанщины и в 90-е, и в 2000-е годы. Посередине горной Чечни с севера на юг идёт Аргунское ущелье. К югу от села Итум-Кале оно становится совершенно необитаемым, а на полпути от Итум-Кале к равнине в небольшой долине расположился Шатой. Юго-запад Чечни, вдоль границы с Грузией и Ингушетией, дик и наименее обитаем. Горы делают огромным и часто непреодолимым даже небольшое расстояние, редкость дорог мешает использованию техники. К тому же густые заросли крайне затрудняют обзор. Условия местности в горной Чечне таковы, что манёвры, легко исполнимые на равнине, здесь становились исключительно трудными, а то и невозможными. Для контроля даже небольшого участка территории требовалось выделить людей куда больше, чем на равнине.

ХМУРОЕ НЕБО

Первыми в рамках военной операции, ещё не начавшейся официально, начали действовать воздушные силы. 1 декабря российская авиация добилась первого успеха — одного из немногих на общем безрадостном фоне. Ударами по аэродромам, в первую очередь по грозненской воздушной гавани Ханкала, была уничтожена вся имевшаяся у Дудаева авиация[1]. Уничтожение учебных самолётов, пустых пассажирских лайнеров и «кукурузников» выглядит не слишком эффектно, но результат этого налёта недооценивать не стоит. Конечно, чеченские боевики не имели возможности вести полноценную войну в воздухе, но очевидно, что даже один-два удара по войскам, и тем более городам России, имели бы сокрушительный психологический эффект. В сентябре 1994-го во время парада в Грозном над центром города прошла эскадрилья «Альбатросов». Эти изначально учебные самолёты чешского производства могут нести довольно ощутимую боевую нагрузку, и в некоторых военных конфликтах реально использовались в качестве штурмовиков. Существуют приказы за подписью Дудаева в адрес Аслана Масхадова (тогда он исполнял функции начальника штаба) о приготовлении воздушных атак по неким объектам на российской

---

[1] Российская авиация в Чеченской войне. http://www.airwar.ru/history/locwar/chechnya/av1/av1.html

СОВРЕМЕННАЯ КАРТА ЧЕЧНИ

Ханкала, 29 марта 1995. Российский вертолёт над обломками чеченского самолёта, разбитого в декабре 1994 года.
Фото Александра Неменова.

территории (план «Лассо»)[13; 1]. Конкретной информации о предполагаемых целях мало, но можно представить, какой эффект произвела бы в российском обществе хотя бы одна бомбардировка Ставрополя или Ростова.

Психологическая готовность дудаевцев к такому шагу была несомненна, и эти планы так и не оказались реализованы как раз в результате бомбардировки аэродромов в Ханкале.

Российские самолёты тогда потерь не понесли. Кроме множества «Альбатросов» погибли несколько Ту-134, включая самолёт Дудаева, и три вертолёта Ми-8, техническое состояние которых на момент бомбёжки неизвестно. По неточным данным, в начале декабря также состоялся единственный за время войны эпизод, который можно назвать воздушным боем: вертолёт Ми-24 якобы сбил ракетой дудаевский транспортный самолёт, направлявшийся в Азербайджан[2].

Лишившись авиации, бывший лётчик Дудаев отправил командующему российскими ВВС Дейнекину телеграмму:

> «Поздравляю с завоеванием господства в воздухе. Но встретимся мы на земле. Дудаев»[3].

Российские ВВС встретили войну в прискорбном состоянии. Формально была собрана крупная воздушная группировка, насчитывавшая 515 самолётов[4], но её качество вызывало вопросы. Планы лётной подготовки давно не выполнялись даже по минимуму, поэтому члены экипажей далеко не всегда были способны хорошо выполнять свои задачи. Кроме того, ситуацию осложняла скверная погода: зимой в Чечне метеоусловия, как правило, ужасны, и 1994 год не был исключением. Проблему несколько сглаживал тот факт, что заметная часть лётчиков имела боевой опыт Афганистана, но непогода, плохое состояние матчасти и слабая подготовка

---

https://botter.livejournal.com/62405.html

http://army.lv/ru/mi-24/primenenie/511/117

http://nvo.ng.ru/history/2007-12-14/6_rules.html

[4] http://www.airwar.ru/history/locwar/chechnya/first/first.html

экипажей перед конфликтом дали свои горькие плоды. К тому же чеченцы располагали захваченными на российских складах ПЗРК, автоматическими пушками и даже самоходными зенитными установками, так что появление жертв среди бойцов ВВС было вопросом времени. Правда, по труднообъяснимым причинам в первую кампанию чеченцы крайне редко и, в общем, малоуспешно использовали ПЗРК[1]. Оружие, серьёзно повлиявшее на ход войны в Афганистане, в Первой Чеченской войне оказало на удивление слабое действие. Судя по всему, причины этому две: российские лётчики пользовались опытом противостояния ПЗРК в Афганистане, а чеченцы в середине 90-х слабо умели обращаться с этим видом оружия. В любом случае, основным средством ПВО боевиков в первую войну были автоматические пушки и тяжёлые пулемёты, которые монтировали в кузовах автомобилей.

Первые потери российских воздушных сил относятся к середине декабря. Этот эпизод настолько характерен, что заслуживает отдельного рассмотрения.

14 числа два транспортных вертолёта Ми-8 с грузом продовольствия вылетели из Беслана под прикрытием пары ударных Ми-24. Видимость была отвратительной, поэтому «вертушки» шли на сверхмалой высоте, менее 70 м. Над Самашкинским лесом вертолёты были обстреляны с земли из автоматов, пулемётов и автоматических пушек. Один Ми-8 тут же пошёл на вынужденную посадку[30]. Другой попытался спасти товарищей, но получил серию попаданий в топливные баки (с вертолётов прикрытия видели хлещущий керосин) и начал уходить. Оба Ми-24 были серьёзно повреждены и с трудом покинули поле боя. Позднее командира группы подполковника Локтионова обвиняли в трусости, но попытки продолжать бой на изрешечённых вертолётах под плотным огнём привели бы только к гибели «вертушек». Из троих членов экипажа злополучной «восьмёрки» один человек погиб на земле в перестрелке, другой был ранен и добит чеченцами, третий ранен ещё в воздухе и захвачен живым, но вскоре умер в госпитале Грозного. Родители скончавшегося бортмеханика долго не имели сведений о судьбе сына, а их мытарства способны, пожалуй, тронуть и камень. Штабисты заявляли, что тот находится в Моздоке, а правозащитник Ковалёв, тесно работавший с чеченцами, заявил, что, раз русские

---

[1] http://airwar.ru/history/locwar/chechnya/av1/av1.html

бьют чеченцев, он не обязан помогать им кого-то искать. Точные данные о смерти сына родители получили только в конце января 1995-го.

Гибель Ми-8 стала первой, но далеко не последней потерей российских лётчиков в Чечне[1]. За время боевых действий в 1994–1996 годах российская авиация потеряла не менее шести самолётов и более двух десятков боевых вертолётов. Значительно больше машин получило нефатальные боевые повреждения.

Покуда авиаторы втягивались в войну, на земле начала свой путь сухопутная армия.

БЫЛИ СБОРЫ НЕДОЛГИ

Планирование операции в Чечне заставляет очень серьёзно усомниться в профессиональных качествах российских военачальников, в частности — командующего Объединённой группировкой войск (ОГВ) Анатолия Квашнина и министра обороны Павла Грачёва. Во-первых, обращают на себя внимание сроки предполагаемого наступления. Всего за неделю, до 6 декабря, предполагалось создать ударные группировки для выдвижения к Грозному, за три дня блокировать сам Грозный, ещё за четыре — взять его; наконец, с 14 по 21 декабря — окончательно стабилизировать ситуацию и взять республику под полный контроль[2].

Российские генералы, безусловно, были в курсе, сколько оружия должно было остаться в Чечне в 1992 году. Разгром отрядов оппозиции в Грозном они наблюдали только что. В свете этих обстоятельств такой оптимизм военачальников находится за гранью понимания. Задачу по составлению детального плана операции в Северо-Кавказском военном округе получили 30 ноября, и к 5 декабря план должен был быть полностью закончен[3][1]. Сомнительно, что за неделю даже квалифицированным штабистам удалось бы составить детальный, хорошо проработанный план операции.

Подробнее: Константин Яук. Вертолет № 27.
http://botter.livejournal.com/137319.html?thread=1526375

http://nvo.ng.ru/history/2004-12-10/1_chechnia.html

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ ГРАЧЁВ, ГЕНЕРАЛ АРМИИ

дата рождения	место рождения
01.01.1948	с. Рвы, Тульская область

- В 1969 году окончил Рязанское воздушно-десантное командное училище.
- В 1981 году окончил Военную академию им. Фрунзе.

- С 1981 по 1983 год и в 1985-1988 годах воевал в Афганистане — заместитель командира и командир парашютно-десантного полка, затем командир 103-й воздушно-десантной дивизии.
- В 1988 году присвоено звание Героя Советского Союза за операции в Афганистане.
- В 1991 году во время путча ГКЧП перешёл на сторону Бориса Ельцина. В 1992 году, после распада СССР, назначен министром обороны.
- В 1993 году во время вооружённого противостояния между Верховным Советом и президентом поддержал президента Бориса Ельцина.
- Участвовал в подготовке и проведении силовой операции в Чечне.
- В июне 1996 года отправлен в отставку.
- В дальнейшем работал в компании «Росвооружение» (государственный посредник по экспорту и импорту вооружения и техники).
- Фигурант множества скандалов, связанных с коррупцией в Вооружённых Силах. К ответственности никогда не привлекался.
- Умер 23 сентября 2012 года от болезни.

Сомнительно, что военным удалось бы приступить к выполнению плана даже при наличии подробной и правдивой информации о противнике. Судя же по намерению полностью разгромить боевиков в течение трёх недель, представления о неприятеле у российских штабников были полностью превратными, чтобы не сказать дикими. Уровень боеспособности дудаевцев и их готовность к сопротивлению были фатально недооценены. Министр обороны Грачёв рассказывал о следующей сцене на заседании Совета безопасности:

> «Доклад о текущем моменте делал министр по национальным вопросам Егоров Николай Дмитриевич. Он говорил, что в Чечне все нормально: „в результате работы с населением" мы достигли прогресса — 70 процентов чеченцев ждут, когда войдут российские войска. Остальные тридцать в основном нейтральны. Сопротивление окажут только отщепенцы. Егорова тогда называли не иначе как „вторым Ермоловым" на Кавказе. На том заседании Совбеза меня просто взбесила его фраза о том, что чеченцы „будут посыпать нашим солдатам дорогу мукой"»[32].

Комментарии излишни.

Примечательно, что численность боевиков была оценена даже с перебором — до 32–35 тысяч[1] [31]. У дудаевцев предполагались даже танковый и артиллерийский полки[2]. Формально это было возможно: у чеченцев имелось несколько десятков стволов артиллерии. Но организационно Дудаев никогда такой артиллерийский кулак не использовал из-за недостатка хороших пушкарей и вспомогательной техники. Точно так же, как никогда не использовалась в одном месте хотя бы танковая рота. Реальная численность боевиков под командой Дудаева не превышала 15 тысяч, хотя оружия в республике имелось значительно больше. Анархия в Чечне серьёзно затрудняла создание организованных вооружённых сил. Дудаевцы располагали несколькими десятками единиц способной стрелять артиллерии и бронетехники

---

[1] http://vpk-news.ru/articles/23146

на ходу, но в армии Ичкерии были сложности с толковыми артиллеристами и танкистами, к тому же недоставало запчастей и топлива. Поэтому тяжёлую технику дудаевцы использовали от случая к случаю, и в целом в ходе войны она сыграла небольшую роль.

В любом случае, намерение за несколько недель разгромить эти отряды, без учёта возможной упорной обороны или перехода к партизанской войне, говорит об отсутствии у военных властей здравой оценки ситуации.

Неадекватные представления о противнике были не единственным и, возможно, даже не самым большим недостатком планирования действий Объединённой группировки. О состоянии собственных войск Генштаб, судя по всему, также имел весьма искажённые представления.

Выше уже говорилось о состоянии Российской армии — оно было ужасающим. Основу её составляли служившие два года призывники, а это значило, что попавшие в армию в 1992–93 годах рекруты уже не умели практически ничего. Российская армия, которой предстояло вести войну, была близка к коллапсу без всяких боевых действий. Боеспособность отдельных частей армии, МВД и бывшего КГБ поддерживалась либо в силу их особой важности для государства, либо благодаря усилиям наиболее стойких и ответственных офицеров.

Солдаты весь срок службы либо занимались хозяйственными работами, либо просто бездельничали. Подполковник Евгений Сергеев, командовавший в Чечне батальоном, вспоминал:

> «Начинаю знакомиться с экипажами. Спрашиваю механика:
> — Сколько БТР водил?
> Отвечает:
> — Три километра в учебке.
>
> Спрашиваю башенного пулемётчика:
> — Из КПВТ[1] стрелял?
> — Нет.

---

[1] Крупнокалиберный пулемет, основное оружие бронетранспортера.

— А из ПКТ[1]?
— Один раз.

Уровень подготовки ясен. Всё оружие в смазке, которую ещё только предстоит снять. Оружие не снаряжено, машины не заправлены»[33].

Этот диалог происходил непосредственно перед маршем в глубину Чечни. Сам Сергеев был опытнейшим офицером-«афганцем», но чему он мог обучить солдат, которых ему передали буквально за несколько часов до отправки в Чечню, за считанные дни до вступления в бой? О боевом слаживании и речи не шло.

Министр обороны Павел Грачёв перед войной давал просто убийственную характеристику положения дел в армии:

«Некоторые командующие, командиры и штабы не умеют аргументированно обосновать целесообразность принятых решений. Офицеры звена дивизия-полк-батальон слабо знают свои обязанности», «Личный состав недостаточно обучен владению штатным вооружением и военной техникой, имеет невысокую специальную подготовку»[2].

Как легко заметить, министр прекрасно видел недостатки своей армии. Но никаких практических выводов не сделал. Он сделал верное наблюдение и тем удовлетворился.

Проблемы, конечно, не сводились к нехватке обученных солдат и офицеров. Например, уровень выучки частей ВДВ был выше среднего. Но подразделения, имевшие приличную подготовку, в такой ситуации неизбежно становились заложниками общего состояния армии: в бою они не могли положиться на соседей и другие виды войск. Капитан Александр Борисевич,

---

[1] Модификация пулемета Калашникова для установки на бронетехнике.

[2] Директива № Д-0010 «Об итогах подготовки Вооруженных Сил РФ в 1994 году и уточнении задач на 1995 год».
См., напр.: https://polit.ru/article/2004/12/17/chech/.

возглавлявший парашютно-десантную роту, позднее комментировал ситуацию так:

«На тот момент наш батальон был почти полностью укомплектован, мы постоянно и на совесть занимались боевой подготовкой. С этим проблем не возникало. Трудности проявлялись в ином. Шёл на убыль „афганский" опыт, к тому моменту офицеров, прошедших Афганистан, уже почти не осталось. Остальные не видели настоящей войны. Не было и того информационного обеспечения, которое сложилось только ко второй чеченской кампании. Мы почти не знали, какой перед нами противник, где располагается, с чем нам реально придётся столкнуться. Недостоверность и неполнота данных не позволяли принимать выверенные решения. Не было чёткого взаимодействия с подразделениями Внутренних и Сухопутных войск, и с другими видами и родами войск. Нестыковки просматривались повсеместно и почти всегда»[1].

В скверном состоянии были материальная часть и снаряжение. В воспоминаниях солдат и офицеров, входивших в Чечню в декабре, рефреном идут рассказы о бесперечь ломающихся бронетранспортёрах; о пулемётах, стабильно клинящих через три выстрела; о бронежилетах, из которых вынуты броневые пластины; о танках, лишённых динамической защиты. С одной стороны, это был результат длительного хранения техники и вооружения в военных городках и на складах, где имущество постепенно приходило в негодность (а то и разворовывалось), а с другой — организационные пробелы. В хаосе начала 90-х прибывающие из Германии части могли расформировываться с параллельным уничтожением техники 80-х годов выпуска, в то же время из глубины России отправлялись на войну полки, чьи боевые машины были много старше своих водителей.

---

[1] Тот памятный январь. Интервью А. Борисевича газете «Красная звезда». http://archive.redstar.ru/index.php/component/k2/item/35328-tot-pamyatnyj-yanvar

Подразделения собирались на лету. Когда мы говорим о входящих в Чечню полках, бригадах и батальонах, нужно помнить, что они никогда не были укомплектованы до штатной численности и даже примерно не соответствовали составу, который должен был быть на бумаге. Солдаты и офицеры знакомились буквально у трапов самолётов, если вообще не по прибытии на войну. По большей части это были войска, находившиеся до того в глубоком тылу и укомплектованные в лучшем случае по штату мирного времени. Например, 33-й мотострелковый полк насчитывал 289 человек из положенных 2200[3-4]. И это не единичный случай. Так, 81-й Самарский полк насчитывал около 500 человек в строю. С учётом миномётной батареи, хозвзвода и управления полка оставалось лишь около 160–170 человек на каждый из двух батальонов[1]. При этом полк насчитывал до 200 единиц техники. Это означало даже не нехватку, а полное отсутствие пехоты, которая могла бы брать под контроль территории и вести зачистку. В Чечню поехал не полк, а экипажи бронетехники.

Именно им в новогоднюю ночь будет поставлена задача пробиться в центр Грозного.

Приметой времени стали так называемые сводные отряды. Такой отряд обычно собирался из той части бригады или полка, которая в принципе могла пойти в бой. Управление такими формированиями было крайне затруднено. Доукомплектация частей шла прямо на марше. Старослужащие солдаты уехали домой в декабре, так что в частях остались отслужившие едва по полгода бойцы, зачастую не имеющие никакого представления о своих обязанностях, о технике и тактике ведения боя. Офицеры и прапорщики были вынуждены кроме прямых обязанностей выполнять ещё и функции солдат и сержантов — вплоть до того, что водителем танка мог быть лейтенант, заодно командующий взводом. И речь идёт не об отдельных эксцессах, а о систематической практике. Например, капитан Андрей Чёрный из 131-й мотострелковой бригады командовал танком и ротой, и одновременно выполнял функции наводчика. В работе, посвящённой судьбе 131-й Майкопской бригады, передаётся рассказ ещё одного «офицера-многостаночника», старшего лейтенанта Юрия Морозова:

---

[1] Новогодний штурм Грозного.
http://artofwar.ru/p/petrow_w_e/text_0040.shtml

«Я уходил из Майкопа командиром взвода, приехал в Моздок со вторым или с третьим эшелоном через неделю. Через два-три дня приезжает Гарьковенко, комбат, и кричит мне, чуть ли не из вагона: „Юра, на тебя приказ пришёл! Ты теперь у меня заместитель начальника штаба! А поскольку начальника штаба нет — ты начальник штаба!" Я спрашиваю: „А где штабная документация, где всё?!" Гарьковенко: „А не погрузили! Некому было! Начальника штаба нет!"»[38]

Добавляло проблем отсутствие в Российской армии профессионального сержантского корпуса. Чаще всего сержантом был обычный срочник, отслуживший некоторое время и теоретически получивший некоторую подготовку. На практике такие сержанты не сильно превосходили рядовых по лидерским качествам и квалификации. Это только добавляло нагрузки на офицеров, и без того вынужденных выполнять множество функций одновременно. Что ещё хуже, многие офицеры были «двухгодичниками», пришедшими в армию после гражданских вузов. Система, при которой выпускник университета должен отслужить некий срок на командной должности в армии, теоретически позволила бы быстро доставить необходимое количество офицеров при массовой мобилизации, но такие люди, конечно, редко являлись полноценными лейтенантами. Между тем их доля среди младших офицеров была высокой. В некоторых полках «двухгодичники» составляли большинство командиров взводов.

Всё вышесказанное усугублялось отвратительной организацией снабжения войск. Необходимость думать о том, чем накормить и как обогреть воинскую часть, сокращала и без того недостаточное время на предварительные тренировки и слаживание.

Ужасными были бытовые условия. Не хватало даже палаток. В качестве обогревателей использовалась нехитрая конструкция: в жестяную банку с дизельным топливом набивалась вата и поджигалась. Пехотинцам зачастую негде было обогреться, кроме как на моторном отделении танка, и негде спать, кроме самостоятельно выдолбленных в мёрзлой земле нор. С питанием дела обстояли не лучше — горячую пищу подвозили редко и нерегулярно.

Боевой дух был откровенно низким. Во время отправки в Чечню дезертировали многие солдаты и офицеры. Правда, были и противоположные истории. Старший лейтенант миномётной части Игорь Бабанин рассказывал:

> «Приезжали матери, солдат забирать. Это отдельная песня... Не расстреливать же их... Мать забрала сына, он оставил оружие, вещи и уехал. Больше сотни таких из полка потом дослуживали на Дальнем Востоке. Был случай, приехала мать, посмотрела, как её сын служит, хороший парень: „Вижу, что мой сын в хороших руках, оставляю его вам..." А через три месяца он погиб. Неприятный был осадок на душе. Если бы она его забрала – остался бы парень живым, может быть.
>
> И отцы приезжали. В инженерно-сапёрную роту приехал отец, подполковник запаса, и его оставили служить. Я его принял на гражданскую должность. Служил он два-три месяца, пока сын не уволился, они вместе уехали домой. Помню другой случай, когда солдат мог не ехать в Чечню, но поехал. Это мой водитель, немец. Ему пришёл вызов в Германию, на постоянное место жительства, но остался с нами до конца, отслужил, сколько положено, и только потом уехал домой и оттуда в Германию»[36].

Другой офицер того же полка описывал прямо-таки курьёзный случай. Женщина отправила в полк несколько телеграмм о собственной смерти, надеясь, что на её фиктивные похороны солдата отпустят. Однако почта ходила плохо, и тогда решительная дама сама приехала в часть и устроила офицерам разнос.

Причины больших неудач Российской армии в Чечне впоследствии обсуждались много. Как российские, так и зарубежные авторы искали корень зла в том, что армия готовилась к другому типу военного конфликта, не умела действовать в специфических условиях (таких, как

Чечня, 24 января 1995. «Солдатские матери» на пути в Грозный. Женщина из организации провожает взглядом бронетранспортёр. Фото Александра Неменова.

сражение в городе), была приспособлена к борьбе против другой регулярной армии и т. д. В действительности эти доводы применимы скорее ко второй войне, начавшейся в 1999 году. Объединённая группировка войск в Чечне в 1994 году была не готова не к каким-то отдельным условиям войны. Она не была готова вообще ни к какой войне.

Усмирять Чечню отправились по трём направлениям. Группировка численностью 6567 человек выдвигалась с северо-запада, со стороны Моздока. Около четырёх тысяч штыков наступало с запада, от Владикавказа. Ещё примерно столько же — с востока, со стороны Кизляра[37]. Местом встречи этих сил должен был стать Грозный.

Читатель спросит: и это всё? Действительно, такая численность впечатления не производит. Особенно учитывая, что количество чеченских боевиков было несколько больше (значительно больше — по собственным же расчётам!). Учтём также, что заметную часть указанных сил составлял разнообразный технический персонал: ремонтники, водители, повара и т. п. В операции принимал участие даже зенитно-ракетный полк. Таким образом, количество «активных штыков» — людей, непосредственно воюющих с автоматом в руках, — оказалось опасно низким. Тем более странно и дико выглядит столь малочисленная группировка на фоне двухмиллионных Вооружённых Сил, унаследованных Россией у Советского Союза. Имея огромную армию, Российская Федерация не сумела выставить сухопутную группировку, адекватную поставленной задаче.

Корень проблемы кроется в военной организации, которую Российская армия унаследовала от Советской. Лишь немногие соединения советских Вооружённых Сил относились к частям постоянной готовности. Чаще всего за значком «дивизия» на карте скрывалась огромная база техники и вооружения, лишь минимально укомплектованная военнослужащими, которые охраняли и обслуживали технику. Предполагалось, что в случае войны их наполнят призванными по мобилизации солдатами. Хорошо укомплектованные подразделения находились чаще всего в странах Варшавского договора и на западе СССР. После распада Советского Союза мало что из этих сил досталось России. Войска из Европы выводились в полном беспорядке, коррумпированные офицеры и чиновники вовсю торговали военным имуществом, а части бывшей Группировки советских войск в Германии обладали низкой боеспособностью.

Войска, которые дислоцировались в Северо-Кавказском военном округе, даже в советское время были глубоким тылом и не отличались высоким уровнем боеспособности. Например, Майкопская бригада, ставшая печально знаменитой по итогам боёв за Грозный, безвылазно находилась в глубине Адыгеи с 1950 года. К частям постоянной готовности она не относилась, на месте постоянно находился лишь минимум военнослужащих для хозработ. Теоретически Майкопская бригада должна была развернуться до штатной численности в случае тотальной войны против, например, блока НАТО, но никто не стал бы объявлять мобилизацию ради борьбы с Чечнёй. Мучительный сбор группировки для операции на Кавказе продемонстрировал пороки армии позднего СССР, которые в новой России вовсе не спешили исправлять: огромные штабы, колоссальные резервы техники, и при этом — невозможность выставить в поле нужное количество боеспособных батальонов без массового призыва. Именно это обстоятельство привело к тому, что на Кавказ отправилась даже морская пехота с Тихого океана.

Огромной проблемой было психологическое состояние войск. С кем и за что предстоит воевать, никто понятия не имел. Один из солдат писал:

> «Каким был наш противник — мы не знали. С вопросом, кто же в Чечне собирался противостоять силе федеральных войск, мы всё чаще обращались и к командирам, и к офицерам-„особистам". Но „особисты" не делились информацией с солдатами (да с офицерами тоже), командиры подразделений сами путались в ответах» .

Войной предстоящая операция не считалась, возможная сила сопротивления оставалась неясной, как вести себя с населением и даже противником, никто не понимал. Уже в ходе войны, в разгар штурма Грозного, даже из уст офицеров можно было услышать вопросы в духе: «Какие цели мы преследовали? За что легли наши люди?»

ОБЕСКУРАЖИВАЮЩЕЕ НАЧАЛО

Выдвижение войсковых колонн всё же удалось начать 11 декабря. В этот день в Кремле случился казус: по случаю наступающего Дня Конституции Борис Ельцин должен был разослать поздравительные

письма главам регионов, и в списке поздравляемых случайно оказался Дудаев. По своему формальному статусу он действительно должен был получить такое письмо. И оно могло отправиться по назначению, если бы не изумлённый фельдъегерь, осведомившийся у государственных мужей, как именно следует доставить «письмо счастья» в Грозный.

Тем временем непосредственно на Кавказе творились дела куда менее забавные. С самого начала у военных возникли непредвиденные трудности. Одна из колонн по дороге через Ингушетию была блокирована толпой местных жителей, симпатизирующих чеченцам. В результате беспорядочных стычек сгорело несколько машин. Как противостоять возмущённой толпе, солдаты понятия не имели. Интересно, что толпой, вероятно, руководили ингушские милиционеры[32]. В итоге всего за сутки в Ингушетии российскими войсками было потеряно 68 единиц техники[30].

Полковник ВДВ Сивко рассказывал:

> «Движение нашей колонны было остановлено женщинами, стариками, которые ложились на дорогу под гусеницы и колёса техники. Проведение переговоров и применение холостых боеприпасов и специальных средств результатов не дали. Продвижение вперёд значит неизбежные жертвы среди невооружённого населения, тем более это ещё было на территории Ингушетии. В первый день мы дальше так и не пошли, встали лагерем в поле, доложили обстановку вышестоящему штабу. А вот 19-я мотострелковая дивизия, которая выдвигалась по параллельному нам маршруту в 10–15 километрах южнее, попала в засаду в районе станицы Асиновская и понесла потери уже в первый день... Не был даже определён статус военной группировки, введённой в Чечню. Мы не имели законных полномочий на открытие огня и ведение боевых действий, поскольку

не было ни указа о введении военного положения, ни состояния войны.

Разведывательные сводки доносили, что во многих населённых пунктах и лесных массивах обнаружены вооружённые формирования, имеющие танки, боевые машины и артиллерию. А мы пытались продолжать выполнять ранее поставленную задачу так, чтобы и задачу выполнить, и людей ни в чём не повинных не погубить. В то же время управление войсками вышестоящим штабом осуществлялось устными требованиями по типу: что вы топчетесь на месте, вперёд, захватить любой ценой и т. п. Но ни одного письменного боевого документа, я подчёркиваю, кроме вышеупомянутой директивы, больше не было»[1].

Аналогичные сцены разыгрывались в Дагестане. Солдаты, отправлявшиеся на дежурство в заслоны вокруг мятежной Чечни, могли легко оказаться в руках толпы. Угоняли технику, похищали людей. Психологически солдатам было проще потерять машину и даже попасть в плен, чем задавить кого-либо БТРом. Основную массу схваченных бойцов удалось вернуть после переговоров, но несколько военнослужащих были увезены в Чечню [39].

В наше время такие ситуации выглядят дико. Но нужно учесть, что в 1994 году военнослужащие совсем не представляли, как может выглядеть современный вооружённый конфликт. Подполковник Внутренних войск Серёгин, вспоминая эти инциденты, заметил:

«Сейчас, в такой же ситуации, на этом же месте, первая моя команда была бы: „Огонь!"»

Такие вещи действительно можно делать только при одном условии — при полной уверенности в том, что солдаты выполнят приказ и откроют огонь. Однако зимой 1994-го переступить через себя ещё мало кто мог.

---

[1] http://slavmir.ru/arhiv97/sib37dek.htm#1

Назрань, 12 декабря 1995. Остатки армейского грузовика, сожжённого местными, не желающими переброски российских войск в Чечню. Фото Александра Неменова.

КАРТА ВЫДВИЖЕНИЯ ГРУППИРОВОК

Моздокская , кизлярская и владикавказские группировки

Первоначально захваченных вэвэшников — 58 человек — удерживали даже не в Чечне, в которой проходила операция, а в Хасавюрте, на территории Дагестана, где никаких боевых действий, как считалось, не происходит[1].

Первые кровавые потери у Объединённой группировки появились в Ингушетии. В Назрановском районе возле села Гази-Юрт утром 11 декабря по колонне начали стрелять из леса. Погиб рядовой Виталий Масленников. Он стал первой жертвой «официальной» войны с российской стороны[2].

Вопрос о том, кто координировал нападения в Ингушетии, не выяснен до сих пор. Анатолий Куликов, командовавший Внутренними войсками, фактически впрямую обвинял президента Ингушетии Руслана Аушева в сотрудничестве с Дудаевым[3]. Не делая категоричных выводов, заметим, что как минимум трудно говорить о деятельном противодействии дудаевцам со стороны руководства Ингушетии.

Обстановка становилась всё более нервозной, солдаты начали видеть врага в каждом встречном, включая вполне лояльных гражданских, и даже открывали огонь по невооружённым чеченцам и ингушам. Так появились первые жертвы среди местного населения [39]. Подобные инциденты не расследовались, и теперь уже невозможно установить, кто пал жертвой из-за агрессивных намерений, а кто погиб по трагической случайности.

Валерий Киселёв. Нижегородцы на Чеченской войне. http://www.lib.ru/MEMUARY/CHECHNYA/nn95-99.txt

[2] Геннадий Трошев. Операция планировалась вслепую. https://www.kommersant.ru/doc/530948

[3] Анатолий Куликов [37]: «Я не знаю, было ли на то молчаливое согласие главы Ингушетии, боевой приказ или нечто другое, но около сорока таких милиционеров были убиты в вооружённых столкновениях с федеральными войсками. Их привозили, хоронили и сразу же — задним числом — увольняли из российской милиции... Впрочем, ни сам президент Ингушетии Руслан Аушев, ни Борис Агапов, бывший тогда вице-президентом республики, и не думали скрывать своих симпатий к Дудаеву. Возможно, что, помимо солидарности — явной и тайной, — в отношениях чеченского и ингушского президентов оставались какие-то только им двоим известные, но так и не выполненные до конца обязательства...»

Акции враждебно настроенного местного населения, конечно, не могли нанести войскам урон, ощутимый в масштабах даже такой небольшой группировки. Но стреноженные колонны, медленно расталкивающие «демонстрантов», было куда легче выявить чеченской разведке. Помимо негодующих толп, на маршрутах движения оказывались наблюдатели дудаевцев. Характерный случай произошёл 12 декабря возле посёлка Долинское, западнее Грозного. Накануне разведчик чеченцев объехал под видом мирного жителя передовые позиции и передал собранные сведения Вахе Арсанову, местному полевому командиру. Тот запросил у Масхадова систему «Град» и тут же получил её. Вертолёты огневой поддержки обнаружили чеченскую технику, но пока авиаторы связывались с командованием, прося разрешения на огонь, пока шли переговоры по инстанциям и решался вопрос о нефтепроводе, который проходил поблизости, чеченцы накрыли «Градом» колонну десантников[1]. Боец, ставший очевидцем обстрела, рассказывал:

> «Одна БМД[2] стояла развороченная, вторая со сбитым траком пыталась куда-то двигаться, третья же вообще горела. „Уралы" не подавали признаков жизни, шишига[3] же, напротив, активно пыталась выехать из воронки. Покинутая ЗУ[4] стояла на колёсах, бойцов видно не было, только чья-то тучная фигура энергично махала руками. Справа в 5–7 км виднелись трубы нефтебазы. Особо мелочи было не видно, мы всё же были хоть и на высоте, но далековато. Наши завороженные зрелищем и онемевшие рожи своим криком „к бою" пробудил взводник. Мы моментально развернули зушку, и уже через 20 секунд я сидел за стволами. В наземник я смог разглядеть и бойцов и эту тучную фигуру, которая принадлежала подполковнику Каверину,

---

Информационный бюллетень №37. http://slavmir.ru/arhiv97/sib37dek.htm#1

БМД – боевая машина десанта, легкобронированный вооруженный транспортер. ГАЗ-66.

ЗУ, «зушка», «золушка» – зенитная установка, спаренная автоматическая пушка.

который и организовал вывод техники и личного состава из-под обстрела. Залпов всего было 3. Увиденный нами был последним»[1].

Обстрелянные солдаты обратились к своему командованию за разрешением открыть ответный огонь и не получили его. Пока шли переговоры, установка «Град» ушла.

Эта ситуация «ни мира, ни войны» постоянно создавала проблемы. В другом месте солдаты обнаружили пастуха, старательно гонявшего стадо вокруг лагеря. Резонное предположение, что это разведчик, встретило у командования вопрос: «А что мы можем сделать? Может, оно и так, но как доказать, что он наблюдатель, а не мирный житель?»[38] Но солдаты на всякий случай окопались чуть в стороне от первоначального лагеря. Той же ночью покинутое место стоянки было обстреляно.

На общем фоне неразберихи первых дней войны резко выделяется в лучшую сторону марш колонны генерала Рохлина. Этот отряд, шедший со стороны Кизляра, носил громкое название 8-го армейского корпуса, но имел в составе четыре тысячи солдат и по численности скорее походил на усиленную бригаду. Предполагая, что его ждёт, Рохлин принялся импровизировать. Ради обмана противника была составлена фальшивая карта марша. По соответствующей дороге проехал офицер, справлявшийся у жителей, правильно ли проложен маршрут. Были извещены посты ГАИ по дороге, а сам Рохлин встретился с главой районной администрации и попросил помощи в проводке колонн по тому же ложному маршруту[39]. При этом негласно, но досконально велась разведка настоящего пути. Корпус ожидали идущим через Хасавюрт, Гудермес и Аргун на Грозный, то есть строго со стороны восточной границы Чечни. Реально Рохлин повёл людей на северо-запад вдоль границы республики, а затем неожиданно повернул на юг и «всплыл» у Червлённой, севернее Терека. Контратаки чеченцев налетели на огонь РСЗО[2] и не принесли успеха. Рохлинцы по понтонной переправе форсировали Терек и выдвинулись к Грозному, блокируя столицу Чечни с северо-востока.

---

[1] http://botter.livejournal.com/138740.html

[2] РСЗО — реактивная система залпового огня.

ЛЕВ ЯКОВЛЕВИЧ РОХЛИН, ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ

Фото ru.wikipedia.org

дата рождения	место рождения
06.06.1947	г. Аральск, Казахстан

- В 1970 году окончил Ташкентское общевойсковое высшее командное училище с отличием. Позднее также окончил Военную академию им. Фрунзе.
- В 1982–1984 годах командовал мотострелковым полком в Афганистане. Был неоднократно ранен.

- В 1990 году произведён в генерал-майоры.
- В декабре 1994 — феврале 1995 года командовал соединениями в Чечне. В ходе штурма Грозного с января 1995 года фактически руководил основными силами, штурмовавшими город.
- В 1995 году ушёл в политику. Избран депутатом Государственной Думы, основал и возглавил оппозиционное правительству «Движение в поддержку армии». В СМИ впоследствии сообщалось о подготовке Рохлиным военного переворота в России.
- В ночь на 3 июля 1998 года убит из огнестрельного оружия в своём доме в д. Клоково Московской области при крайне туманных обстоятельствах. Официально виновной признана вдова Тамара Рохлина, однако эта версия часто оспаривается СМИ и общественностью. Мотивом убийства официально считается семейная ссора, неофициально причиной убийства чаще всего считают политическую деятельность Рохлина.

На этом этапе дудаевцы в основном ограничивались беспокоящими сдерживающими действиями. Они рассчитывали дать решающий бой в Грозном. Некоторые российские части, войдя в Чечню, поначалу почти не встречали сопротивления. Иной раз происходили даже комичные инциденты. Например, при виде колонны Майкопской бригады аксакал из станицы Надтеречной принялся на радостях палить в воздух из автомата, но был разоружён и изгнан домой[35]. На Терском хребте майкопцы столкнулись уже с организованным сопротивлением боевиков, но особо кровавыми эти бои не были.

У ВОРОТ ГРОЗНОГО

Постепенно, к концу десятых чисел декабря, русские[1] обступили Грозный с запада и севера. Город так и не был блокирован полностью. В нём находились наиболее многочисленные и боеспособные силы боевиков.

В это время произошли перемены в командовании Объединённой группировкой: общее руководство операцией взял на себя Анатолий Квашнин, а одну из ударных группировок — генерал Константин Пуликовский. Оба военачальника вскоре станут ключевыми действующими лицами битвы за Грозный. Пока же не было очевидно даже то, что сражение состоится в ближайшее время. Павел Грачёв ещё 26 декабря заявил:

> «Грозный мы штурмовать не будем. В середине января начнём выдавливать их из города. Пусть бегут в горы. Там мы их весной добьём»[35].

Это крайне важная фраза. Буквально за считанные дни до штурма у российских военачальников не только не было чёткого плана

---

[1] Использование слова «русские» в отношении российских военных не следует понимать в узкоэтническом смысле. Конечно, ни одна сторона конфликта не была с точки зрения национального состава монолитной. В составе российских силовых структур в течение всей войны служило даже значительное количество чеченцев. Однако основную массу участников войны составляли представители этих двух народов, поэтому для простоты здесь и далее для обозначения воюющих сторон используются слова «русские» и «чеченцы».

штурма города — под вопросом находилась сама идея. Разношёрстная группировка, состоящая из множества неслаженных сводных отрядов, испытывающая серьёзные проблемы со снабжением и включающая массу плохо обученных солдат, не была готова к штурму Грозного. И поскольку он блокирован не был, можно было не надеяться, что боевики станут испытывать проблемы с подвозом припасов и эвакуацией раненых. Авиация, спорадически совершавшая налёты на позиции боевиков, не могла действовать в полную силу из-за погодных условий. У офицеров не было даже современных карт города, а на имевшихся картах 70-х годов отсутствовали целые микрорайоны[32]. Проще говоря, затея со штурмом изначально была довольно сомнительной.

Чьей именно идеей было всё-таки устроить прорыв к новогодним праздникам, установить трудно: поражение всегда сирота. Известно, что окончательное решение о наступлении на Грозный было принято на заседании Совета безопасности РФ в тот же день, 26 декабря[41], когда Грачёв уверял в нежелательности штурма. Таким образом, вся подготовка к удару должна была уложиться в четыре дня.

По оценкам русских, Грозный обороняло около десяти тысяч боевиков. Штурмовать город с российской стороны могло едва ли больше бойцов. По словам генерала Геннадия Трошева, на 3 января 1995-го город штурмовало не более 5 тысяч солдат [32]. 31 декабря в Грозный вошло ещё меньше людей. С одной стороны, преимущество русским давало обилие боевой техники, с другой стороны — не было достаточного количества пехоты, необходимой для действий в городе. Трошев позднее утверждал, что для эффективной блокады и штурма Грозного требовалось около 50 тысяч военных, но такого войска в столь короткий срок Москва выставить была не в состоянии.

С середины декабря начались бомбардировки Грозного. Невысокая квалификация лётчиков и не всегда ясно определённые цели ударов приводили к тому, что население города начало нести серьёзные потери. Данных о том, каково было воздействие этих налётов на скопления боевиков, нет. Но авиаудары становились всё более ожесточёнными, и Грозный постепенно начал приобретать тот вид, к которому привык телезритель, — живописное нагромождение руин.

Несмотря на бегство русского и части чеченского населения в начале 90-х, в Грозном ещё оставалось довольно много и русских, и чеченцев. Теперь начинался новый этап их драмы.

Типичное для либеральных обозревателей мнение состоит в том, что бомбардировки осуществлялись с целью сровнять Грозный с землёй и потому являлись актами геноцида. Но даже правозащитники из «Мемориала» в своём отчёте об ужасах Чеченской войны, всё-таки признают, что ковровых бомбардировок Грозного не было[39].

Проблема, скорее всего, была в том, что авиаторы опасались огня с земли и потому вели бомбометание и ракетные удары с больших высот. Это неизбежно снижало точность ударов. Действия лётчиков такое предположение вполне объясняет, но жителям Грозного, на которых день за днём с неба обрушивались бомбы, от этого было не легче.

Интересно, что бегству жителей из Грозного препятствовала чеченская сторона. Так, 25 декабря из города попыталась выехать колонна автобусов МЧС с мирными жителями. На выезде колонну остановили дудаевские боевики и силой отправили на площадь перед Президентским дворцом. Автобусы и машины скорой помощи они конфисковали. Более того, уже позднее, во время штурма, дудаевцы продолжали возвращать беженцев назад. Этим действиям было дано потрясающее объяснение: оказывается, существовал секретный российский план депортации чеченцев, в соответствии с которым МЧС вывозило грозненцев за пределы города[39]. Можно предположить, что действительность куда прозаичнее: страдания населения с точки зрения боевиков являлись необходимой частью пропагандистской кампании, так что горожанам следовало эффектно умереть под видеокамерами, а не спасаться в лагере беженцев.

УНИЖЕНИЕ

События, о которых пойдёт речь ниже, остались в тени штурма Грозного и не получили широкой огласки. Однако они достойны подробного описания[1].

Наиболее подробно события, о которых идет речь, освещены в двух публикациях: 1) Вячеслав Дмитриев. Кавказские пленники, или Рождественские «каникулы»[28]; 2) Игорь Морозов. Опыт, оплаченный кровью[46].

Грозный, 22-23 декабря 1994. Город под российским огнём. Жители прятались в бомбоубежище во время авиаудара. Фото Александра Неменова.

В конце декабря командованию пришла идея подготовить штурм Грозного выброской десанта в тыл чеченцам. Предполагалось, что десант будет вести разведку путей подхода боевиков в Грозный из горных районов Чечни, минировать пути перемещения мятежников и устраивать засады. Для этой операции был выделен отряд 22-й бригады спецназа ГРУ.

31 декабря группа высадилась в районе села Комсомольское, на стыке горной и равнинной части республики. Высадившихся сразу же заметили местные жители, не преминувшие донести боевикам о появлении гостей. Вдобавок свежий снег ставил крест на попытках незаметного передвижения: разведчики оставляли после себя хорошо различимый след. Сориентироваться на месте оказалось сложно, поскольку карты местности у бойцов были слишком старые — за 1976 год. Командир группы майор Морозов понял, что операцию выполнить не удастся, и запросил эвакуацию.

То, что случилось дальше, не лезет ни в какие рамки. Из штаба заявили, что вертолётов нет, а группа должна продолжать выполнение задания. Морозов тем временем постоянно отступал от преследующих его боевиков, но никак не мог оторваться на снегу. Группа постоянно посылала радиограммы о своём бедственном положении, но получала всегда один ответ: «Продолжайте выполнение задания». Наиболее правдоподобное объяснение такому поведению, излагавшееся в печати и частных беседах, состоит в том, что командование бригады хотело продемонстрировать успех любой ценой — особенно на фоне довольно удачных действий других отрядов. К моменту, когда стало ясно, что впереди маячит не триумф, а провал, стало уже поздно.

Спецназовцы захватили пленных из состава чеченского отряда, посланного их ловить, и при таком трофее центр, наконец, согласился на эвакуацию. Но на сей раз вывоз группы не состоялся из-за плохой погоды. В результате, окружённая, без надежды на спасение глубоко в неприятельском тылу, группа сложила оружие.

Захват сразу полусотни спецназовцев был событием уникальным. Во время войны в Афганистане бывали случаи гибели отрядов спецназа ГРУ, но не пленения. Чеченцы выжали из ситуации максимальный пропагандистский эффект. Этой работой занимался Абу Мовсаев,

возглавлявший местное отделение ДГБ[1]. Пленных таскали всюду, демонстрируя журналистам, устраивали солдатам образцово-показательные встречи с матерями. За кулисами же шли достаточно жёсткие допросы. Особенно доставалось майору Дмитриченкову. Этот офицер был заместителем командира батальона по воздушно-десантной подготовке, а в рейд напросился, снедаемый угрызениями совести из-за несчастного случая с солдатом на учениях. Теперь допросчики из ДГБ пытались найти логику в его присутствии в группе.

В конечном итоге спецназовцев обменяли, но инцидент оставил неприятнейший осадок. Как же всё-таки вышло, что отряд специального назначения был взят в плен? Солдаты спецназа были простыми срочниками, просто несколько лучших физических кондиций, чем у обычной пехоты. Обучения войне в горных условиях не проводилось, никто из бойцов группы кроме офицеров до того даже не был в горах. Вертолёты, которыми их доставляли на место, не были оборудованы для действий в тумане, из-за чего не имелось возможности эвакуировать спецназовцев. Сами винтокрылые машины были сильно изношены. Наконец, командование, сидевшее в Моздоке, в упор не видело всех этих обстоятельств и отдавало приказы без оглядки на реальное положение дел. Все эти обстоятельства и привели к такому бесславному финалу рейда. Спецназ ГРУ получил самую жестокую пощёчину в своей истории.

ПРЕДЧУВСТВИЕ БЕДЫ

Первые недели Чеченской кампании не сопровождались большими жертвами и разрушениями. Чечня ещё не успела стать для огромной страны незаживающей раной. Однако черты грядущего кошмара уже проступали в тумане войны. Для тех, кто подступал к стенам Грозного в декабрьской хмари, было очевидно, что армия плохо готова к войне. Обеспечение войск стояло ниже всякой критики, уровень подготовки солдат и офицеров был очень плох, дисциплина хромала. «Управляемые толпы» оказывали на военнослужащих сильный деморализующий эффект. Никто толком не удосужился объяснить солдатам, за что они должны воевать в тысячах километров от дома. Ельцин уже был малопопулярен, а чеченцы со своей

---

[1] ДГБ — департамент госбезопасности, дудаевская спецслужба.

стороны приложили титанические усилия к тому, чтобы хорошо выглядеть как минимум в глазах прессы.

Первым боям с чеченцами обычно уделяют мало внимания. Между тем они имели огромное психологическое значение. Успешные обстрелы колонн Российской армии, гибель солдат и техники — всё это убедило дудаевцев в собственных возможностях. Это был страшный, едва ли не фатальный психологический перелом: к концу декабря 1994-го российские войска практически не внушали никакой опасности. Главную роль сыграла даже не националистическая и религиозная пропаганда, а успешно приобретённый комплекс превосходства, который боевики впоследствии сохраняли даже после собственных катастрофических провалов.

Организация похода на Чечню вызывает только сожаление о невозможности предать трибуналу некоторых ключевых участников этого перформанса. Лучше всего о характере Первой Чеченской войны высказался в интервью полковник Николай Баталов:

> «То, что их давить, гадов, надо, — это правильно! Но давить по уму, обученным войском! Ну, месяц подготовки!»[1]

У полковника Баталова и его сослуживцев не было месяца на подготовку. Впереди российских солдат и офицеров ждало самое жестокое сражение на Северном Кавказе. Штурм Грозного.

Ад. Документальный фильм Александра Невзорова. 1995.

Назрань, 12 декабря 1994. Женщина идёт мимо армейского грузовика, сожжённого местными. Фото Александра Неменова.

ГЛАВА 5
ГРАД ОБРЕЧЁННЫЙ

Грозный, 22 декабря 1994. Местный обыватель выносит баулы из горящего дома. Фото Александра Неменова.

Новый год большинство соотечественников привыкло встречать в кругу родных и друзей возле нарядной ёлки. Приятные хлопоты, селёдка под шубой, оливье, «Ирония судьбы». За пять минут до Нового года на экранах появится президент, скажет поздравительную речь. Потом раздастся бой курантов, с двенадцатым ударом все торжественно чокнутся бокалами, закричат «Ура!» и зажгут бенгальские огни. На фоне будет звучать гимн России.

У тех, кому пришлось встретить новый 1995 год в Грозном и окрестностях, всё было иначе. По всей России люди в своих домах и квартирах готовили салаты, слали друг другу благие пожелания, пробки от шампанского летели в потолок. На Кавказе стены ходили ходуном, жители пытались схорониться в подвалах, а радиоэфир разрывали команды, призывы вывезти раненых и отчаянная брань. До момента, когда Россия проснулась и обнаружила, какое огромное несчастье на неё свалилось, сотни людей в Грозном просто не дожили. В дни главного народного празднества в Чечне разворачивалась страшная трагедия новейшей российской истории.

ОТЦЫ ПОРАЖЕНИЯ

Приготовления к штурму отличались спешкой и дикой халатностью. Само решение о наступлении на Грозный было принято только 26 декабря[1], так что для разработки плана и его доведения до войск у командующего Объединённой группировкой генерала Квашнина было совсем немного времени. Для чего требовалась такая спешка, российское руководство так и не удосужилось объяснить. Вероятно, истинный ответ, озвучь его кто-то из планировщиков, вызвал бы бурю эмоций в обществе. Генерал Трошев в мемуарах осторожно формулировал:

> «Не секрет, что многие командиры с большими звездами, начальники федерального уровня полагали, что достаточно выйти к Грозному, пальнуть пару раз в воздух, и на этом всё закончится. Именно метод

---

[1] Грозный: кровавый снег новогодней ночи. http://nvo.ng.ru/history/2004-12-10/1_chechnia.html

устрашения лежал в основе спешно утверждённого плана операции. Как позже выяснилось, его одобрили на самом верху без единого замечания. Потому что никто толком в план и не вникал. В результате приходилось вносить существенные коррективы и, что называется, перестраиваться по ходу дела.

Вот лишь один штрих. Вся тяжесть планирования операции легла на штаб Объединённой группировки войск, созданный на базе штаба Северо-Кавказского военного округа. А прикомандированные представители Генштаба (несколько сот человек!) выступали в роли консультантов, не неся никакой ответственности за свои „консультации". Мало того, что буквально задёргали офицеров округа, мешая методичной работе, они не выполнили главную свою „функцию": по существу, не предоставили штабу необходимых чётких данных о вероятном противнике, степени его готовности, возможном характере боевых действий, „ориентировки" на командиров незаконных вооружённых формирований и т. п. Фактически планирование операции осуществлялось вслепую»[32].

Несколько сот человек — это, конечно, явное преувеличение. Но факт в том, что Геннадий Николаевич, по сути, мимоходом обрушил скалу на профессиональную репутацию командиров с большими звёздами. Правда, в мемуарах не называются персоналии, но судя по тому, кто планировал и вёл наступление на Грозный, это были министр обороны Павел Грачёв и командующий Объединённой группировкой войск Анатолий Квашнин.

История назначения Квашнина — человека с формально обширным служебным опытом, но никогда ранее не водившего войска в реальных боевых условиях, человека, чьи навыки не подвергались проверке настоящими военными действиями, на пост командующего ОГВ характерна сама по себе. Грачёв описывал её следующим образом:

АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КВАШНИН, ГЕНЕРАЛ АРМИИ

Фото mil.ru

дата рождения	место рождения
15.08.1946	г. Уфа

- В 1969 году окончил Курганский машиностроительный институт, по образованию инженер-механик.
- Призван в Советскую армию офицером-«двухгодичником» по окончании вуза.

- В 1971 году по собственному желанию остался в Вооружённых Силах, служил замполитехом танковой роты.
- В 1976 году окончил Академию бронетанковых войск. В дальнейшем также служил в танковых войсках.
- С августа 1992 года служил в Генеральном штабе ВС России.
- 20 декабря 1994 — 31 января 1995 года — командующий Объединённой группировкой войск в Чечне.
- В 1995-1997 годах — командующий войсками Северо-Кавказского военного округа.
- В 1997-2004 годах — начальник Генерального штаба ВС России.
- В 2004 году уволен в запас, состоял на гражданской службе.

«Приглашаю первого заместителя командующего сухопутными войсками генерала Воробьёва. В Моздоке он отвечал за подготовку частей к боям. На совещаниях в штабе всегда чётко и очень толково делал доклады: товарищ министр, такие-то части готовы идти в наступление, такие-то ещё готовятся... Он и сейчас в Государственной Думе хочет выглядеть этаким бравым генералом — всё знает, всё умеет... Я объяснил ситуацию: Эдуард Аркадьевич, Митюхин заболел, сам бог велит вам возглавить операцию. И тут мой дорогой генерал Воробьёв, сильно покраснев и помолчав секунд 15–20, вдруг заявил: командовать отказываюсь. Как так? Я вам приказываю! А он: войска не подготовлены. Как это? Почему раньше молчали? Вот ваши доклады, вы отвечали за подготовку. Значит, вы меня обманывали? Вы знаете, чем это грозит? 15 лет или расстрел... Как хотите, отвечает, так и оценивайте, командовать не буду. В общем, отправил его в Москву, пригрозив судом. Он щёлкнул каблуками.

В Москве я обо всём доложил Ельцину, даже сказал, что Воробьёва надо судить. Б.Н. попросил подобрать руководителя операции. Генерал Кондратьев мне сразу сказал, что с него хватит октября 93-го года, не выдержит — больной. Миронову даже не предлагал — больной, ещё в Афганистане сердце надорвал. Громов отказался, объяснил, что всегда выступал против ввода войск в Чечню, и тут же выразил готовность написать рапорт об отставке. Больше замов у меня не было... В мирное время все хорошие, умные, смелые, а когда начались боевые действия — в кусты. Такое бывает и у генералов»[1].

[1] http://www.trud.ru/article/15-03-2001/21092_pavel_grachev_menja_naznachili_otvetstvennym_za_vo.html

Единодушный отказ генералов от командования сражением можно объяснить трусостью, но, судя по реальному ходу битвы, военачальники, скорее, просто знали состояние войск и не хотели нести ответственность за происходящее. Такое мнение высказал, например, полковник Генштаба Баранец, который к провалам операций в Чечне отношения не имел и потому мог быть откровенным:

> «После разговора Грачёва с Кондратьевым многие в Кремле почему-то пребывали в твёрдом убеждении, что замминистра „отказался воевать", хотя на самом деле его не устраивала никудышная схема управления войсками, представляющими все наши силовые структуры на Кавказе»[42].

Генерал Квашнин вызвался руководить Объединённой группировкой сам и согласился возглавить штурм Грозного. Рассматривать ли его шаг как готовность взять сложное и опасное задание на себя или как легкомысленное намерение, каждый волен решать самостоятельно. Бесспорно одно: получив заведомо невыполнимый приказ в четыре дня спланировать штурм и быстро взять город, новоиспечённый командующий не стал энергично протестовать и спокойно взял под козырёк. Полководец был найден. У отдавшего приказ Совета безопасности руки остались чистыми. У исполнителей, видимо, осталась чистой совесть.

ДИ ЭРСТЕ КОЛОННЕ МАРШИРТ, ДИ ЦВАЙТЕ КОЛОННЕ МАРШИРТ...

Количество боевиков, оборонявших Грозный, обычно оценивается примерно в десять тысяч[1]. Сами чеченцы часто утверждают, что это количество радикально завышено. Однако, судя по объявленным потерям боевиков в Грозном — даже если брать за основу данные Масхадова и количество вооружения, похищенного с российских складов, — это достаточно близкая к реальности оценка. В любом случае, численность инсургентов приходится оценивать «на глаз». Дело в том, что костяк

---

[1] http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/254879/

обороны Грозного кроме относительно регулярных отрядов, подчинённых Дудаеву и Масхадову, составляли личные дружины чеченских «ярлов» типа Гелаева и Басаева, а то и вовсе сколоченные на ходу группы друзей и родственников по 5–15 человек, часто — пришедшие из окрестных сёл. Такие мелкие группы непонятно кому подчинялись, были скверно вооружены, а учёт их численности и потерь — дело крайне сложное[47] [37]. Обобщённо их называли «индейцами». Позже они создали русским множество проблем: такой защитник Грозного мог, спрятав автомат, за несколько секунд превратиться в мирного обывателя[28], а если погибал, то становился невинной жертвой зверств федералов. Что ещё хуже, взвинченные федералы, столкнувшись с подобным явлением, начинали открывать огонь и по настоящим мирным жителям, не ожидая от гражданского населения ничего хорошего. Что, естественно, только озлобляло население и поставляло новых рекрутов и Дудаеву, и в отряды «индейцев».

Формирования Дудаева и крупных полевых командиров были вооружены хорошо. Более того, уровень оснащения позволял им даже палить из гранатомётов в ответ на выстрелы стрелкового оружия. Учитывая количество подбитой в боях бронетехники русских, в первые же дни чеченцы должны были истратить несколько тысяч зарядов к РПГ-7 и одноразовых гранатомётов. Капитан-танкист Игорь Вечканов сардонически замечал:

«Спасибо тем, кто снабдил ими дудаевцев в таком количестве, что стреляли из них даже по отдельным военнослужащим»[1].

Кроме того, Дудаев заранее позаботился об оснащении своих людей средствами связи. Российские военные использовали старые рации советских времён, которые носили на спинах, — громоздкие, позволяющие снайперам противника однозначно идентифицировать и выбить радиста. Но даже этих архаичных раций недоставало. Превосходство чеченцев по части связи, особенно в тактическом звене, стало общим местом в воспоминаниях военных во время обеих кампаний в Чечне[2].

---

[1] http://artofwar.ru/w/wechkanow_i_w/viv.shtml

[2] К примеру, командир взвода Иван Кузнецов вспоминал: «Случалось, что воевали друг с другом. Связь, по сравнению с бандитами, у нас была просто допотопной. Радиостанция на солдате — весом 15 килограммов, полчаса походил

В российских подразделениях даже возникали ситуации, когда отправить посыльного было проще, чем добиться ответа по рации. К тому же, как выяснилось на практике, войска требовалось насыщать рациями куда плотнее, чем это было принято в СССР: в уличном бою даже для сержанта — командира отделения из менее чем десятка солдат — наличие средств связи могло стать вопросом жизни и смерти. Дудаев и его полевые командиры поняли это раньше, к тому же они не были скованы армейской бюрократией, поэтому их отряды располагали значительно лучшим набором средств связи.

Куда более пёстрым был набор экипировки и состав «диких» отрядов. Вооружение одной из таких групп описал её участник: 12 человек с пятью стволами, включая охотничье ружьё[1]. Естественно, ударной силой «индейцы» не являлись, составляя массовку для более серьёзных формирований. Частные дружины и сельские формирования могли иметь как скудное, так и очень приличное вооружение. Скажем, один отряд, пришедший в Грозный из села неподалёку, включал около 20 односельчан, вооружённых автоматами и одним РПГ-7. Позднее эта группа усилилась за счёт трофеев ещё одним гранатомётом и снайперской винтовкой[2].

Впрочем, тактика действий была схожей у большинства: короткие атаки небольших мобильных групп по 5–20 человек, вооружённых в основном стрелковым оружием и гранатомётами при поддержке «кочующих» миномётов и, эпизодически, бронетехники. Уровень выучки чеченских боевиков в среднем был выше, чем у российских солдат. Костяк личных дружин Басаева и Гелаева отвоевал в локальных конфликтах на развалинах СССР, другие получили опыт боёв с оппозицией в 1993–94 годах: слабые отряды чеченцев-лоялистов стали для дудаевцев удобным спарринг-партнёром.

с ней — какой из него после этого воин! По ровному месту идешь — связь есть, в лощинку спустился — связи нет. В случае если группа попала в засаду, вызвать помощь по рации было иной раз просто невозможно! У бандитов связь — ноутбук с антенной, „Кенвуды", они работали, как сотовый телефон. У нас батарейки для рации были такие слабые, что, если группа уходила на задание утром, на зарядку аккумуляторы надо ставить с вечера. Аккумуляторы были такие, что выработали тройной срок — он просто рассыпается! Батареек для приборов ночного видения нет. Из карманных фонариков батарейки снимали».

[1] Интернет-форум «Adamalla».

[2] Из частной беседы автора с бывшим боевиком.

АСЛАН АЛИЕВИЧ МАСХАДОВ

Фото Александра Неменова

дата рождения	место рождения
21.07.1951	с. Шокай, Казахстан

- В 1957 году вернулся вместе с семьёй в Чечню из ссылки. Жил в Надтеречном районе.
- В 1972 году окончил Тбилисское высшее артиллерийское командное училище.
- Служил в артиллерийских частях.

- В 1981 году с отличием окончил Ленинградскую военно-артиллерийскую академию.
- Командовал самоходно-артиллерийским полком. Последнее звание в Советской армии — полковник.
- В 1992 году уволился с военной службы, присоединился к Дудаеву и был назначен заместителем начальника Главного штаба при Дудаеве, с марта 1994 года — начальник штаба.
- Командовал операциями против антидудаевской оппозиции в 1993–1994 годах.
- Командовал обороной Грозного в 1994–1995 годах, координировал действия боевиков в ходе дальнейших боевых действий.
- В августе-октябре 1995 года руководил чеченской делегацией на переговорах.
- Руководил наступлением боевиков на Грозный летом 1996 года.
- В 1996 году вместе с Александром Лебедем и другими лицами подписал Хасавюртовские соглашения о прекращении огня.
- В январе 1997 года избран президентом Чечни (59% голосов избирателей в первом туре). Фактически ситуацию в Чечне не контролировал.
- С 1999 года — номинальный командующий вооружённым подпольем в Чечне.
- 8 марта 2005 года убит в результате спецоперации ФСБ в селе Толстой-Юрт неподалёку от Грозного.

Наконец, почти все боевики в возрасте 25 лет и старше имели опыт службы в Советской армии, в которой ещё учили военному делу.

План обороны Грозного разрабатывался Асланом Масхадовым. Прежде чем пойти на службу Дудаеву, он успел сделать неплохую карьеру в Советской армии, где дослужился до чина полковника и должности заместителя командира дивизии. В Чечне он появился уже после прихода Дудаева к власти, в 1992 году. Бывший советский штабной офицер был одним из немногих настоящих военных специалистов в рядах дудаевцев. Он сумел создать весьма адекватную схему обороны города. Хотя на практике боевики всё же не были регулярной армией, и довольно быстро все планы были сорваны, уступив место импровизации. Приготовленные для встречи российских войск опорные пункты сработали лишь местами, а рубежи обороны Грозного, о которых много говорилось впоследствии, остались на бумаге. В некоторых местах чеченцы копали траншеи, в стенах зданий проделывали бойницы, улицы перегораживали машинами или автобусами либо минировали. Однако ничего сложнее такой кустарной фортификации в городе не было, и даже столь простые укрепления существовали лишь на отдельных опорных пунктах. Сплошного кольца обороны — а тем более «трёх колец» из официальных российских реляций — не существовало, да их и некому было бы занять. Также не существовало плана по «заманиванию» российских войск в город. Как будет действовать Российская армия, дудаевцы понятия не имели, и никак не могли всерьёз рассчитывать на реально состоявшееся безумие в виде механизированных колонн без пехоты, тянущихся к центру города по прямой.

Какой приём боевиков сработал действительно эффективно, так это оставление в урочных местах «заначек» с боеприпасами. Офицер-разведчик Тарас Зиков писал позже:

> «В подавляющем большинстве подвалов домов на улицах, мало-мальски пригодных по ширине для движения техники, были сосредоточены запасы выстрелов к РПГ-7»[149].

Боевикам облегчало задачу то, что оборонялись они на собственной основной базе. К тому же значительную часть задач по обеспечению продуктами, вещами и даже разведданными выполняли местные

жители. В конечном счёте отряды боевиков в Грозном просто получали зоны ответственности, в которой вели подвижную оборону.

Вопреки распространённому стереотипу, подавляющее большинство боевиков составляли именно чеченцы. Доля представителей других наций была невысока. Иностранные исламисты массово объявились уже позднее. В Грозном воевали буквально считанные десятки арабов, выходцев из Средней Азии и представителей мусульманских народов Закавказья. Иностранных боевиков в Грозном не было и сотни. Прибалты, о которых ходило много слухов, если и присутствовали, то в незначительном числе. Пресловутые «эстонские снайперши» вообще относятся к сфере военных баек: некоторое количество чеченских женщин-боевичек действительно существовало, но ни одна «биатлонистка» из Прибалтики так и не была обнаружена в Чечне за всё время конфликта. Даже во вторую войну, когда началось массовое пленение боевиков, среди них оказывалось мизерное количество женщин, и ни одна из них в итоге не была осуждена за снайпинг.

Имелось в рядах боевиков и некоторое, статистически незначительное количество украинских националистов. По словам руководителя пропагандистской службы Дудаева Мовлади Удугова, к февралю 1995-го их успело попасть в Чечню всего семеро, четверо из которых погибло[1]. Несмотря на частые утверждения в печати о существовании рот и даже батальонов украинских наёмников, реально прослеживаются следы буквально нескольких боевиков из этой страны. Никакие чеченские источники не сообщают о существовании хотя бы отдельного украинского взвода. В боевых действиях на стороне Дудаева с 1994 по 1996 год принимали участие считанные украинцы, и почти все они были убиты. Украинский батальон «Викинг», существование которого часто преподносится как общеизвестная данность, — не более чем фантом, порождённый сплетнями и плохой беллетристикой.

Были на чеченской стороне и русские. О встрече с «родной кровью» писал один из солдат:

> «Во время уличных боёв в городе, недалеко от подвала, где мы разместились,

---

[1] Удугов, Чечня, февраль-95. https://www.youtube.com/watch?v=rnzylgzc7K8

я наткнулся на довольно подозрительного типа. Он буквально скатился на меня с забора. Мы отскочили друг от друга и подняли автоматы. Он был одет в армейский камуфляж, бушлат, чёрную шапочку. И лицо славянское. Я был без знаков различия, разумеется, без шеврона, в маске. Немая сцена. А потом дурацкий диалог: „Ты за кого?" – „А ты?" – „Я за наших". – „И я за наших". – „За каких наших?" – „За своих..." И пятится, пятится, а меня держит на мушке. А потом развернулся и быстро так пошёл, почти побежал. Я как-то автоматически на крючок нажал. Он – носом в снег. Ну, думаю, натворил делов. Не дай Бог, своего убил, вовек себе не прощу. Перевернул его, действительно – лицо русское, на вид лет двадцать с лишним. Вытаскиваю из кармана бумаги. Смотрю – паспорт, прописка сибирская. Дальше какие-то „ксивы"... Ага, вот, голубчик, – „Департамент государственной безопасности республики Ичкерии". Всё ясно. Потом, когда личность установили, выяснилось: офицер Российской армии. Взял отпуск долгосрочный, по семейным обстоятельствам. И поехал на Кавказ „Ичкерию" защищать да жене на шубу заработать. Заработал. Себе на бушлат деревянный»[50].

Вообще, в первую войну все иностранцы, от украинцев до арабов, стали известны именно в качестве экзотики, а не потому, что сыграли значимую роль в боевых действиях. Ни по численности, ни по уровню подготовки из общей массы они не выделялись.

С российской стороны наступать непосредственно на Грозный должна была группировка примерно в 15 тысяч человек. Группа «Север» генерала Пуликовского состояла из сводного отряда Майкопской бригады и двух мотострелковых полков. Эта группа общей численностью около 4 тысяч человек должна была войти в город с севера и блокировать Президентский дворец. Её должна была поддерживать

с фланга группа Рохлина «Северо-восток» численностью более 2 тысяч человек — два урезанных мотострелковых полка и отдельный разведбатальон. Группировка генерала Петрука, имевшая к началу штурма более 5 тысяч человек (в основном десантники), прорывалась с запада к тому же Президентскому дворцу и по дороге должна была захватить вокзал. Наконец, с востока наступала группировка «Восток» генерала Стаськова в составе 3 тысяч солдат — она имела задачу захватить мосты через реку Сунжа, которая течёт сквозь Грозный, и выйти опять-таки ко дворцу.

Все эти группировки имели несколько сот исправных единиц различной бронетехники, 164 зенитных установки и более двухсот орудий[34]. Конечно, в чистом поле такая масса техники была бы непобедима, однако им предстояло вести уличные бои. И здесь возникал вопрос: кто будет вести штурмовые действия, зачищая городские кварталы? Ведь тысячи людей составляли экипажи бронетехники и зенитных орудий, обслуживающие артиллерию солдаты и офицеры, а также водители, штабные чины, медицинский персонал и т. д. Недоставало в первую очередь людей в боевых порядках пехоты со стрелковым оружием в руках. Тем более, что экипажи техники часто имели буквально один автомат на троих. В некоторых БМП[1] и БТРах сидело всего по паре автоматчиков. В иных — не было никого кроме экипажа. Полковник Александр Ярославцев из Самарского 81 полка рассказывал:

«У меня было два батальона по 250 человек. Это считая хозвзвод, т. е. кухню, которая, естественно, не входила в Грозный, а это человек 40. Плюс, а вернее минус, миномётная батарея в 60 человек. Так что в каждом батальоне было человек 160-170. Причём все эти бойцы за рычагами БМП. В город вошла одна броня»[2].

Теоретически можно компенсировать малочисленность пехоты её высоким качеством, но уровень боевой подготовки солдат (да и офицеров) находился на катастрофически низком уровне.

---

[1] Боевая машина пехоты.

[2] Цит. по: http://botter.livejournal.com/90296.html.

Легко заметить, что в этом наступательном плане свет сходится клином на Президентском дворце и вообще центре города. Возможное сопротивление противника не учитывалось, столица Чечни даже не была окружена. Вопрос о контроле за коммуникациями обходился, о блокпостах на дорогах никто не думал, да и собственно зачистка городских кварталов как таковая не планировалась. На фоне проваленного всего месяц назад штурма Грозного чеченской оппозицией этот план выглядит совсем уж легкомысленным. Наступавшие не имели опыта штурма городов, не имели даже навыков взаимодействия с бронетехникой, многие друг друга просто не знали, поскольку часть могли сколотить только в Моздоке в последних числах декабря. Позднее корреспондент Владислав Шурыгин приводил потрясающий диалог (указано, что ситуация типична):

> «Танкист рядовой Еремеев. Из самарского „сводного" полка. Документов у танкиста нет.
> — Ротный собрал.
> — А как фамилия ротного?
> — Не знаю. Нас ему 31-го передали. Не успел запомнить.
> — А где он сам?
> — На Первомайской сгорел...»[43]

Разведка проводилась, по словам Трошева, «от случая к случаю», но, несмотря на это, командование ОГВ уже располагало сведениями, позволяющими судить о силе возможного сопротивления. Перед штурмом двое офицеров, прикинувшись один журналистом, а другой сотрудником ООН, побывали на позициях боевиков и своими глазами наблюдали приготовления к боям[2]. Сведения о противнике были доложены выше и благополучно проигнорированы. Черта многих и многих военных катастроф: люди, принимающие решения, отмахиваются от разведданных, не ложащихся на уже устоявшиеся представления об оперативной обстановке. В 1994 году длинный ряд полководцев-неудачников, расплатившихся жизнями

Отдельной проблемой стала нехватка солдат, обладающих навыками полевой разведки. Известны случаи, когда разведывательные подразделения доукомплектовывались поварами или служащими подразделений аэродромной охраны.

Чеченский капкан. Документальный фильм телеканала REN-TV. Реж. Андрей Кузьминов, Артём Иутенков и Игорь Прокопенко. 2004.

подчинённых за своё безразличие к разведке, пополнился ещё несколькими фамилиями.

Об уровне беспорядка в руководстве операцией говорит сцена в штабе группировки «Север». В ходе обсуждения планов выяснилось, что генерал Пуликовский, командующий группой, не знает боевой задачи одного из полков — 81-го Самарского. Как оказалось, командир этого полка получил указания лично от Квашнина, и Пуликовский не знал, чем именно будут заняты его части во время штурма и кто конкретно ему подчиняется[135].

Мало того, что подготовка к штурму велась халатно, командующий операцией генерал Квашнин постоянно вмешивался в управление войсками, конкретно — ударной группировкой «Север», и фактически оттёр номинального командующего Пуликовского на вторые роли. При этом задачи отдельным частям постоянно менялись уже в ходе боёв и в управлении «Севером» царил полный хаос. Вскоре этот бардак сыграет роковую роль в судьбе 81-го Самарского полка и 131-й Майкопской бригады.

Ноябрьский штурм Грозного «оппозиционерами» мог дать российским генералам пищу для размышлений. Но не дал. Уже тогда должно было стать очевидно, что шапкозакидательский штурм Грозного не может кончиться удачей. Вскоре это было доказано практикой.

ЧЁРНЫЙ ДЕНЬ. НОВОГОДНИЙ ШТУРМ

На рассвете 31 декабря колонны российских войск вступили в Грозный. Поначалу вход в город шёл спокойно, даже рутинно. Танкист Денис Шачнев рассказывал исследователю:

> «31 декабря 1994 года в 6 часов утра по радиосвязи прозвучала команда: „Всем строиться в боевую колонну!" Наш экипаж замешкался, потому что мы проспали. Помню, как по рации офицеры нам кричали: „Хватит спать! Вас ждём!.." Временами дорога была разбитой — попадались арыки, овраги, но колонна шла, не встречая сопротивления. Помню, как

в одном из арыков застряла БМП, её долго не могли вытащить. У нас у самих танк завяз, но мы-то выбрались, а ту БМП вытягивали тросом»[35].

В Грозном если не знали точно, то догадывались: штурм — дело ближайших часов. «31 декабря 94 года город как вымер, — писал грозненец. — Люди чувствовали, что будет что-то неординарное».

«Неординарное» сотнями боевых машин медленно втягивалось в Грозный.

О том, что предстоит входить в город, некоторые участники штурма узнали буквально за считанные часы до выхода. Офицер-спецназовец Владимир Недобежкин вспоминает:

«Проведя разведку маршрутов выдвижения в интересах 8-го корпуса, мы свою задачу, по сути, выполнили и 31 декабря должны были возвращаться в Моздок. Связываюсь с командованием, а мне сообщают: действие боевого распоряжения продлено до 10 января, но в город не входить. В 5 утра я прибыл к Рохлину с докладом. Он мне сразу:
„Пойдёте в Грозный в составе первой штурмовой группы". Объясняю, что мне руководство вход в город запретило. Спокойно, без крика и эмоций Рохлин снял трубку, тут же всё переиграл, и нам уже приказано - идти в Грозный.
Единственное, что я спросил:
— На чём? На „Уралах"?
Мне подтвердили:
— Да, на „Уралах".

Вот так: штурмовая группа на „Уралах". Правда, пригнали нам потом БТРы, но какой же командир отдаст хорошую машину — „На тебе, Боже, что нам негоже!"

Определили нас, к счастью, не в штурмовую группу, а в бронегруппу, как-никак люди только из разведки вернулись.
К этому времени и пехоту, и десантников уже били хорошо, первые потери появились и в корпусе. На фоне этого поражало отношение армии к войне: её никак не воспринимали всерьёз. Что ещё хуже, верхние штабы тоже ничего не хотели видеть»[34]

В незнакомом городе колонны часто разрывались, их части уходили неведомо куда. На картах 70-х годов отсутствовали многие ключевые здания, а дорогу было спросить часто не у кого. Войска шли по главным улицам, не заходя, как и было сказано, в дома и не прикрывая тылы. «Оригиналом» опять оказался Лев Рохлин: для защиты тылов от внезапных атак генерал «засаживал» коммуникации на своём маршруте блокпостами со стрелками и техникой. Несмотря на немногочисленность его отряда, «8 корпус» был самой малочисленной группой — военачальник не собирался доставить неприятелю удовольствие легко себя разбить.

Уже до обеда начался бой.

31 декабря. Группа «Север»

К 11 часам дня Самарский 81-й мотострелковый полк вошёл в город, занял назначенные улицы и формально выполнил свою задачу. Командир самарцев полковник Ярославцев связался с командующим группировкой «Север» Пуликовским, и тот велел продвигаться к Президентскому дворцу. Вообще, задачи самарцам регулярно менялись, их сообщали уже по ходу боя.

Капитан Виктор Мычко рассказывал:

«Ситуация была такая, что как будто шли на парад. По улице Первомайской, как сейчас помню, там посередине аллея, и вот в колонну по четыре шла техника — куда шла, чего? — никто ничего не знал. Потом через триплексы мы видим, что впереди рвутся машины. Назад поворачиваем башни — тоже рвутся»[35].

Грозный, 25 января 1995. Фото Александра Неменова.

Те, кто продолжал углубляться в Грозный, начали нести потери. Перед полуднем колонна Самарского полка была атакована из засады возле больничного комплекса. Отряд чеченцев на перекрёстке обстреливал бронетехнику с верхних этажей зданий. Ответный огонь танки вести толком не могли. Неприятель сосредоточенным огнём по очереди выбивал машины. Журналист Владислав Шурыгин писал позже:

> «У тех редких танков, которые смогли вырваться — меньше пяти попаданий из гранатомёта не насчитал ни у одного. И практически ни у кого не был израсходован даже наполовину боекомплект.
>
> — Я не видел целей, — сказал мне один из танкистов. — А те, которые видел, достать не мог. У меня танк, а не зенитная пушка»[43].

От отчаяния танкисты били по нижним этажам зданий в надежде, что удастся обрушить все перекрытия вместе с гранатомётчиками, сидящими на верхних этажах и чердаках. Иногда это удавалось сделать, и боевик валился с крыши в подвал вместе со всей хрущёвкой. Чаще такая стрельба ни к чему не приводила — противник успевал скрыться. Самарцы находились в районе площади Орджоникидзе, неподалёку от Президентского дворца, но не могли никуда продвинуться и несли тяжёлые потери.

Тем временем Майкопская бригада, шедшая справа от самарцев, пробиралась через мелкую, но топкую речку Нефтянка. На первоначально указанные планом рубежи майкопцы вышли без особых приключений. На одной из улиц они встретили танк дудаевцев и под радостный вопль наводившего ракету старлея Данилова: «Дымит, стерва!» — сожгли супостата. На этом этапе больше проблем доставляла Нефтянка и грязевые потоки вокруг неё. БМП проваливались по бойницы, их с трудом выволакивали из жижи.

Майкопцы расположились в пригороде и на окраинах, но около 11 часов неожиданно получили приказ прорываться к железнодорожному вокзалу — то есть сильно углубиться в Грозный. Существует версия, что майкопцы просто потеряли ориентировку и вышли к вокзалу чуть ли

не случайно. Современные исследования вопроса (в частности, подробная работа Павла Милюкова и Константина Яука о 131-й Майкопской бригаде) позволяют однозначно говорить, что это не была ошибка: бригада получила приказы от генералов Квашнина и Пуликовского. Это распоряжение стало одним из важнейших за всё время штурма Грозного. Обсуждать приказ никто не стал, и вскоре бригада громыхала по улицам в сторону вокзала. Туда же, отбиваясь от засад, шли самарцы.

По дороге к вокзалу майкопцы и самарцы постоянно несли потери от огня чеченских «летучих отрядов». Группы боевиков москитами кружились вокруг колонн. Судьба экипажей, отбившихся от своих, оказывалась печальной.

Одной из серьёзных проблем оказалась полная психологическая неготовность многих солдат к бою. Некоторые впадали в ступор или просто не вели огня, другие в запале за минуту расстреливали боекомплект и оставались безоружными. Трудно было ожидать, что 18-летние юноши, которых никто толком не тренировал, покажут выдающиеся качества в бою. Однако на военных, всё же пытавшихся вести бой, ложилась дополнительная нагрузка — их собственные дезориентированные, ошарашенные товарищи.

Дудаевцы начали брать пленных. Отношение к захваченным было разным. Некоторых быстро обменивали и даже выдавали, кто-то жил в плену в сносных условиях. Судьба других оказалась крайне скверной. Например, в тот же день окончилась жизнь лейтенанта самарцев Олега Мочалина, попавшего в плен раненым:

> «Олег „слишком независимо" отвечал на вопросы начальника охраны Д. Дудаева Абу Арсанукаева и, в частности, заявил, что в бою израсходовал весь боекомплект своей БМП. Взбешённый Арсанукаев вывел Мочалина из помещения. В дальнейшем среди пленных О. Н. Мочалина никто не видел. В 124-й Специальной медицинской лаборатории его тело значилось за номером 83, среди первых вывезенных из Грозного»[39].

Абу Арсанукаев впоследствии был амнистирован российскими властями. Никаких вопросов по поводу истории с Мочалиным ему никто никогда не задавал.

Другой офицер Самарского полка, капитан Мычко, попал в плен тяжело контуженным, с ранением лёгкого. После допроса его уложили спать, но вскоре капитан проснулся из-за того, что боевик — сосед по «палате» — пытался его зарезать. К счастью, душегуба оттащили. Как выяснилось, он проснулся, увидел рядом русского и решил, что сам попал в плен.

Вернёмся к злосчастному маршу на грозненский вокзал. Этот путь уже напоминал прогон сквозь строй. Наводчик-майкопец вспоминал:

> «Улица, по которой двигалась колонна, стала сужаться, слева появились дома частного сектора, а справа — жилые многоэтажные дома. Я разглядывал в триплекс впереди идущую БМП, как вдруг в этот момент по ней справа ударили из гранатомёта. Машина сразу встала и задымилась. Пехота, которая сидела сверху, посыпалась с брони, десантные двери открылись, и из её чрева повалил бело-сизый дым и экипаж. Живые стали расползаться по асфальту от машины в разные стороны, убитые остались лежать рядом с БМП. Наш механик-водитель рядовой Поздняков замешкался, и мы какое-то время стояли без движения прямо за подбитой БМП. Я загнал в казённик фугасный снаряд и начал искать цели. Противника не видно, в рации — неразбериха, мат. Из словесного потока в эфире мы с трудом разобрали координаты стрельбы. Я установил дальность и доложил командиру о готовности, но электроспуск орудия оказался в нерабочем состоянии. Пришлось повторить нажатия несколько раз, но всё было напрасно. В танке имелась ещё и резервная кнопка для стрельбы, однако и она не помогла. Тогда я в отчаянии ударил ногой по педали механического спуска, и это возымело своё действие — орудие произвело выстрел!» [11]

По спасающимся из подбитых машин вели постоянный огонь из стрелкового оружия. «Я сбросил бушлат, выскочил — у меня винтовку два раза прострелили», — рассказывал замкомбрига майкопцев.

В ходе этого марша отряд Самарского полка прошёл мимо Президентского дворца. Никакого взятия цитадели дудаевцев с налёта, разумеется, не вышло. Около дворца полковник Ярославцев был тяжело ранен после попадания в боевую машину, ещё несколько бронемашин сгорело. Пехоты почти не было, противодействовать гранатомётчикам никто толком не мог. Полк, лишившийся командира, возглавил замполит Игорь Станкевич, который и провёл самарцев через ад уличных боёв ближайших дней.

В середине дня самарцы и майкопцы всё же вышли к железнодорожному вокзалу.

Офицер самарцев рассказывал:

> «Когда я остановил свою колонну и подъехал на БТРе к вокзалу, увидел, как один чеченец лезгинку танцевал. Прямо на площади. Весь оборванный, в крови, босиком. На улице мороз, а он танцует лезгинку. Я думаю: „Ну, в безоружного стрелять вроде как грех!" А он нас „приветствует" вот так. И как только машины рассредоточились, такое впечатление, что он растворился. Как будто он под землю ушёл. Раз — и всё!»[1]

Итак, «северяне», получив нежданный приказ от Пуликовского, вышли к вокзалу и обосновались на нём. Немедленно начали выявляться проблемы. Сводный отряд бригады не имел достаточного количества пехоты, зато располагал огромной массой техники. Гремящее стадо боевых машин расположилось на привокзальной площади, солдаты заняли большое здание вокзала. Однако ни частный сектор, ни жилые дома, из которых просматривался вокзал, захвачены не были. Даже «дом Павлова» — пятиэтажка непосредственно перед вокзалом — не был занят никем. Сложно сказать, почему это произошло.

---

[1] Чеченский капкан. Документальный фильм, серия 2.

Возможно, командир бригады Савин просто не имел достаточно людей для устройства полноценного оборонительного периметра вокруг своего «вагенбурга». Тем более, что часть стрелков всё же занимала некоторые строения вокруг вокзала — эти солдаты отошли к зданию уже в ходе боя. Но уже через несколько часов это обстоятельство сыграло в судьбе Майкопской бригады фатальную роль.

Спорадические перестрелки вокруг вокзала шли уже днём, и тогда был впервые ранен осколком в ногу полковник Савин. Активнее всего чеченцы вели огонь со стороны «дома Павлова». Почему-то его так и не попытались отбить.

В сгущающихся сумерках майкопцы располагались на ночлег в здании вокзала и вокруг него. Первый батальон с приданными частями занимал основное здание вокзала. Второй понёс тяжёлые потери: до вокзала добрались лишь несколько боевых машин с экипажами и десантом. Доехавшие находились на товарной станции.

В этот момент Квашнин был уверен, что операция развивается превосходно. Командующий ОГВ считал, что в оборону дудаевцев «воткнут лом», которым будет расшатана вся оборона Грозного. В действительности отряд бригады Савина сидел на вокзале без всякого прикрытия с флангов. Остальные группировки уже втянулись в напряжённые бои. Майкопцы своим ходом приехали прямо в котёл.

31 декабря. Группы «Северо-восток», «Восток», «Запад»

Наступавшая с северо-востока группа Рохлина заранее получила от разведки информацию о готовящихся засадах, поэтому строптивый генерал сразу начал ломать неприятелю планы. Путь, по которому 8 корпус должен был идти, пролегал через укреплённую чеченцами промзону, однако с ожидаемого направления никто не явился. Отряд 33 полка захватил мост через Нефтянку и весь день вёл перестрелку с подтягивающимися чеченцами. Основные силы группы в это время сманеврировали севернее, через русское кладбище, и начали проникать в город с северо-восточной окраины, подавляя активность дудаевцев артиллерией. Неожиданным ударом рохлинцы уже утром захватили консервный завод, перебив небольшой отряд боевиков. Оставив на консервном заводе часть людей и техники, Рохлин двинул оставшиеся силы (около 700 человек) на штурм больничного комплекса, который вскоре после ожесточённого боя был захвачен.

Простым этот штурм не был, солдатам пришлось вести жёсткий ближний бой, но сопротивление чеченцев было сломлено достаточно быстро. Не обошлось без «дружественного огня». Плохое качество связи приводило к тому, что артиллерия раз за разом накрывала собственные боевые порядки. Однако действия рохлинцев в тот день выглядят на общем фоне выгодно. Они не только не позволили нанести себе чрезмерные потери, но и сумели создать в Грозном плацдарм, захватив часть опорных пунктов дудаевцев, а прочно занятые больница и консервный завод стали опорными плитами группировки в глубине города.

Наступление рохлинцев прошло спокойно и даже рутинно, хотя на эту группировку влияли те же проблемы, что и на остальные. Численно отряд Рохлина был самым слабым (силы, которые можно было использовать в наступлении, составляли всего 750 солдат), но он не только добился наибольших успехов из всех, но и удержал захваченные объекты. Ответ на вопрос, как случилось такое чудо, очевиден. Из всех группировок, входивших в Грозный, «Северо-восток» имел наилучшим образом поставленную разведку. Речь не идёт о чудесах, генерал и его подразделения просто эффективно делали свою работу — и этого хватило.

В первый день штурма в глубину города прорвались только группы Пуликовского и Рохлина. Группа «Восток» генерала Стаськова начала штурм фактически без поддержки артиллерии — расчёты не умели стрелять. Отряды «Востока» шли без охранения. Им предстояло выйти к площади Минутка, но сюда группировка не добралась и близко. На мосту через железнодорожные пути «восточные» начали нести потери. Капитан Владимир Лебедев рассказывал:

> «Первый танк идёт по мосту, а его обстреливают где-то с семи, восьми направлений. Вперекрёст. Повезло первому танку. Прошёл. Так через мост проходила каждая единица: будь то танк или боевая машина пехоты. Живая сила всегда на броне, никто внутри не сидел. Колонна шла через мост, неся потери. <...> Связь практически не работала. У меня слышимость была только между моими двумя бэтээрами и „Уралом", да слабый,

КАРТА ГРОЗНОГО

постоянно прерывающийся контакт с колонной. В связи был сплошной бардак. Никто большей частью не представлял: кто с кем говорит. Одни позывные в эфире, доклады лишь о „двухсотых" и „трёхсотых" — сколько убитых и раненых»[1].

«В первые секунды летящие по домам и из домов трассеры через триплекс чем-то напоминали стрелковую игру в игровых автоматах. Пока по броне совсем не понарошку не застучали пули...»[2]

Часть сил «Востока» так и остановилась на окраине. Остальные втянулись в бои с чеченцами в районе кинотеатра «Россия». Боевики хорошо ориентировались в городе, использовали для манёвров канализацию либо устраивали набеги на легковушках с гранатомётчиками. Необученные пехотинцы не могли остановиться и поливали огнём всё вокруг, пока не исчерпывались боеприпасы. Колонна растянулась на улицах, со страху стреляя на любое шевеление. Тем не менее, к вечеру «восточные» закрепились у кинотеатра. Но дальше их ждал самый неприятный сюрприз этого дня. Боевики контратаковали район «России» бронегруппой при поддержке миномётов. Начался лобовой бой, продолжавшийся и ночью. На следующее утро был скомандован общий отход, и вскоре русским нанесла сокрушительный удар собственная авиация, убив и ранив полсотни военнослужащих ударом по колонне техники. Одному из офицеров необычайно повезло: осколок попал в рукоятку пистолета в нагрудном кармане, изуродовав оружие, но не отняв жизнь. В итоге группировка «Восток» попросту выкатилась из Грозного на Ханкалу, никем не управляемая, потеряв около двухсот человек убитыми и ранеными.

Группировка «Запад» 31 декабря наступала, но успеха не имела. Не понимая обстановки, не имея связи и столкнувшись с сопротивлением чеченцев, «Запад» дошёл до района рынка, но под обстрелами отступил и остановился возле парка Ленина, на окраине Грозного.

---

[1] Виталий Носков. Исповедь офицера. «Сибирские огни». №3/2001. http://www.sibogni.ru/content/ispoved-oficera

[2] http://botter.livejournal.com/90039.html?thread=690103

Вечером сводный отряд одного из полков группы оказался окружён в парке, но сумел продержаться до подхода помощи.

Тем временем в ночной темноте началась кульминация новогоднего кошмара. Чеченцы атаковали лагерь 131-й Майкопской бригады на вокзале. Драматические события дня стали только прелюдией.

ЗАПАДНЯ. МАЙКОПСКАЯ БРИГАДА ПОД УДАРОМ

Приказ майкопцам занимать вокзал сложно назвать тактически оправданным. С вокзала они не могли контролировать прилегающие районы. Более того, ближайшие пятиэтажки подступали буквально на десятки метров, вокруг находилось множество высотных зданий, к тому же вокзал простреливался из частного сектора. Выстроить такой оборонительный периметр, который мог бы изолировать привокзальную площадь и само строение от доступа боевиков, майкопцы не смогли, а само старинное здание имело огромные окна, так что обороняться, сидя в нём, было крайне трудно. Доступ в здания, с которых можно было свободно обстреливать вокзал, для боевиков не был затруднён вообще никак.

Момент начала активных боёв с чеченцами довольно точно указал подполковник Юрий Клапцов: «С наступлением темноты, часиков с 17–18». Самого Клапцова пытался выманить под огонь местный не очень мирный житель, приняв его за комбрига, однако офицер вовремя укрылся за БТРом, чем и спас себе жизнь. Из пятиэтажки и недостроенной гостиницы по вокзалу открыли огонь из автоматов, пулемётов и гранатомётов. Техника начала гореть. Через некоторое время, когда на вокзале скопилось много раненых, возникла идея вывезти их на БМП, но назначенная на роль госпитальной боевая машина была быстро подбита с фатальными последствиями для тех, кто в ней был. До полуночи обстрел не прекращался.

В таком же положении находилась часть бригады и небольшой отряд самарцев на товарной станции рядом. Из-за слабой подготовки солдат офицеры должны были действовать за всех разом и быстро оказывались убиты или ранены. Группы солдат, находившиеся за пределами вокзала, постепенно стягивались в само здание.

Под непрерывную пальбу наступил Новый год. Кто-то принёс из разваленного киоска бутылку шампанского для комбрига. Бутылка так и простояла нетронутая.

Перерыв в стрельбе произошёл около полуночи — в дыму было сложно что-то разобрать. Срок этой передышки называют разный, от двадцати минут до нескольких часов. Затем бой возобновился и уже не останавливался.

Утро не принесло облегчения. Техника горела на площади и на подступах к вокзалу. От отчаяния одна из зенитных «Тунгусок», исчерпав боекомплект пушек, палила по окнам ракетами «земля-воздух» прямой наводкой. Её сожгли восемью попаданиями из гранатомёта.

Удивительно, но на вокзал в поисках укрытия всё это время приходили мирные жители, которым казалось, что более надёжного места в пылающем городе нет.

Бронегруппа самарцев тем временем маневрировала неподалёку от площади, обстреливая огневые точки боевиков. Сами самарцы вели бой в полуокружении, разорванные на две части, и их положение было не лучше, чем у майкопцев.

Танкист-самарец описывал свои действия:

«После выстрела, чеченцы сразу выпускали по танку от 2 до 5 выстрелов с противотанкового оружия, щедро поливая огнём со стрелкового оружия, не оставляя шансов на спасение экипажам. При залповом огне они не могли одновременно стрелять по всем танкам роты, а во время сосредоточения чеченцами огня по одному танку мы совместно с другими экипажами определяли местонахождения их огневых точек и беглым огнём из танковых пушек, ПКТ (спаренный пулемёт с танковой пушкой), НСВТ их уничтожали»[1].

---

[1] Новогодняя карусель. http://artofwar.ru/w/wechkanow_i_w/viv.shtml

Часть полка была окружена вместе с майкопцами, часть — в районе площади Орджоникидзе. Полковник Ярославцев, командовавший самарцами, был ранен ещё 31 числа, вечером того же дня был ранен и начштаба полка. На помощь в центр города шёл сводный отряд из молодого пополнения во главе с замполитом самарцев, подполковником Игорем Станкевичем. Подполковник сумел удержаться на перекрёстке Хмельницкого и Маяковского, собрав часть разрозненных отрядов и одиночек Самарского полка. Уже вечером его колонна начала выходить из Грозного и в ночь на 2 января покинула поле боя.

Для майкопцев и самарцев, окружённых вместе с ними, ничего ещё не кончилось. Радиочастоты забивали боевики, требующие у танкистов капитуляции. Капитан Игорь Вечканов, командир танкистов, загнал свой танк прямо в здание вокзала и палил оттуда с кинжальной дистанции[1]. Все танки получили по нескольку попаданий из гранатомётов. Майкопцев обстреливали и дудаевские танки: Вечканов насчитал на чеченской стороне четыре боевых машины. Как ни опасно было на вокзале, медпункт майкопцев в «слепом» помещении без окон был самым надёжным укрытием, поэтому раненых самарцев с товарной станции отправили туда под прикрытием брони. Вечканов потерял на этом перегоне два танка из пяти, но дело сделал. Один из спасённых им раненых, младший сержант Александр Пирожков, говорил прямо:

> «Мы вылезли оттуда только благодаря „Катку"[2], так бы нас оттуда бы хрен выпустили бы, потому что раненых у нас было до е... мамы просто»[3].

Из-за непрерывного боя ближе к утру начали заканчиваться боеприпасы. Вытащить раненых не было возможности, и они могли только ждать своей участи в медпункте, истекая кровью.

Из-за многоэтажек, закрывающих обзор, комбриг Савин не мог даже корректировать огонь артиллерии. Оставалось надеяться только на собственные, постоянно уменьшающиеся силы.

---

1 http://memoriesnorth.narod.ru/rec3.html

2 «Каток» — позывной Вечканова.

3 http://memoriesnorth.narod.ru/rec2.html

Грозный, 25 января 1995. Группа чеченских боевиков бежит вдоль проспекта Ленина (ныне Ахмата Кадырова) под российским огнём. Фото Александра Неменова.

Всё это время Савин запрашивал помощи от соседей и командования. Запрашивал и не получал. Бригада слишком глубоко забралась в Грозный, колонны помощи пробивались слишком медленно, а в поддержке вертолётами по неясным причинам было отказано. Первый отряд для прорыва к окружённым составили из части майкопцев, до сих пор остававшихся в тылу, и частей 276 полка.

Колонну сколотили на ходу в районе консервного завода. В неё вошло около сорока единиц разной техники с людьми из разных частей. По дороге к вокзалу колонна попала в засаду. События развивались всё по тому же сценарию: подрыв головной машины, гранатомётчики на балконах и крышах, стрельба из окон. Колонна помощи была разбита буквально в паре кварталов от вокзала[1].

В конце концов, часть людей 276-го полка сумела пробиться к товарной станции. Интересно, что во время этих попыток прорыва двоих отбившихся солдат спас чеченец — бывший милиционер Юсуп Хасанов, спрятавший их в подвале[35].

Днём на выручку майкопцам двинулись два батальона десантников Псковской дивизии и рязанцев 137-го полка. В глубину Грозного они пытались пробиться весь день. Спасти майкопцев им так и не удалось: дудаевцы пропустили бригаду до вокзала не для того, чтобы легко выпустить. Определённого результата крылатая пехота, однако, добилась: в парке имени Ленина к 16 часам были деблокированы мотострелки, окружённые там вечером 31 числа. Но на плачевное положение осаждённых на вокзале этот успех не влиял.

ОТСТУПЛЕНИЕ МАЙКОПЦЕВ

При всех ужасах боя на вокзале, главной проблемой майкопцев были боеприпасы. К середине дня 1 января патронные ящики показали дно. Продолжение боя означало полное уничтожение остатков отряда. Во второй половине дня комбриг Савин понял, что его никто не спасёт, и начал выручать себя сам. В этот момент связи с командованием на вокзале не было. Примерно в то же время

---

[1] http://memoriesnorth.narod.ru/rec4.html

начала самостоятельно выходить из окружения группа у товарной станции — солдаты Майкопской бригады, самарцы и пробившийся к ним небольшой отряд 276-го полка.

С этим отрядом произошёл любопытный эпизод. На связь с окруженцами вышел депутат и правозащитник Сергей Ковалёв и от имени боевиков предложил русским бойцам капитулировать, обещая вывоз автобусами. Попутно депутат спросил о точном местонахождении отряда, чего ему, конечно, никто сообщать не стал. Позднее Ковалёв продолжал попытки уговорить те или иные группы наших военных на капитуляцию с условиями выхода из города без техники. Вот характерный диалог:

> «На этот раз пробивавшимся мотострелкам и танкистам „чеченский волк" предложил переговорить с депутатом Госдумы Сергеем Адамовичем Ковалёвым. Беседовал [старший лейтенант] Арвид Калнин.
> — Какие у вас предложения? — спросил „Ковалёв".
> — Мы не будем стрелять. Пусть нас выпустят из города, — ответил Арвид.
> — Оставайтесь на месте, я переговорю с чеченской стороной.
> Через 10 минут:
> — Их условие: выходить только с табельным оружием. Вас доставят в указанное место на гражданских машинах. Бронетехнику оставляете нам для последующей вам её передачи.
>
> Разведчики до сих пор не уверены, что с ними вёл переговоры настоящий депутат. Уж больно резанули слух слова „оставляете нам". Мог ли сказать их Сергей Ковалёв? И если сказал, то чьи интересы он в Чечне представляет?»[1]

---

[1] Книга Памяти. Том 4. Майкоп, 2002.
https://botter.livejournal.com/136080.html

Окруженцы, естественно, не поверили правозащитнику и предприняли самостоятельный рывок к свободе. По дороге отряд распался. Некоторые машины были подбиты, а пытавшиеся спастись солдаты застрелены. Другие выходили с боем. Один из солдат проявил изрядное хладнокровие: столкнувшись на улице с тремя боевиками, он ответил на их приветствие зычным криком «Аллах акбар!», после чего перебил успокоенных собеседников одной очередью.

Около пяти часов вечера от вокзала начали уходить остатки майкопцев. На уцелевшую технику загрузили раненых. Многих бойцов-срочников, одуревших от шока и ужаса, пришлось буквально выволакивать силой. Во время прорыва остатки бригады продолжали нести потери. В плен попал, например, тяжело контуженный подполковник Зрядний. Чеченцы его избивали, а несколько месяцев спустя расстреляли.

Один из бойцов, рядовой Николай Рябцев, описал своё пленение так:

> «„Чехи" нас голыми руками, как говорится, взяли. Из всей БМП только я и подполковник Зрядний (Царство ему Небесное) остались в живых. Остальных добили. Я просто убитым притворился, когда они раненых ходили добивали. Меня тоже двое нашли, потому что подо мной бушлат дымился. Сначала один подбежал, молодой, весь в чёрное одет. Я перевернулся, на пятую точку сел. Один спрашивает: „Что, раненый? Где оружие?" Я говорю: „Нет". Он мне: „Не пиз..., найду — расстреляю". Я ему: „Нет, ищи". Обыскал меня, по земле рядом пошарил, тут другой подбегает. Первый ему говорит: „Вот раненый, вообще-то, добить надо". Второй ему: „Да, надо". У меня чуть не вырвалось: „Да ну на х..." — уже на языке вертелось. Если бы сказал, наверное, точно прибили»[38].

За первые дни, по данным чеченцев, было захвачено около восьмидесяти солдат и офицеров. Многих содержали в центре города под присмотром находившейся там группы депутатов Госдумы.

Последней от вокзала отошла группа капитана Рустема Клупова. Этот офицер прикрыл уход остальных и покинул вокзал с небольшим отрядом, когда внутрь уже проникали чеченцы. На прощание один из бойцов арьергарда, сержант Майоров, обрушил выстрелом из реактивного огнемёта кусок торца дома напротив — вместе с засевшим там гранатомётчиком. Позже Клупов, командовавший последними отступающими с вокзала, получил задание на вывод остатков сводного отряда Майкопской бригады из Грозного. Полковник Савин, возглавляя прорыв, отправился с небольшой группой солдат лично забрасывать гранатами обнаруженную группу боевиков во дворе автобазы. Он сумел бросить несколько гранат, но погиб на месте от попавшего в голову осколка чеченской гранаты. Солдаты пытались вывезти погибшего на гражданской «Волге», но через некоторое время она была подбита возле Дома печати. Тело Савина обнаружили лишь 21 января вместе с трупами других бойцов бригады.

Позднее на мёртвого полковника пытались «повесить» все недочёты операции Майкопской бригады, в том числе сам марш к вокзалу. Это была типичная для командования того времени аморальная попытка спихнуть на погибшего офицера собственные провалы. Как бы то ни было, умер комбриг Савин достойно. Остатки его группы сумели выбраться окружным путём. Во время этого марша смерти был тяжело ранен начштаба самарского полка подполковник Майоров. Боевики приняли его за погибшего, но позже подполковника привезли на позиции российских войск местные жители — контуженого, раненого, обожжённого, но живого.

Наибольшие потери понесли группы, пробивавшиеся с техникой. БМП, машины и танки оставались заметной и лёгкой мишенью. Для сравнения, отряд, который выводил командир зенитного дивизиона майкопцев подполковник Половинкин, вышел пешком без потерь. Также в пешем порядке смогли выбраться ещё несколько групп.

Сводный отряд Майкопской бригады потерял за два дня погибшими 162 человека. Самарцы потеряли сопоставимое число людей: в середине января в полку числилось 63 человека убитыми и 75 пропавшими без вести. Из «вокзального котла» к своим вышло 147 майкопцев и около тридцати самарцев. Это были очень высокие потери, но ими кровопролитие далеко не исчерпывалось. Всего за эти двое страшных суток Объединённая группировка потеряла погибшими и пленными около пятисот человек.

Последний случай массового пленения российских солдат в Грозном относится к 5 января, когда в районе дома культуры им. Ленина (западная часть города) сдался окружённый взвод 503-го мотострелкового полка во главе с лейтенантом Ященком в составе 18 человек. Пленных освободили в феврале.

Кроме майкопцев и самарцев боевикам удалось окружить части 137-го парашютно-десантного полка, однако десантники не дали себя разбить. Вскоре они даже расширили свои позиции и через некоторое время при очень умеренных потерях заняли место боя Майкопской бригады.

Штурм Грозного начался для Российской армии с зубодробительного удара противника. Однако возможности для отдыха не было. После нокдауна нужно было подниматься.

Грозный, 25 января 1995. Чеченский боевик ведёт пулемётный огонь из укрытия. Фото Александра Неменова.

ГЛАВА 6
ЧИСТИЛИЩЕ

Грозный, 31 марта 1995.
Президентский дворец.
Фото Александра Неменова.

ВЫЖИВАЙ, КАК ЗНАЕШЬ. МИРНОЕ НАСЕЛЕНИЕ ГРОЗНОГО

Посреди разыгравшихся в городе отчаянных сражений под огнём оказалось огромное население Грозного. Обычные горожане, не сумевшие вовремя бежать, стали заложниками яростной баталии. Они жили в самых жалких условиях. Позаботиться о населении у воюющих просто не было возможности, а у командующих, судя по всему, — желания. Периодически гражданских пытались использовать. В. Шурыгин описывал такой эпизод:

> «Дней пять назад в расположение батальона пришла чеченка. Спросила командира. А потом вытащила из кармана „лимонку"... Еле выбить из рук успели, благо, она толком и не знала, как с ней обращаться.
> — Дети есть? — спросил её на допросе Петрович. Давясь слезами, та кивнула:
> — Д...двое.
> — И что, тебе больше делать нечего, как с гранатой бегать по городу? Муж есть?
> — Нет. Убили.
> — Сейчас?
> — Нет. Год назад.
> — Так какого же хрена ты дурью маешься?
> — Свёкор послал.
> — ...?! А что же сам не пошёл?
> — Старый. Плохо ходит. И у него жена новая. А я вдова. В доме тесно, сказал, детей воспитает сам.
>
> С напутствием оторвать свёкру женильный аппарат, женщину выгнали из расположения»[43].

Описывались истории и противоположного содержания, когда жители указывали дома, где находятся боевики. Однако деятельное сотрудничество с какой-то из сторон всё же было скорее экзотикой. Чаще люди просто пытались выжить. Грозненцы — как чеченцы, так и русские — испытали все мучения, какие только могут выпасть на долю

человека, оказавшегося в эпицентре военного противостояния. 31 декабря прекратилось электроснабжение, инфраструктура города начала быстро разрушаться. Газ в некоторые дома подавался ещё довольно долго, и это стало серьёзным подспорьем для многих людей.

Местная жительница описывала положение дел[1]:

> «Бытовой газ в данной ситуации — наша жизнь. 2 раза при обстреле реактивными снарядами, осколками перебивали газовые трубы. Первый раз на 4-х метрах было 53 пробоины, потом ещё раз. Мужики со двора, в том числе и папа, кое-как заделывали эти отверстия».

Духовка стала для неё заодно и обогревателем — больше отогреться и высушить одежду было негде. Менее везучие пользовались печками-буржуйками.

Население спорадически подкармливали с обеих сторон:

> «Когда привозят на грузовой машине хлеб, обязательно рядом крутится группа кинорепортёров и снимают толпу людей, которые от голода бросаются к машине. Мне однажды буханкой досталось по голове, потому что их не давали в руки, а бросали в толпу».

И солдаты, и гражданские стали заложниками ситуации. Солдат из охранения миномётной батареи вопрошал:

> «Чеченцы тоже приходят: вы наши дома рушите! А что я могу поделать?»

Десантник Сергей Шестопалов горестно описывал происходящее:

> «На наших глазах на окраине Грозного, в районе Катаямы, из частного домика, охваченного

---

[1] http://grozny-vh.moy.su/blog/2009-05-03-9

Грозный, 23 декабря 1994. Русская женщина с ребёнком прячутся в бомбоубежище во время авиаудара.
Фото Александра Неменова.

пламенем, выбегали люди с криками: „Не стреляйте в нас! Помогите! Что же вы делаете?! Мы ведь русские люди!" Никто в них не стрелял, но видеть всё это было очень тяжело. Как и следовало ожидать, вскоре местные жители стали кричать в нашу сторону: „Изверги! Убийцы! Палачи!" Но мы, солдаты, тогда хорошо понимали этих людей. Что тут сказать, когда женщины, старики, дети выбегали из подвалов рушащихся многоэтажек и попадали прямо под обстрел. Они бежали со своими котомками в руках, пригнувшись, оглядываясь, спотыкаясь о груды кирпичей, — бежали из родного дома, в котором прожили не один десяток лет, от которого теперь ничего не оставалось. Пули и осколки косили всех подряд без разбора, и у многих жителей, выживших после той бойни, в душе копилась лютая ненависть к российскому солдату: ведь это он сюда пришёл с оружием в руках, он разрушил города и селения. Эта война всех, втянутых в её орбиту, сделала злыми и жестокими. Недавно ещё мирные чеченские жители, на головы которых обрушивались бомбы и снаряды самолётов, из танков, орудий, в большинстве своём превратились в жестоких „самооборонцев". Всё это — разрушенный Грозный, массовая гибель женщин, стариков, детей, чьи трупы много дней оставались лежать во дворах и на детских площадках, — тяжёлым чёрным пятном легло на душу каждого. <...> Мы, девятнадцатилетние российские парни, пришли сюда не для того, чтобы убивать и разрушать. В первые дни продвижения колонн к Грозному мы шли с приказом „огня не открывать" и пытались соблюдать его. Только после вооружённых нападений на наши позиции во избежание потерь личного состава российские солдаты применили оружие. Постепенно наша „миротворческая

миссия" превращалась в боевую операцию. В январе 1995 года все благие намерения были преданы забвению» .

От бомбёжек спасались кто как может. Убежищ специальной постройки было мало, поэтому жить горожанам приходилось в простых подвалах, а спать — на столах, ящиках или, если повезёт, на раскладушках. Впрочем, худшим проклятием для этих людей была не бытовая неустроенность, а неизвестность. Единственной связью с миром оставалось радио, которое постоянно врало. Самые простые вещи становились необычайно трудны. Поход за водой превращался в бытовой подвиг. Нередко люди погибали у водяных скважин от шальных пуль и мин. Убить или ранить могли в любой момент, со страху или при обстрелах по площадям. К тому же боевики практиковали «охоту на ведьм» и расстреливали на месте тех, кого считали шпионом. Кстати, не все «русские шпионы» покорно шли на расстрел. Неподалёку от площади Минутка произошла драматическая история: группа боевиков повела мужчину на казнь, и тот, поняв, что терять ему уже нечего, достал охотничий нож и пырнул собственного палача, после чего был застрелен .

На развалинах орудовали мародёры. Один из русских грозненцев (муж процитированной выше женщины) защитил свой запас керосина в гараже, возможно, наивным, но вполне действенным способом: написал на створке: «Осторожно, мина-сюрприз, полковник...» Мужчина своего добился, и гараж разграблен не был.

Он же рассказал о любопытном эпизоде:

«Буржуйку перенесли в убежище, но не хватило труб, и меня сагитировали сходить в гараж и принести их оттуда. Пошёл туда в сопровождении двух ингушей. Во дворе гаража нас встретила группа мародёров-чеченцев. Мой гараж не вскрыли, вероятно, побоялись подорваться на моей „мине". Вскрыв гараж после имитации снятия „мины" с предохранителя и забрав трубы, я закрыл его на замок,

Из частной беседы автора с бывшим боевиком.

опять же проделав обратную операцию по постановке на „замини-рование", мы попытались ретироваться, но грабители не хотели нас отпускать и потребовали, чтобы я гараж не закрывал. Мои сопровождающие отказались выполнить это требование, мотивируя это тем, что по закону гор они не допустят насилия надо мной и мы уйдём вместе. Напоминание бандитов о том, что мусульманам негоже защищать „неверного", никакого воздействия на моих телохранителей не оказало, и мы благополучно ушли» .

Отдельного упоминания заслуживают те, кто, рискуя жизнью, вывозил людей из города. Кто-то из водителей брал за это деньги, иные же без разбора по нации брали в автобусы всех бесплатно. Ожесточение войны коснулось не всех: по словам жителей, чеченец вполне мог вывезти русских вместе с соплеменниками и наоборот. Отличился среди прочих «чеченский Робин Гуд», оппозиционер-антидудаевец Руслан Лабазанов, вытащивший в безопасное место существенное количество народу и кормивший их за свой счёт.

Финал истории этой семейной пары можно назвать счастливым. Муж сестры «минёра» оказался военным. Он сумел найти родственника. Семью из разрушенного города вывезла БМП, оставляя между гусеницами неубранные трупы, и позже МЧСовским рейсом измученные люди отправились в Москву. Так везло не всем.

История другого гражданского жителя — подростка, оказавшегося посреди сражения, — напоминает триллер:

«...обстрел, то ли снайпера, то ли случайный (кто, за что, не поймёшь). Я забежал в первый попавшийся дом, потом в подвал... Выйти пытался несколько раз в день, но огнём прижимали, даже до лужи в 5 метрах не достать. Сколько дней — не помню... смазано... помню

http://grozny-vh.moy.su/blog/2009-05-03-7

только, что ползал по этажам здания, собирал тёплые вещи, матрасы и одеяла. Из всего этого устроил себе лежак, который позволял не замёрзнуть без костра. Один раз развёл, на 3 или 4 этаже, кресло сломал на дрова, так костёр мой технично с первого залпа кто-то откуда-то накрыл. Для себя лично понял, что война — это всегда, обязательно, голод, грязь и холод. Голод утолял найденными соленьями в разбитых квартирах, ну и ещё кое-чем... но чем — говорить не буду (единственное, что скажу, не каннибализм).

Однажды ночью меня разбудила сильнейшая перестрелка; как потом оказалось, наши из здания напротив Совмина на штурм пошли, а с утра начали „чистить" моё жильё, чистить как... гранату в комнату, а потом туда заходят, я это по последовательности шагов и взрывов понял, и когда услышал, что и к моему схрону идут, заорал:

„Пацаны, не губите, Христа ради, русский я... не чечен, не боевик, прячусь здесь!!!" — и так несколько раз. Потом тихое „Да и пох...й" и тут же „Отставить". <...> В конце апреля месяца мать нашла меня в центре вынужденных переселенцев в Великом Новгороде»[1].

Вскоре после начала боёв в Грозный прибыли группы спасателей. МЧСовцы работали под прикрытием солдат малыми группами — три спасателя и врач. 800 больных и раненых, эвакуированных ими, — заметный результат для всего 35 людей из Центроспаса[2], работавших на руинах. Некоторое количество беженцев вывозилось в глубину России самолётами армейской транспортной авиации[22].

---

[1] Журнал «Самиздат». Воспоминания русского из Грозного. http://samlib.ru/s/sumin_w_j/wospominanijarusskogorodiwshegosjawgroznom.shtml

[2] Центроспас — Центральный аэромобильный спасательный отряд МЧС России.

Грозный, 31 марта 1995. Гражданские у моста через Сунжу и в пригороде. Фото Александра Неменова.

Но в целом для города, где до войны жили сотни тысяч людей, это была капля в море. Гуманитарная часть операции в Грозном не выглядит образцово — для эвакуации жителей и спасения оставшихся федеральный центр сделал преступно мало.

СОРОК ЧЕТВЕРТОЕ ДЕКАБРЯ. ПРОРЫВ В ЦЕНТР ГОРОДА

Операция Объединённой группировки началась катастрофически, однако отбоя никто не давал. Сражение за Грозный продолжалось. Правда, теперь положение дел было ещё более скверным, чем перед битвой. Группа «Север» фактически была разгромлена. «Восток» и «Запад» в город так и не пробились. С другой стороны, к Грозному подходили подкрепления. С севера подступала 74-я мотострелковая бригада. В город вступил 45-й полк спецназа ВДВ вместе с отрядом подразделения «Вымпел» — в сумме до 450 штыков, причём отлично подготовленных и способных вести бои, не цепляясь за бронетехнику. Кроме того, к Грозному перебрасывались батальоны морской пехоты, но их прибытия ещё нужно было дождаться.

Свежие мотострелки сразу же вступили в бой: чеченцы начали контратаковать отряды «Северо-востока» в больничном городке и на консервном заводе. Обтекая малочисленный отряд Рохлина, боевики блокировали коммуникации.

Теперь стиль боевых действий изменился. Даже к самым непонятливым штабистам пришло понимание, что дудаевцы не капитулируют и не разбегутся. Полевые же офицеры, наученные тяжкими потерями, начали менять тактику на ходу. Майор Скобенников из 45-го полка спецназа ВДВ рассказывал о действиях своего отряда при очистке коммуникаций группы Рохлина:

> «Для работы мы выбрали ночное время: темнота, как известно, — друг спецназовца.

На тот момент «Вымпел» сотрясали реорганизации, чуть не уничтожившие подразделение. Он воевал в Чечне под разными именованиями, и в Грозном два десятка его офицеров назывались «Управление специальных операций ФСК». Но мы всё же будем использовать его «настоящее» название.

Технически это выглядело примерно так: целый день за кварталом, который предстояло зачищать, наблюдали, отслеживая каждую мельчайшую деталь. Ночью начинали действовать. Первыми выдвигались сапёры: снимали, если есть, чеченские растяжки и устанавливали свои, перекрывая возможные пути отступления дудаевцев и пути подхода подкреплений. Потом группа незаметно просачивалась в здание, чаще всего через какое-нибудь „нештатное" отверстие, вроде пролома в стене. На некоторое время затихали, пытаясь определить по звукам местонахождение в доме чеченцев, потом потихонечку начинали двигаться, уничтожая „духов" с помощью бесшумного и холодного оружия. Прекрасно показали себя винтовка „Винторез", автомат „Вал" и пистолет ПСС — весь бесшумный комплекс. „Духи", как правило, не понимали, что происходит — падали люди, пропадала связь. Чаще всего бесшумным оружием дело и ограничивалось. Ну а если чего, то шли в ход и гранаты, и всё остальное, по полной программе. За две ночи мы очистили Петропавловку, потом и улицу Лермонтова. Блокада была прорвана, корпус получил возможность отвезти раненых, подвести боеприпасы, продовольствие, подкрепления. И собрать силы, чтобы вновь двинуться вперёд. Кроме того, наши действия имели серьёзный психологический эффект. Так было, например, когда мы чистили вместе с морпехами кварталы перед Совмином. Ещё днём мы приметили один подвал, где чечены кучкуются и пьянствуют. Мы не стали врываться в подвал с ковбойской стрельбой. Просто расставили заряды пластида, рванули и засыпали их. Так они подняли такой вой в радиоэфире: мол, погибаем! После чего дудаевцы из всех остальных домов удрали сами. Нам и чистить их не пришлось»[50].

Естественно, одними частями спецназа, при всей их важности, выиграть битву было невозможно. Инициатива снизу касалась и тактики бронегрупп. Например, использовался следующий приём. Танк вёл огонь, помогая пехоте, а другой танк прикрывал, отслеживая появление дудаевцев. За танками крутилась самоходная зенитка, палившая при необходимости по верхним этажам зданий. Пехотинцы корректировали огонь своей брони. Другой способ под названием «карусель» состоял в том, что сменявшие друг друга боевые машины обеспечивали непрерывный обстрел крупного здания в течение долгого времени. Все эти новации, конечно, следовало бы внедрить раньше, и не снизу, а сверху, однако сожалеть об упущенных возможностях было поздно.

Там, где пехота была в состоянии действовать самостоятельно, оставив технику в тылу, она могла добиваться успехов и без поддержки тяжёлого вооружения. Например, разведчики 137-го десантного полка под командой Михаила Теплинского в западной части Грозного наступали на покинутый майкопцами вокзал в пешем порядке; впереди действовала «лёгкая группа» для наблюдения, за ней — «тяжёлая», вооружённая помимо автоматов большим количеством одноразовых гранатомётов и имевшая большой запас патронов. Небольшой отряд действовал намного эффективнее громоздких колонн: десантники могли просачиваться во дворы, не выдавая себя, и не были скованы в манёвре собственными боевыми машинами.

Десантники сумели внезапно перебить две небольшие группы боевиков и войти на поле боя майкопцев. Чеченцев подвела расслабленность после поражения 131-й бригады: они спокойно перемещались по дворам и привокзальной площади, так что появление новых действующих лиц стало полной неожиданностью. Двоих боевиков, к примеру, застрелили в момент, когда те безмятежно пытались завести брошенный танк. Именно к этой успешно наступающей части особенно активно засылали переговорщиков, предлагавших капитулировать. В частности, к авангарду десантников с таким предложением обратился депутат-правозащитник Сергей Ковалёв. Доводы чеченцев были формально разумными: десантники забрались глубоко в тыл боевиков и находились в полуокружении. Мемориалец А. Черкасов позднее красноречиво подвёл итог дискуссии:

«Для десантников разговоры о том, что им позволят с оружием в руках выйти из города, были не только неприемлемы, но и непонятны»[2].

Лучший комплимент ВДВ вряд ли можно придумать.

Разумеется, в одночасье положение дел радикально не изменилось. Боевики действовали в развалинах довольно умело, используя классическую тактику «удар-отход». Небольшие группы вели хаотичные обстрелы, провоцируя военных раскрыться. Те, чьи нервы не выдерживали, попадали в засады или под прицельный огонь гранатомётчиков и снайперов. Вообще, снайперское искусство, как и многое другое, в Российской армии оказалось заброшено, и это сильно сказалось на деле. Снайперами в большинстве случаев числились обычные призывники. Часто они не проходили никакого отбора и получали СВД в руки довольно случайно. Кто-то из них становился хорошим снайпером «дарвиновским» способом, кто-то погибал. Противодействовать неприятельским стрелкам не умели и регулярно несли тяжёлые потери в попытках изловить прячущегося в развалинах противника. Конечно, существовали части, хорошо подготовленные и эффективно воюющие, но они оказывались заложниками общей ситуации и постоянно воевали «за себя и за того парня», из-за чего несли неоправданные потери.

Одной из кошмарных примет времени стали постоянные удары по своим.

«Каждый второй убитый в полку — убит от огня своих, — рубил в интервью подполковник-мотострелок. — Когда я слышу рёв самолёта — меня просто колотит. Авиация работает преступно плохо. Артиллерия чуть лучше. Любое передвижение по городу — это однозначный огонь своих. А уж если это в тёмное время суток, тут и до расположения своих батальонов можно не дойти»[43].

---

[2] Кавказский плен: Новая волна. http://polit.ru/article/2005/01/11/chech/

К тому же в городе бои обычно шли на сравнительно небольшой дистанции. Боевики целенаправленно пытались «схватить за пояс» военных, а бои в городе в принципе идут на меньшей дистанции, чем в чистом поле, и в этой ситуации плохая выучка пушкарей делала артиллерию опасной для своих едва ли менее, чем для противника. Характерную ситуацию описывал комбат Евгений Сергеев:

> «Когда начали движение, по нам открыл огонь снайпер. Бил, по-моему, с цирка. Я, чтобы долго не мучиться, попросил арткорректировщика, которого нам придали, навести огонь артиллерии на здание цирка и подавить снайпера. И здесь мы на себе почувствовали последствия игнорирования боевой подготовки в мирное время. Первые же снаряды разорвались примерно в двадцати метрах от нас. Тут же я попросил корректировщика сообщить на огневые, что больше ничего не нужно»[33]

Уже пройденные районы приходилось зачищать по нескольку раз. Пришлось, например, несколько дней вести бой за уже занятый ранее больничный городок. В этом штурме участвовали даже остатки 81-го полка и 131-й бригады.

Провалы в боях в немалой степени были обусловлены ужасным состоянием амуниции и проблемами элементарного снабжения. Устаревшие тяжеловесные рации были ненадёжны. Бронежилеты пробивались огнём. На танках отсутствовали блоки динамической защиты. Солдаты находились в чудовищных бытовых условиях, не имея возможности помыться и поесть горячего. Проблемы были даже с питьевой водой. Сражение вели по уши в грязи, покрывавшей густым слоем всё, от одежды до техники, среди постоянно вспыхивающих пожаров и индустриальных руин, с постоянными потерями и ненадёжными успехами.

Группировки «Север» и «Северо-восток» на этом этапе были объединены под командованием Рохлина. Кроме того, в его подчинение перешла часть сил «Востока», что в итоге делало этого генерала ключевым участником штурма. Его достижения малой кровью

в первые дни слишком контрастировали с сомнительными успехами генерала Пуликовского. Был также заменён командующий группировкой «Запад», а войска в Грозном пополнились свежими частями.

С новыми командирами, получив подкрепления, войска снова перешли в атаку. Правда, быстрого успеха не случилось. Рохлинцы несколько дней вели бои за подходы к Сунже и к Институту нефти и газа. 5 января атакующие с востока и северо-востока части захватили переправы через Сунжу, отбили контратаки чеченцев и заняли военный городок, тюрьму и РОВД. В следующую ночь была взята «свечка» — высотка нефтяного института.

«Свечку» взяли спецназовцы 45-го полка ВДВ. Их действия мало напоминали метания колонн под огнём 31 декабря. Спецназ десантников располагал приборами ночного видения и бесшумным оружием. Ночью боевики расслабились и попали под внезапный снайперский обстрел. Многие чеченцы были застрелены, часть дудаевцев покинула здание, внутри осталось только два десятка боевиков. Наутро русские провели демонстративную атаку двумя танками и мотострелками со стороны больницы, а отражать этот псевдоштурм сбежался почти весь чеченский гарнизон. В этот момент штурмовая группа 45-го полка проникла в здание и в течение нескольких часов полностью зачистила «свечку» в ближнем бою. Благодаря налаженной связи с мотострелками и танками, огонь снаружи постоянно переносили на более высокие этажи, чтобы не зацепить спецназовцев. Отряд боевиков был уничтожен, а здание захвачено . Как обычно, нормально подготовленная и оснащённая часть, способная действовать в пешем строю, действовала куда эффективнее, чем формально многочисленные, но необученные толпы с огромным количеством техники.

К сожалению, всего через несколько дней погибли сразу 11 бойцов 45-го полка и несколько солдат из других частей в результате дикой случайности: миномётный огонь противника накрыл зенитную установку с боекомплектом, от взрыва сдетонировали взрывчатка и одноразовые гранатомёты, которые солдаты несли на себе.

Падение «свечки» и кварталов перед Сунжей означало перелом в боях за центр Грозного.

Грозный, 31 марта 1995. Берег текущей через город реки Сунжа. Фото Александра Неменова.

Президентский дворец в качестве главной цели был странным выбором, что отмечали и сами участники сражения, но батальоны постепенно подбирались к этому зданию всё ближе и ближе.

Ключевые события происходили на фронте объединённого «Севера», но на позиции чеченцев нажимали с нескольких сторон. Группа «Восток» после первых боёв проявляла сравнительно мало активности, однако именно она в первых числах января заняла старые военные городки, оставшиеся с советских времён. Там обнаружились солидные запасы техники и оружия. Что интересно, дудаевцы бросили даже ценнейшие ПЗРК и противотанковые установки. Почему всё это не было разграблено боевиками ранее, сказать трудно, но факт в том, что «восточные» уберегли войска от потенциально очень больших жертв. Позднее «Восток» в основном вёл позиционные бои и поддерживал «северян», но на его долю достались свирепые бои в районе трамвайного парка.

Куда драматичнее шли операции группировки «Запад». В Новый год «западники» находились в районе парка им. Ленина, на западной окраине Грозного. Затем десантные подразделения пытались деблокировать майкопцев, но, как описано выше, вошли на вокзал, когда остатки 131-й бригады оттуда уже отступили. Дальше подразделения десантников действовали в районе железной дороги, постепенно захватывая городские кварталы. Они даже обзаводились дополнительными танками, потерянными майкопцами и самарцами. Основную работу солдаты делали ночами, постепенно выбивая боевиков из строений. Это были бои малых групп против таких же небольших отрядов дудаевцев. Однако у русских имелось очевидное преимущество: тяжёлая техника и настоящий тыл. «Вторая битва за вокзал» длилась четыре дня и увенчалась отступлением дудаевцев.

Наступление продолжалось в сторону Президентского дворца. По дороге «западники» взяли под контроль район центрального рынка и прочное здание ДГБ. Резиденцию чеченской «госбезопасности» заняли после жёсткого штурма: сперва танки, поддерживавшие атаку, выпустили по зданию полвагона снарядов и снесли одну из стен, после чего штурмовые группы ворвались внутрь. ДГБ удалось взять малой кровью.

Запас прочности у чеченских формирований не был большим, и начавшийся рост потерь ставил их в опасное положение. Журналист, сидевший на чеченской стороне, замечал, что боевики часто воюют пятёрками, поэтому много примеров, когда потери убитыми в бою составляют ровно пять человек. Бои в причудливом лабиринте развалин приводили к тому, что сражающиеся перемешивались: на одном этаже здания могли находиться русские, на другом этаже — чеченцы. Дома зачищались жестоко и просто: всё, что подавало признаки жизни, забрасывалось гранатами и расстреливалось. Вместо неприятеля легко мог погибнуть мирный житель, но обстановка диктовала правила. Сержант, возглавивший взвод после гибели офицера, объяснял:

> «У меня есть восемнадцать бойцов во взводе — За их жизни я отвечаю. За жизни всех остальных, населяющих эту землю, я не могу отвечать»[52].

Чеченцы продолжали засылать мобильные группы в тыл русским. С ними боролись подтянувшиеся отряды МВД. Зачистки уже прочёсанных руин перерастали в ближние бои. Боевики зачастую пытались прикинуться мирными жителями. Один из таких эпизодов описал участвовавший в нём офицер В. Дмитриев:

> «Под прикрытием тройки прапорщика Орлова проникаю внутрь. За мной подтягиваются остальные бойцы. Из разбитой комнаты попадаем в коридор. За стенкой явно слышны голоса. Все приготовились, врываемся внутрь. Кричу:
> — Бросай оружие!
> Но среди сидящих на лестнице чеченцев никого с оружием нет. Они заявляют нам, что мирные жители, что боевики убежали. Вскоре подходит штурмовая группа и, осмотрев дом, находит много брошенного оружия.
>
> Позже мы поняли тактику боевиков, которые при опасности бросали оружие, представлялись мирными жителями. Тогда, впопыхах, мы даже ни у кого не проверили документы»[28].

Бои не оставляли времени больше ни на что. Один офицер на вопрос журналиста о том, какое сегодня число, ответил, что наступило сорок четвёртое декабря. И пояснил: пока не удалось отпраздновать Новый год, для него всё ещё идёт декабрь.

Десятого января было объявлено о двухдневном перемирии, во время которого дудаевцам было предложено сдать оружие и вернуть пленных. Это требование чеченцы, конечно же, не выполнили. Стрельба не останавливалась и во время «прекращения огня». Эти перемирия, которые никто не соблюдал, стали приметой Первой Чеченской войны.

К середине января в Грозный прибыли сводные отряды морских пехотинцев. На грозненских улицах многие части выступили не лучшим образом, о морпехах же многое говорит один факт: никто из них в Грозном в плен не попал. Как и прочие соединения, морпехи были сводной «сборной солянкой». Подразделения самой морской пехоты имели сокращённый состав, и их доукомплектовывали людьми даже с подводных лодок. Однако по меркам тогдашней армии они были неплохо подготовлены и обладали высоким боевым духом. Взводы, изначально относившиеся к морской пехоте, активно тренировались до войны и становились обученным ядром: пополнение, не умевшее вести пехотный бой, быстро доучивалось более опытными бойцами. Правда, очевидным недостатком батальонов морской пехоты было отсутствие специфических навыков уличного боя. Зато у них было огромное преимущество по сравнению с теми же разбитыми майкопцами и самарцами: батальоны морской пехоты практически целиком состояли из «активных штыков», не привязанных к технике и способных сражаться во дворах и домах.

Морскую пехоту задействовали для штурма комплекса правительственных зданий. Русские с нескольких сторон вышли к центру Грозного.

В ночь с 12 на 13 января была проведена разведка подходов к зданию Совета министров, которое находилось в непосредственной близости от дворца Дудаева. Затем десантники ворвались внутрь. За Совмин шла отчаянная резня, внутри здания начался ближний бой, дудаевцы несколько раз выбивали десантников, но те каждый раз упрямо возвращались, оттесняя боевиков. В конце концов дудаевцев из Совмина выбили. Теперь к контратакам и попыткам ворваться

в здание под огнём перешли уже чеченцы. В ходе этих боёв две трети морпехов были убиты или ранены; парашютисты, совместно с которыми действовали морпехи, также понесли тяжёлые потери. Однако чеченцы постепенно выдохлись, не в силах управиться с подходящими подкреплениями. К тому же, упорно обороняясь на одном месте, они сделали очевидным своё местонахождение. Боевики упорно цеплялись за правительственные здания и постоянно ходили в контратаки. Но бой грудь в грудь с обозлёнными солдатами с их тяжёлой техникой был не лучшей идеей: боевиков вытесняли из прилегающих к дворцу зданий, круша строения всеми видами оружия. В ночь на 19 января дворец был обложен окончательно, а утром разведгруппа морпехов обнаружила, что противник покинул дворец и кроме буквально нескольких боевиков воевать там не с кем (сам Дудаев покинул Грозный задолго до этого). Над дворцом подняли военно-морской и российский флаги, а само здание ещё долго прочёсывали в поисках боевиков и оставленных ими мин.

Президентский дворец поначалу казался просто нелепым фетишем, назначенным сверху в качестве значимого объекта, однако в ходе боёв он действительно превратился в символ упорной обороны города. Отчаянная защита центра Грозного чеченцами сделала его достойным призом.

К боям за дворец и Совмин относится один из спорных моментов грозненской эпопеи, полудетективная история о распятых солдатах. Широкий резонанс эта история получила после выступления Льва Рохлина, заявившего, что во время штурма Президентского дворца боевики выставили в окна убитых русских ради устрашения. Генерал утверждал:

> «Дудаевцы пошли на самый коварный и подлый шаг. Накануне штурма они вывесили в окнах Совмина трупы наших солдат. На это было трудно смотреть» .

Позднее этот тезис с гневом опровергала чеченская сторона, однако на нём активно настаивали российские военные, от лейтенанта Вячеслава Миронова до генерал-майора Батурина:

http://artofwar.ru/m/mironow_w_n/text_0010.shtml, http://newslab.ru/article/143588

«Никто из вас, наверное, не видел, как вывешивали наших раненых в окнах Совмина, а я видел. Никто не показал, что на выбитом углу дворца на металлических балках были подвешены наши пленные. А я видел. Растерзанных людей» .

Нечто похожее изложил журналист Алексей Оверчук:

«— Ты ещё не знаешь, что трупы наших ребят и раненых эти скоты раздевают догола и подвешивают в окнах. А сами из-за них стреляют по нам.
— Этого не может быть!
— Не веришь? Михалыч! — позвал военный. - Ты был на последнем выходе, подтверди.
Подошёл офицер:
— Я лично видел это. Это было при штурме Совмина, в Президентском дворце — такая же х...ня. Так что пиши смело, не бойся, эти скоты ещё и не на такое способны, - он сплюнул и пошёл по своим делам.

Потом и другие офицеры подтвердили мне то же самое» .

С противоположной стороны эпизод яростно отрицается. Противники версии о распятых апеллируют к тому, что они лично ничего подобного не видели, и указывают на отсутствие фото- или видеоподтверждений. Само по себе это, правда, ни о чём не говорит: в середине 90-х фото- и видеоаппаратура встречались редко, да и времени на съёмку особо не было. «Мемориальцы», присутствовавшие на месте действия, также утверждают, что ничего подобного не наблюдали. Отметим, что правозащитники этой организации признают многие преступления боевиков (например, запрет дудаевцев на эвакуацию людей из Грозного, казни пленных и пр.), но случаи распятий они бескомпромиссно отрицают .

Цит. по: http://botter.livejournal.com/83899.html?thread=412091.

http://samlib.ru/o/owerchuk_a_n/front.shtml

См., напр.: https://www.svoboda.org/a/403805.html.

Автор не может точно судить о достоверности слов тех и других участников действа: демонизация противника, как и обеление своих, — на войне встречаются повсеместно. Но несколько очевидных соображений приходят на ум сразу. Во-первых, готовность дудаевцев прикрываться в случае нужды кем угодно общеизвестна; позднейшие события в Будённовске и Кизляре, безусловно, заставляют отнестись к подобным обвинениям серьёзно. Во-вторых, сложно отмахнуться от свидетельств сразу нескольких человек, независимо друг от друга говорящих одно и то же. Вероятно, — хотя это только предположение — люди действительно на какое-то непродолжительное время оказались перед окнами, затем чеченцы сообразили, что может случиться скандал, и российских солдат от окон убрали. Был этот эпизод легендой или же отражал реальность, слухи об этом «тактическом приёме», безусловно, ожесточили солдат ещё больше.

«ДАВАЙ, АТАКУЙ. ИХ МАЛО»
ПАДЕНИЕ ГРОЗНОГО

После падения Президентского дворца боевики отступили за Сунжу, в южную часть Грозного. В этот момент они имели ещё достаточно крупные силы — около пяти с половиной тысяч человек. Они не потеряли боевого духа и были готовы продолжать активное сопротивление. Но сомнений об исходе противостояния в Грозном уже не было. Русские упорно продвигались вперёд.

Эпицентр боёв переместился в район площади Минутка и трамвайного парка. К концу января войска вышли на Сунжу, в начале февраля форсировали реку и начали продвигаться южнее. На этом этапе начало сказываться общее истощение боевиков. Преимущество в тяжёлом вооружении позволяло постепенно перемалывать силы чеченцев. Район Минутки был очищен от противника в первую неделю февраля.

Как ни странно, только на этом этапе командование Объединённой группировки, наконец, озаботилось блокадой Грозного с юга. В начале февраля его начали изолировать от помощи извне. Отсекать чеченскую столицу от остальной территории республики отправилась группировка, основу которой составили два мотострелковых

полка — 324-й и 245-й. Хотя такой манёвр выглядит совершенно естественным, боевики его не ожидали, и наступление южнее Грозного поначалу даже вызывало у чеченцев панику. Это решение было запоздалым, но в конечном счёте принесло успех: в начале февраля под угрозой окружения боевики начали отход из Грозного. Соотношение сил резко изменилось в пользу русских, так что теперь они действовали более уверенно, чем в начале операции.

Сопротивление боевиков заметно слабело. Но закат ещё не означал сумерек: бои непрерывно продолжались, принося новые жертвы и неоправданные потери каждый божий день. Например, в конце января произошёл мощный взрыв в здании школы на окраине Грозного, где располагался батальон военной разведки. Погибло почти полсотни разведчиков, комбат Евгений Сергеев был извлечён из-под завалов тяжело контуженным. До сих пор точно неизвестно, что произошло. Прежде чем занять здание, русские тщательно его проверили на предмет мин и фугасов. Но нельзя исключить подрыва здания боевиками. В качестве альтернативной версии предлагался ошибочный удар собственной артиллерии.

Угроза тылам защитников чеченской столицы быстро дала плоды. Тем более, уже мало что оставалось удерживать: Грозный был превращён в руины двухмесячным штурмом. В феврале активность дудаевцев начала падать. В середине месяца стороны снова заключили перемирие для обмена пленными и уборки трупов. Боевики, разумеется, использовали его для отвода части сил дальше на юг.

Кстати, именно к этому периоду относится один из самых удачных боёв разведывательной роты 166-й мотострелковой бригады. Благодаря журналистам эта рота стала широко известна позже по штурму Бамута в 1996 году. Но её крупнейший успех относится к февралю 1995-го, когда ротой командовал капитан Игорь Баталов. В ночь на 21 февраля разведчики захватили командную высоту на юге Грозного в районе Новых Промыслов и отбили отчаянную контратаку боевиков. Дудаевцы попали в критическое положение и были вынуждены быстро покинуть южные районы Грозного под угрозой полной гибели, а рота Баталова причинила бегущим тяжёлые потери, в том числе за счёт огня артиллерии, вызванной на голову противника. Баталов остался мало кому известным командиром, хотя

его дерзкая операция в пригородах Грозного ускорила падение города и серьёзно потрепала неприятеля[1].

В начале марта последний отряд боевиков под командой Басаева покинул Черноречье, пригород Грозного. 6 марта город пал окончательно.

Грозный представлял собой душераздирающее зрелище. Пожалуй, ничто так хорошо не иллюстрировало максиму: самое страшное после проигранного сражения — это выигранное сражение.

ПИРРОВА ПОБЕДА

С российской стороны с момента начала штурма Грозного по 1 апреля погибло 1426 человек. Подавляющее большинство от этого числа приходится на бои непосредственно в Грозном. Из российской бронетехники за этот период было утрачено 330 единиц, включая 49 танков.

Согласно поимённым спискам, непосредственно штурм чеченской столицы стоил жизни 1356 солдатам и офицерам. Из них 526 человек погибло с 31 декабря по 3 января . Чтобы оценить накал битвы, достаточно сказать, что за всю войну погибло и пропало без вести 5552 человека. Около сотни человек попало в плен, из них до восьмидесяти — в первые дни. Это соотношение — 12–14 убитых на одного пленника — свидетельствует о чудовищном ожесточении боёв.

Несмотря на тяжелейшие условия сражения, солдаты и офицеры, даже будучи окружены без надежды на спасение, часто выбирали путь упомянутого лейтенанта Мочалина, стрелявшего, пока не кончались боеприпасы.

Битва за Грозный стала поистине пирровой победой: армия постсоветской России поставила рекорд единовременных потерь. Который, надеемся, она никогда не побьёт.

Каким бы ни было плохим состояние Российской армии, в огромной степени за катастрофические потери отвечает её командование.

---

[1] См. подробности этой операции, напр.: https://aventure56.livejournal.com/9929.html.

Потери эти провоцировал сам стиль мышления генералов, возглавлявших операцию. Командир отряда спецназа ГРУ Владимир Недобежкин приводит прямо-таки вопиющий случай:

> «Вернулись в Моздок, на базу. А там один из генералов мне и говорит:
> — Плохо отработали!
> Спрашиваю:
> — Почему?
> А он отвечает:
> — Потерь нет. Вот 255-й полк воюет, столько-то убитых, столько-то раненых. Сразу видно, воюют хорошо!»[128]

Он же добавлял:

> «После взаимодействия с мотострелковыми частями сложилось впечатление, что потери личного состава там вообще не воспринимаются. Там воспринимаются только потери техники».

К сожалению, это было не каким-то уродливым исключением, а распространённой практикой. Сохранение жизней бойцов занимало явно не первое место в списке приоритетов российского командования. Борис Цеханович, командовавший батареей противотанковых реактивных установок, приводил следующий диалог со своим непосредственным начальством:

> «Я требовал от своих подчинённых, чтобы они искали позиции боевиков, постоянно вели разведку, наблюдение и уничтожали противника любыми способами и средствами, а не открывали огонь, когда по ним стреляли боевики, как это было во многих подразделениях. Да, тратил дорогие ракеты, когда стрелял по одиночным боевикам. Пару раз меня вызвал командир полка, и у нас происходил примерно такой диалог:

Совещание офицеров 22-й бригады. https://www.youtube.com/watch?v=n7u8nOs9mWo

— Товарищ майор, до меня доходят сведения, что вы своими ракетами стреляете по одиночным боевикам. А вы знаете, сколько стоит ваша ракета?
— Так точно, знаю — легковой автомобиль „Волга".
— Так вот получается, что автомобилем „Волга" убиваете одного человека.
— Товарищ полковник, а если этот боевик из гранатомёта уничтожит наш танк, сколько это „Волг"? Или же убьёт нашего солдата: тут как оценивать жизнь — во сколько „Волг"?

...Как правило, разговор на этом прекращался и меня выгоняли. Зато за батареей официально числилось, с записями в журнале боевых действий полка, 70 уничтоженных боевиков»[1].

С этой порочной психологией, когда ракеты оказывались важнее людей, не покончили полностью и ко Второй Чеченской войне.

Что касается потерь боевиков, их оценить затруднительно ввиду иррегулярного характера их войска. Боевики утверждали о гибели примерно 600 бойцов, но вести детальный учёт они едва ли могли из-за разнообразия своих отрядов, обилия частных дружин и «индейцев». На другом полюсе находятся официальные российские подсчёты. Широким жестом было объявлено о гибели сразу семи тысяч членов незаконных вооружённых формирований. Эти данные, вероятно, серьёзно завышены: учитывая, сколько раненых должно было появиться в рядах боевиков при таких потерях убитыми, едва ли у чеченцев после такого кровопускания имелись бы силы продолжать войну. Реальная цифра чеченских потерь лежит, несомненно, где-то между этими оценками, однако точно подсчитать утраты боевиков едва ли возможно даже для них самих.

---

[1] Борис Цеханович. Рубеж безопасного удаления. http://artofwar.ru/c/cehanowich_b_g/text_1110.shtml

Грозный, 31 марта 1995. Российский солдат осматривает раскопки массовых захоронений погибших жителей Грозного. Фото Александра Неменова.

Жертвы среди мирного населения поддаются подсчёту с ещё большим трудом. Если учёт потерь Российской армии и чеченских боевиков вёлся плохо, то учёт погибших грозненцев не вёлся вообще. Наиболее распространённой оценкой остаётся подсчёт, произведённый правозащитниками центра «Мемориал» при помощи физика Эдуарда Гельмана. Общий результат в 25–29 тысяч погибших гражданских жителей Грозного — на данный момент является преобладающим в скорбном деле учёта жертв . Но эта цифра, как и любые данные, строящиеся на косвенных вычислениях, предельно ненадёжна и, судя по всему, всё-таки сильно завышена.

Грозный был не единственным городом, подвергшимся штурму в конце XX — начале XXI века. Для сравнения, в 2017 году курдское ополчение при поддержке ряда западных стран взяло штурмом город Ракка в северной Сирии, защищавшийся отрядами исламистов. По численности довоенного населения Ракка напоминает Грозный; четырёхмесячный штурм был жестоким и сопровождался массированными ударами авиации по застройке. При этом потери гражданского населения оцениваются в 1,5–2 тысячи погибших. В конце 2004-го американские войска взяли штурмом иракский город Фаллуджа, населённый меньшим, чем довоенный Грозный, но примерно сравнимым количеством людей. Фаллуджу обороняло 3,5–4 тысячи боевиков «Аль-Каиды», т. е., опять-таки, ненамного меньше, чем в Грозном. Взятие города, по данным Красного креста, стоило жизни примерно 800 гражданским лицам. Трудно представить, что в схожих обстоятельствах в Грозном погибли десятки тысяч людей.

Субъективностью и ненадёжностью страдают все оценки потерь грозненцев . Более умеренную и, вероятно, реалистичную оценку содержат подсчёты журналиста Анатоля Ливена — до 5500 убитых . Исследователь Сергей Максудов идёт дальше. Он обращает внимание, что Гельман и правозащитники при анкетировании беженцев исходили из довоенной численности населения Грозного.

---

http://polit.ru/article/2004/02/19/kniga_chisel/

Подробнее о подсчетах потерь в Грозном и вообще в Чечне см.: Александр Бабенышев (Максудов). Арифметика потерь не сходится. https://novayagazeta.ru/articles/2005/12/15/23456-arifmetika-poter-otvety-ne-shodyatsya

http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/254879/

В действительности фактическая численность жителей постоянно уменьшалась ещё до войны. По мнению Максудова, на момент начала уличных боёв в городе оставалось примерно 200 тысяч человек, поровну чеченцев и русских. На основании своих выкладок Максудов оценивает число потерь грозненцев в 1–2 тысячи человек погибшими.

В 2008 году в Грозном была найдена братская могила, содержащая останки примерно 800 человек. По словам уполномоченного по правам человека в Чечне Нурди Нухажиева, эти люди были свезены к христианскому кладбищу в течение 1995 года, причём военные централизованно направляли тела в одно место[1]. Доставка трупов к этому захоронению началась в самом начале января 1995-го. Трудно представить, что при такой постановке дела в массовое захоронение попала лишь 1/25 погибших. Таким образом, восемьсот погибших гражданских лиц в Грозном можно считать оценкой снизу — скорее всего, там погребено большинство гражданских жертв.

Конечно, и 1–2 тысячи убитых — это немало. Но порядок цифр, скорее всего, верен у Максудова, а не у Гельмана. Прочие оценки плавают в диапазоне от менее чем одной тысячи до трагикомических двухсот пятидесяти тысяч жертв, заявленных боевиками.

С тем, что потери населения были огромными, соглашаются единодушно все исследователи. Как любая крупная трагедия, массовое заклание грозненцев произошло по многим причинам. Горожане ещё не были научены горьким опытом горячих точек и не покидали дома до последнего. Во время боёв за Грозный летом 1996 и осенью 1999-го те, кто ещё оставался в этом злополучном городе, начинали по большей части бежать без оглядки, как только чувствовали угрозу. С другой стороны, в 1994 году российская сторона поначалу не озаботилась вопросом эвакуации основной массы населения, а дудаевцы прямо препятствовали выезду тех, кто пытался покинуть этот циклопический крематорий[39]. К тому же все соображения защиты населения были быстро отброшены воюющими. Солдаты видели партизана в каждом встречном, а подвалы зачищались при помощи гранат, если только оттуда заранее не просили о пощаде. Выбора у российских

Огромная братская могила обнаружена в одном из районов Грозного. https://iz.ru/news/427956

солдат особо не было: гуманист, проверяющий, кто находится за стеной, и пытающийся вежливо стучаться в дома, рано или поздно неизбежно получал в награду за благородство очередь в живот через дверь. Обстановка диктовала агрессивное поведение.

Армии как единой системе в боях за Грозный гордиться особенно нечем. Планирование операции было провалено полностью, а её осуществление — ниже всякой критики. Штурм вёлся без учёта состояния своих войск и сил противника, не было создано даже адекватной по численности группировки войск, что для двухмиллионных Вооружённых Сил просто абсурд. У Объединённой группировки попросту не было козырей, которые можно было бы разыграть. Поводы для гордости могут быть лишь у конкретных бойцов и отрядов, которые шли на бой. Умирая сотнями, они, по крайней мере, умирали стоя. Чудовищная фраза Грачёва о смерти с улыбкой на устах, конечно, не имеет отношения к реальности, однако упорства этим измотанным, израненным людям хватало с лихвой. Сомнительное утешение, но трагедии Мочалина, Клупова, Рохлина, Сергеева, Вечканова и других — это трагедии тигров, а не койотов. Именно благодаря стойкости, находчивости и чувству долга солдат и офицеров Грозный всё-таки был взят.

Оказавшись в ужасающих условиях, русские сумели на ходу перестроить тактику боя и постепенно смять оборону дудаевцев, несмотря на провалы логистики и штабной работы. Но подвиг погибших и покалеченных солдат не может и не должен закрывать от общества некомпетентность живых и здоровых руководителей силовой операции. Ситуация, при которой рассчитывать можно только на героизм рядовых и полевых офицеров, делает честь самим бойцам, но является приговором военной организации. Характерно, что события в Грозном не сказались на карьерах Грачёва и Квашнина. Первый сохранил пост министра обороны, второй после первой войны возглавил Генеральный штаб, а в 1999 году получил на грудь звезду Героя России.

Можно ли было провести операцию лучше? Да, безусловно. Можно ли было сохранить сотни жизней бойцов и тысячи жизней мирных людей? Без сомнения. Однако произошло то, что произошло. Как бы ни были велики жертвы, как бы трагически ни завершилась война, солдаты и офицеры Объединённой группировки сделали для своей страны всё, что было в их силах.

Грозный, 25 декабря 1994.
Группа боевиков перебегает под огнём
в Грозном. Фото Александра Неменова.

ГЛАВА 7
ГРЯЗНАЯ ДРАКА

Грозный, февраль 1996.
Местные на фоне остатков Президентского дворца. Фото Александра Неменова.

После взятия Грозного театр боевых действий стал расширяться. Боевики понесли в столице серьёзные потери, но разгромлены не были, так что русским теперь приходилось подавлять упорное сопротивление на чеченской равнине. По мере того как всё новые и новые сёла оказывались под огнём, в войну вовлекались те, кто первоначально лезть в мясорубку не планировал. Чеченский обыватель рассказывал:

> «Методы ведения войны были самые подлые и провокаторские. Бывало, выстрелит боевик из-под забора, из-за угла чужого дома, и спустя буквально считанные минуты, после того как он скроется, тотчас от дома остаются одни только головешки и обгоревшие останки жильцов. Народ, в большинстве своём, не хотел войны. Его принудили воевать такими приёмами. Старались распалить в нём ненависть, развить в нём чувство мести. Воинство Дудаева во многом состояло из уголовников, которые не знали законов ни божеских, ни человеческих»[13]

К сожалению, беспорядок в организации военных действий приводил к тому, что под обстрелом с человеческими жертвами мог оказаться любой аул с мирными жителями. Чеченское общество не было едино в желании сражаться за Дудаева и прочих мини-фюреров. В адрес дудаевцев можно было услышать ласковые определения вроде «отщепенцы, бездельники и дармоеды». Однако массы людей уже не могли остаться в стороне от происходящих событий.

В Чечне процветали грабежи. Хотя в мародёрстве чаще всего обвиняли российских военных (среди которых, разумеется, тоже были грабители), зачастую трудно выяснить, кто именно в том или ином случае оказывался преступником. Например, один из дудаевских полевых командиров откровенно наслаждался процессом:

> «Вообще война весёлое дело. Ешь, пей, гуляй себе. Барахла хоть завались. Тащили всё, что под руку попадёт. Если не могли забрать, то поджигали, чтобы федералам не досталось. А солдаты тоже хороши, — чтобы барахла

не досталось офицерам, они шмотки портили специально»[26].

Правда, этот же удалой разбойник рассказывает и о рисках такой войны: русские могли целенаправленно устроить засаду на мародёров — взять на прицел нетронутый дом и перебить грабителей, когда те явятся за добычей. Случались у чеченцев конфликты и с товарищами по оружию: например, прямо во время боёв с русскими процитированный выше командир ухитрялся сражаться ещё и с отрядом Вахи Арсанова за... склад, набитый дублёнками. Борец за свободу резюмирует свой рассказ советом по военному строительству:

> «Главное — сказать солдату: всё, что добудешь, будет твоё. Это сильнее всяких команд действует. Я по себе знаю. Я столько захватил добра, что у нас дома некуда стало его девать. <...> У меня в батальоне был пацан младше меня, так он купил две квартиры в Аргуне, но этого ему показалось мало. Так он приобрёл ещё две в Грозном. Вообще-то из последней он просто выкинул русскую старушку»[27].

Также для нужд армии чеченцы присваивали частный транспорт. Российские войска пользовались своими машинами, боевики же такой роскоши были лишены и возмещали недостаток техники простейшим способом — отжимали у владельцев[28].

Российские солдаты также зачастую прибегали к таким малопочтенным занятиям, но чаще всё-таки для того, чтобы прокормиться и обеспечить себе минимум бытовых удобств: снабжение армии было ужасным на протяжении всей войны.

Интересно и даже удивительно то, что в первую чеченскую кампанию редкостью был другой типичный бич зоны боевых действий — сексуальное насилие со стороны военных. Правда, и без этого дурного обращения с гражданскими лицами хватало. Армейская дисциплина была низкой, и естественно, что злонамеренный, пьяный или просто перепугавшийся солдат, уложивший гражданского, запоминался местным жителям гораздо сильнее, чем большинство его товарищей, которые этого не делали.

А война шла своим чередом.

Весной 1995-го основные усилия русские сосредоточили на разгроме боевиков в северной части Чечни. Во второй половине марта был окружён и взят Аргун. Буквально через несколько дней пали Гудермес и Шали. Значительные силы дудаевцев были прогнаны из Шали самими жителями, не желавшими себе участи грозненцев. Те, кто не пожелал уходить, были разгромлены.

> «На востоке города, — рассказывал военный об Аргуне после штурма, — частично попадались целые дома, в центре города — одни развалины, а на западе — всё полностью с землёй сровняли. Но нужно немного уточнить. Бомбить Аргун начали намного раньше начала операции — гаубицы и „Грады" фигачили по нему круглыми сутками, начиная с февраля. И насколько я понимаю, большое командование получило по шапке за то, что город был почти стёрт с лица земли. Альтернатива — более высокие потери при штурме — была, по всей видимости, более предпочтительной»[1].

Русские не избежали хаоса и в этих локальных операциях. Так, в феврале произошёл один из самых жутких инцидентов, связанных с «дружественным огнём».

> «Рядом на склоне горы белеет обелиск. Он напоминает танкистам о 23 февраля 1995 года. Тогда комбат майор Кураков и ротный капитан Топорков отправились на своих машинах в разведку вверх по склону горы. Обратно возвращались через позиции 245-го полка. Контрактники, сидевшие в траншее, не были предупреждены об этом и приняли два танка за атаку дудаевцев. Комбата подожгли первым же ПТУРом. Боекомплект сдетонировал, поэтому никого из горящей машины спасать

[1] Из личного архива Дениса Мокрушина (twower.livejournal.com).

не пришлось. Танк Топоркова подбили через несколько минут. Командир взвода охранения танкового батальона выскочил на „восьмидесятке" под огонь своих, прикрыл бронёй ротного, вытащил командира из башни, вколол ему промедол и только потом понял, что спасал мёртвого. Экипаж погиб весь. А лейтенант (к сожалению, записная книжка не сохранила его фамилии) ещё долго маневрировал под огнём пехоты, пока те не разобрались, что к чему»[54].

Этот злосчастный бой описали и с противоположной стороны:

«Пошёл доклад по всем инстанциям, что с горы, которая находится в 2-х километрах от меня и которую занимают боевики, в посёлок Гикаловский спустилось 2 танка и 2 „Камаза", по всем каналам прошла информация, что наших танков там нет и, следовательно, это танки боевиков. В этот посёлок на разведку убыл начальник штаба полка, который тоже не знал, что это за танки. А через несколько минут наблюдатели закричали, что с горы боевиков спускаются ещё танки, началась стрельба со всех сторон, это пехота вступила в бой. Я выскочил на перекрёсток, действительно увидел танки, спускающиеся с горы. Оценил обстановку (я знал, наших танков на горе нет, боя там не было, значит — с тылу к ним наши танки не прорвались, зелёных ракет с их стороны не было, хотя их уже минут 3-5 обстреливала пехота: зелёные ракеты — это значит наши) и принял решение развернуть взвод и принять бой, что я сделал, как всегда, решительно. В течение боя было уничтожено 2 танка и БМП, остальные отступили. Все меня поздравляли, а через час я узнаю, что это были наши танки, соседнего мотострелкового полка,

что погибли: командир батальона, командир роты и ещё около двенадцати солдат. Я хотел застрелиться, но у меня отобрали пистолет. Я потерял рассудок»[1].

Нужно отдать должное мужеству Бориса Цехановича, рассказавшего эту историю: едва кто посмел бы кинуть камень в мемуариста, который опустил бы такой кошмарный эпизод своей военной карьеры.

Однако таких страшных ошибок, как в новогоднюю ночь в Грозном, в весенней кампании всё-таки не допускалось. Города сначала блокировали, занимая господствующие высоты, затем брали штурмом. Офицер Российской армии рассказывал:

«В основном взяли „нахрапом", практически без серьёзного сопротивления со стороны чехов и с небольшими потерями. (Раненых не помню сколько, убито 2 человека, в т. ч. один из командиров взводов, взвод которого пришлось „прицепить" к другому взводу.)

Правда, путаница и неразбериха творилась полнейшая. Не только среди чеченов, но и среди нас. Чеченские и наши подразделения настолько перемешались между собой, что было вообще трудно понять и им, и нам – где свои и где чужие. На наши позиции периодически натыкались мелкие чеховские группы по 2–5 человек, очевидно выдвигающиеся на подмогу к своим.

Один из наших взводников рассказывал, как стрелял ПТУРом по БТРу, отъезжающему в нашу сторону от Гудермеса, будучи в полной уверенности, что он духовский. К счастью, по фронтально движущемуся БТРу первым пуском он не попал, стал заряжать второй. В этот момент водитель БТРа, увидевший разрыв

[1] http://artofwar.ru/c/cehanowich_b_g/text_1110.shtml

неподалёку от себя и, вероятно, не определивший, откуда стреляли, стал поворачивать и повернулся бортом к стреляющему, чему тот обрадовался — попасть легче будет. Спасла пацанов ВВшная эмблема, нарисованная на борту, которую увидел мой однокашник в прицел ПУ ПТУР».

Тот же военный рассказывал о захвате высот вокруг Гудермеса:

«Нохчи были близко совсем, но имели неудобную позицию — стреляли снизу вверх и меньше имели возможность укрыться. Орали там чего-то типа „Ваньиа сдавайса! Пыз...ц твой прышол!" Психологическое давление, в общем, оказывали. Им отвечал мой замок — личность очень колоритная и харизматичная — здоровый деревенский малый, без одного зуба впереди — начал, в общем, чего-то заворачивать про их мам и жён. Мне не передать. Колорит пропадёт. Некоторое время чехи попытались согласованно одновременно ломануться на высоту (вообще — молодцы, храбро пёрли), но натыкались уже на согласованный огонь стрелкового оружия. В общем, потеряв убитыми человека 3-4 и несколько человек ранеными, чехи отказались от намерения взять высоту и отступили. Возможно, потери были другими — трупов чехи забирали с собой, бросили только два самых ближних к нам. Им к ним уже не подойти было просто»[1].

Поначалу боевики пытались контратаковать высоты вокруг Гудермеса. Но геройская гибель в их планы не входила, поэтому вскоре, не дожидаясь окончательного замыкания кольца, дудаевцы отступили.

В марте началась осада Бамута в западной части Чечни, но нехватка сил и неудобный рельеф местности не позволяли быстро взять село.

---

[1] Из личного архива Дениса Мокрушина (twower.livejournal.com).

В его окрестностях находился заброшенный военный городок советской ракетной части с прочными бетонными сооружениями, но, вопреки распространённому мнению, особой роли в обороне Бамута эти сооружения не играли — были слишком неудобно расположены, чтобы использовать их как укрытие. Тем не менее, на подходах к Бамуту российские атаки забуксовали. В апреле войска попытались взять село штурмом, но неудачно. На подступах к селу бронетехника начала подрываться на минном поле. Отряд спецназа попытался обойти Бамут и втянулся в бой на Лысой горе — высоте, не давшей никакой пользы, но стоившей тяжёлых потерь. Как это часто бывало, пехота не смогла действовать слаженно с артиллерией и авиацией, и только личное мужество военнослужащих позволяло смягчать последствия плохого планирования боевых действий[1].

После неудачного апрельского штурма русские взяли Бамут в осаду, оставив основную работу артиллеристам и лётчикам. Попытки ворваться в село в ближайшие месяцы были довольно вялыми. Потери боевиков в перестрелках на окраинах и под артиллерийским огнём традиционно трудноопределимы, однако в ходе осады последовательно погибло два чеченских коменданта села.

Проблема этого периода войны состояла в том, что боевики постепенно переходили к партизанской тактике действий. Когда они пытались вести «классическую» войну с линией фронта и опорными пунктами — всякий раз несли большие потери. Почти вся тяжёлая техника дудаевцев в этих боях была быстро уничтожена или брошена (так, последние танки были захвачены под селом Элистанжи в июне). Засадные же действия позволяли им добиваться успехов с приемлемыми потерями.

Российская армия к партизанской тактике противника оказалась не готова. Продвигаясь, она не уделяла должного внимания контролю территории, так что боевики имели возможность возобновлять войну в уже, казалось бы, очищенных районах. Например, летом 1995-го на рынке в Грозном был обнаружен труп российского солдата со следами прижизненных пыток. Или, скажем, после взятия Шали там даже не разместили гарнизон, ограничившись редкими патрулями[2].

Подробно этот бой описан, в частности, в материале Бориса Карпова «Это было в Бамуте, на Лысой горе»

Изумлённый Анатоль Ливен описывал, как он ездил по центру Шали после

Грозный, 1 апреля 1995. Российские солдаты, закончившие службу в Чечне, в ожидании вылета домой. Фото Александра Неменова.

АНАТОЛИЙ СЕРГЕЕВИЧ КУЛИКОВ, ГЕНЕРАЛ АРМИИ

Фото Александра Неменова

дата рождения	место рождения
04.07.1946	п. Айгурский, Ставропольский край

- В 1966 году окончил Орджоникидзевское училище Внутренних войск.
- Служил во Внутренних войсках Советского Союза.
- В 1990 году окончил Военную академию Генерального штаба.

- В 1992–1995 годах — командующий Внутренними войсками России.
- Участник подавления осетино-ингушского конфликта 1992 года.
- Принимал активное участие в вооружённом противостоянии Верховного Совета и президента осенью 1993 года на стороне президента Ельцина.
- В феврале-июле 1995 года командовал Объединённой группировкой войск в Чечне.
- В 1995–1998 годах — министр внутренних дел России.
- В 1999–2007 годах — депутат Государственной Думы.

Не прекращались засады на войсковые колонны и обстрелы блокпостов в тылу. Война приобретала затяжной характер. Тем не менее, боевики чувствовали себя уже недостаточно уверенно. В конце марта Масхадов пытался организовать переговоры с недавно возглавившим Объединённую группировку генералом МВД Анатолием Куликовым, однако получил отказ.

Война быстро приобретала всё более уродливые черты. При отсутствии контроля озверение происходит быстро. Бои в городах и сёлах вели к большим жертвам среди населения и вовлекали в спираль насилия всё больше людей. Воюющие привыкали к жестокости, которая постепенно обрела своеобразную чудовищную утончённость. Эта жестокость зачастую впрямую поощрялась как способ поднять боевой дух товарищей и запугать противника. Впрочем, целенаправленные усилия играли меньшую роль, чем стихийное массовое опьянение войной. Один из боевиков рассказывал:

> «...Война, конечно, была жестокая. Бойцы нашего батальона никогда не брали русских в плен. И даже раненых непременно добивали. Были и среди нас живодёры, которым доставляло удовольствие резать пленных российских солдат, вырезать им внутренности. Я этого никогда не делал, потому что мне это было противно, как было бы противно резать свинью. И вообще, живодёров не любило большинство ребят. Они осуждали их.
>
> А однажды, когда наш командир увидел, как только что у расстрелянного солдата затесавшийся к нам угрюмый немолодой мужик Шахри стал вырезать внутренности, то собственноручно застрелил его перед батальоном. Потом, правда, выяснилось, что угрюмый мужик прибился к нам из дурдома. Вообще-то разные там были люди. Я думаю, что мы за войну озверели»[2].

его «взятия» с местным полевым командиром. Для маскировки тот принял чрезвычайно серьезные меры – сбрил бороду.

ЧЕЧЕНСКАЯ ВОЙНА В МИНИАТЮРЕ. ШТУРМ САМАШЕК

В апреле 1995 года состоялось небольшое сражение за село Самашки в западной части Чечни. Сама по себе эта операция не была грандиозным военным событием, но получила широкий общественный резонанс. Борьба за Самашки высветила ряд типичных морально-этических проблем, с которыми сталкивались солдаты и офицеры Чеченской войны.

Во время декабрьского марша к Грозному Самашки были обойдены и избежали штурма со всеми его сомнительными радостями. Весной русские до села добрались, 7–8 апреля взяли штурмом и зачистили.

Далее сведения начинают расходиться. Версия, которую можно назвать «чеченско-правозащитной», исходит из того, что боевики покинули Самашки, после чего федералы ворвались в беззащитное селение и устроили резню, перебив массу мирных жителей. Пресса соответствующего направления проводила параллели ни много ни мало с трагедией села Лидице[1]. Российская сторона эти обвинения отвергает и настаивает, что потери жителей села — результат сопротивления боевиков в сражении.

Во время боёв за Грозный район Самашек нельзя было назвать тихим местом. Так, 30 января неподалёку от села была обстреляна колонна морской пехоты, погибли четыре человека. По крайней мере одна БМП сгорела от попадания из гранатомёта, когда с неясной целью попыталась без прикрытия въехать в село. Вероятно, экипаж просто заблудился и свернул на свою беду не туда. Старейшины села во всех случаях заявляли, что запретили местным жителям наносить удары по российским войскам. Как несложно догадаться, если аксакалы и увещевали односельчан, их призывов никто не слушал: бои вспыхивали постоянно, хотя и не отличались размахом. На подступах к Самашкам уничтожалась бронетехника, а местный отряд боевиков минировал окрестности. Характерно, что позднее Самашки провозглашались мирным селом, но при этом американский журналист Томас Гольц азартно описывал храбрость отряда боевиков в Самашках, их талант в борьбе с БТРами и изобретательность в изготовлении фугасов [56]

Село в Чехии, во время Второй Мировой войны уничтоженное нацистами вместе со всем населением.

АНАТОЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ РОМАНОВ, ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК

Фото пресс-службы Росгвардии

дата рождения	место рождения
27.07.1948	д. Михайловка, Башкирия

- В 1972 году окончил Саратовское училище МВД. Остался на преподавательской работе.
- С 1984 года командовал подразделениями Внутренних войск.
- В 1993 году активно участвовал в конфликте между Верховным Советом и президентом России на стороне

президента Ельцина. Руководил разгромом парламентаристов 4 октября у Белого дома в Москве.

- Возглавлял группировку Внутренних войск в Чечне.
- С июля 1995 года — командующий Объединённой группировкой войск в Чечне.
- Участвовал в переговорах с чеченской стороной.
- 6 октября 1995 года крайне тяжело ранен при взрыве управляемого фугаса возле площади Минутка в Грозном. Впал в кому.
- В 1995 году удостоен звания Героя России, освобождён от всех должностей по состоянию здоровья.
- К 2021 году остаётся инвалидом, почти полностью парализован и утратил речь.

К апрелю войска начали операцию по истреблению осиного гнезда в районе Самашек. Операцию проводили подразделения МВД – Внутренние войска, ОМОН и СОБР. 6 апреля русские окружили Самашки, и генерал Романов, возглавлявший зачистку, потребовал у жителей села сдать 264 автомата и БМП. По заявлениям чеченской стороны и «Мемориала», всего этого в селе не имелось. Между тем русские имели на руках полученный по агентурным каналам пофамильный список людей с оружием — как раз около 270 человек [57]. Как минимум одна российская БМП была подбита на окраине села ранее, так что требование, касающееся боевой машины, тоже не выглядит надуманным. По словам «мемориальцев», боевики село покинули, однако, по их же утверждениям, в Самашках оставался отряд примерно из 40–50 вооружённых местных жителей. Именно столько автоматов пообещали сдать старейшины. На поиски оружия они попросили аж три дня. БМП, по их словам, в селе не было вообще. После того как старейшинам предъявили список вооружившихся, те заявили, что все указанные персоны разъехались и никого из них сыскать в селе нельзя. Проверка паспортов, по утверждениям старейшин, противоречила менталитету чеченцев. Переговоры зашли в тупик. Глава администрации Самашек совместно с военными предложил жителям выезжать из села, и вскоре оттуда потянулся гражданский транспорт. Некоторых мужчин, показавшихся подозрительными, задержали и отправили на фильтрацию.

Начало драмы Самашек — показательная для партизанской войны ситуация. Боевики прячутся среди населения и даже в значительной части относятся к местным жителям. Данные разведки могут быть ненадёжны. В то же время у Романова имелась задача «пацифицировать» Самашки, не допустив чрезмерных потерь. Судя по поведению генерала, он действительно хотя бы поначалу старался обойтись без массовых жертв. Какие у него были основания верить хотя бы одному слову старейшин? Наличия в селе вооружённых людей не отрицали и сами аксакалы. Пятьдесят автоматов у местной «самообороны», безусловно, не тот арсенал, на поиски которого необходимо тратить три дня. До сих пор Самашки использовались боевиками как база, — это не подлежало сомнению. Погибшие на подступах солдаты и сгоревшая бронетехника позволяли считать тезис о мирности села исходно лживым. Тем более, старейшины были предупреждены, что любое сопротивление будет подавлено. Все эти обстоятельства предопределили решение о зачистке грубой силой.

Ещё до начала боя на подходах к селу подорвались на минах танк и два БТР. В то же время солдаты Софринской бригады ВВ захватили языка, но вскоре выяснилось, что тот по национальности русский, а по социальному статусу раб. Бывшего невольника отправили в тыл.

Поездки старейшин на переговоры и выход людей из села шли нервно и сопровождались обстрелами. Потери были минимальными или отсутствовали — вероятнее всего, пальбу вели, чтобы людей напугать и заставить вернуться в село (многие вернулись). Российские военные заявляли, что стреляли боевики, причём их версия впоследствии подтверждалась названными по именам свидетелями[1]. «Чеченско-правозащитная» версия, разумеется, возлагает ответственность на военных. Позднейший исследователь Сергей Максудов, к слову, задаёт по этому поводу вполне резонный вопрос: если людей обстреливали военные, почему за считанные часы до этого Романов распорядился о выходе жителей из села?[2] Мотив боевиков, напротив, был прозрачным: гражданские в селе неизбежно сковывали солдат.

Ближе к вечеру 7 апреля начался миномётный обстрел села, а затем «вэвэшники», омоновцы и собровцы пошли в бой. Что характерно, по данным агентства «Чечен-пресс», в мирном селе всё-таки действовали «чеченская гвардия» и ополчение. Посёлок штурмовало около 350 российских силовиков. Сколько чеченцев защищалось внутри, сказать сложно, по оценке МВД — около 300 человек. Однако сомнительно, чтобы такой отряд был быстро выбит из села без активного применения артиллерии и авиации.

Штурмовые группы почти без боя заняли восточную часть Самашек, но в центре столкнулись с сопротивлением чеченцев. Русским давала преимущество тяжёлая техника (танки и БТР), к тому же решение войти в село вечером оказалось правильным: для неприятеля, привыкшего, что солдаты по темноте не воюют, штурм оказался внезапным. Тем не менее бой на улицах длился до ночи, и русские потеряли как минимум один танк. Что характерно, боевая машина подорвалась на фугасе, установленном во время ожидания сдачи

---

[1] Данные парламентской комиссии под руководством Станислава Говорухина. Приводятся, в частности, в книге Сергея Максудова

в соответствии с ультиматумом. Во время штурма, по словам солдат, боевики регулярно пытались вклиниваться между штурмовыми группами, чтобы спровоцировать огонь по своим — правда, без особого успеха.

Вообще, описание боя в изложении российских военных производит впечатление не действий сельской самообороны, а довольно разумного сопротивления. Не обошлось и без полевой трагикомедии — выпрыгнувший в темноте под стволы штурмующих чеченец на вопрос «Кто такой?!» крикнул в ответ: «Эй, я ОМОН, слюшай!»

Штурм заканчивался в свете осветительных авиабомб. Прибывший за тяжелоранеными вертолёт из-за темноты так и не смог сесть, что стоило некоторым солдатам жизни. В общей сложности русские при штурме потеряли 17 человек убитыми и умершими от ран, согласно поимённым спискам [53]. По данным парламентской комиссии, в общей сложности было разрушено около пятидесяти домов и погибло три десятка мирных жителей Самашек. Данные о потерях боевиков крайне противоречивы — от четырёх человек до более чем сотни убитыми.

На следующее утро началась зачистка села. По словам местных жителей, она проходила крайне жёстко — солдаты избивали и задерживали жителей, обстреливали дома из пулемётов, забрасывали гранатами помещения с людьми. Правда, опять-таки неясно, в какой мере действия военных были вызваны вооружённым сопротивлением. К тезису о том, что в этот день не было никаких боестолкновений, приходится отнестись со скепсисом: он исходит от тех же людей, которые утверждали, что и днём раньше никакого боя не было и вообще в селе не имелось боевиков. Как минимум, один солдат ОМОНа перед парламентской комиссией утверждал, что участвовал в бою именно 8 числа и в его части были раненые [13].

По данным «Мемориала», в Самашках погибло 90 мужчин и 13 женщин; доля боевиков среди них неизвестна, но, несомненно, они составляют заметную часть. Некоторые российские источники в частном порядке утверждают, что правозащитникам просто показали могилы умерших по естественным причинам (не только до боя, но даже до войны) и выдали за свежие жертвы. В Моздокский фильтрационный пункт было доставлено 83 человека, из которых

65 отпущены, как невиновные. Ещё один отправился в больницу, пятерых передали правоохранительным органам для дознания и двенадцатерых обменяли на пленных российских солдат[1].

Вскоре после занятия села события в Самашках сделались предметом ожесточённой дискуссии и политических спекуляций. Пресловутый «Чечен-пресс» изложил душераздирающую историю о расстреле нескольких десятков стариков, вырезании сердца юноши, отрезании голов и прочих зверствах, взятых, судя по стилю памфлета, из фильмов ужасов категории «Б». Однако от данных серьёзных правозащитных организаций просто так отмахнуться было уже нельзя. Вскоре в Самашки отправилась парламентская комиссия под руководством Станислава Говорухина. Позднее офицер разведки Александр Березовский описывал поведение депутата в селе:

> «Говорухин общался с жителями села. Порой при этом он удалялся от нас настолько далеко, что заставлял беспокоиться о его безопасности. Возможно, он делал это преднамеренно, полагая, что чеченцы вдали от нас будут откровеннее. Излишняя предосторожность — наше присутствие их не слишком смущало. Несмотря ни на что, Говорухин показался мне человеком довольно отважным».

Выводы комиссии Говорухина состояли в том, что разрушения в Самашках были вызваны боем, не носят всеобъемлющего характера и в целом село пострадало в тех пределах, в каких оно и может пострадать в результате военных действий. Грандиозных разрушений в селе депутат не обнаружил.

Выступление Говорухина в Думе по поводу событий в Самашках было резко раскритиковано одним из его коллег, г-ном Шабадом, заявившим следующее:

---

[1] Сергей Максудов даёт альтернативную раскладку потерь: 33 убитых боевика и 42 погибших мирных жителя, в том числе 10 мирных жителей — в ходе зачистки. Подробнее: http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0441/biblio04.php.

«Эта операция планировалась с целью поголовного уничтожения мужского населения, которое попадалось под руку. Не всё село, но на тех трёх-четырёх улицах, по которым прошли каратели, всё мужское население было либо уничтожено, либо интернировано под видом заложников»[1].

Такое мощное заявление ощутимо контрастирует с тем фактом, что основная масса задержанных для фильтрации жителей была вскоре отпущена. Да и в целом «поголовное уничтожение» в пределах трёх улиц выглядит странно.

Ещё интереснее выглядит версия правозащитника Александра Черкасова, согласно которой Говорухин, «творческий человек», воспринимал только ту информацию, которая укладывалась в его картину мира, и, так сказать, волевым усилием заставил себя «развидеть» чудовищные преступления военных[2].

Трагедия села ярче осветительной бомбы показывает ряд проблем, возникавших перед русскими военными в Чечне. Самашки, безусловно, в ходе боя серьёзно пострадали, а среди погибших и раненых оказались и мирные жители. Между тем мотивы суровых и даже жестоких действий солдат лежат на поверхности. Операция прошла после нескольких месяцев нападений на военных в окрестностях Самашек и в самом селе. Старейшины долго убеждали командование силовиков в том, что село мирное. После этого российские солдаты столкнулись внутри Самашек с активным сопротивлением и понесли серьёзные потери. 17 убитых и уничтоженный танк слишком резко контрастировали с рассказами о мирном населённом пункте. Исходя из результатов боя 7 апреля было бы удивительно, если бы на следующий день по Самашкам шли с лавровой ветвью. Обмен дюжины захваченных в селе чеченцев на пленных русских говорит о том, что подозрения в укрывательстве боевиков не были беспочвенными. Обычай боевиков выдавать себя

---

[1] http://api.duma.gov.ru/api/transcriptFull/1995-04-19 — хроника заседания Государственной Думы 19 апреля 1995 г.

[2] Лабиринт отражений. http://www.polit.ru/article/2004/11/26/chech/

за мирных жителей был уже общеизвестен. Понятно желание жителей защитить от пленения и возможной казни своих односельчан. Но солдатам от этого было не легче. В ситуации, когда из любого дома мог начаться обстрел, а доверие было уже много раз обмануто, военные, конечно, предпочитали лишний раз бросить гранату в комнату, прежде чем войти в неё, или в профилактических целях разнести огнём показавшееся подозрительным окно. Утверждения «мемориальцев» о заведомом отсутствии боевиков в разгромленных помещениях выглядят просто нелепо: «заведомое» отсутствие боевиков в селе днём ранее вылилось в кровопролитный бой. «Дипломатические» усилия старейшин в конечном счёте привели к тому, что вера самашкинцам пропала полностью, а штурмовавшие были настроены истребить не только явно сопротивляющихся, но задавить огнём в зародыше любой намёк на неповиновение. Прятки среди обывателей, безусловно, облегчают жизнь партизанам. Однако эта палка имеет два конца, и в тот апрельский день она тяжело ударила по жителям Самашек.

Подробности событий в Самашках с точки зрения отечественной правозащиты изложены в докладе общества «Мемориал» — «Всеми имеющимися средствами»[1]. Подробное изложение российской версии событий можно прочесть в статье Александра Березовского «От Самашек до Бачи-Юрта», автор непосредственно участвовал в бою за Самашки[2].

Наконец, доступна в Сети стенограмма заседания Госдумы от 19 апреля 1995 года, значительная часть которой посвящена докладу Станислава Говорухина[3].

Кроме того, отдельную главу разбору случившегося в Самашках посвятил исследователь Сергей Максудов в книге «Чеченцы и русские: победы, поражения, потери»[4].

---

[1] https://memohrc.org/ru/reports/vsemi-imeyushchimisya-sredstvami-operaciya-mvd-rf-v-sele-samashki-7-8-aprelya-1995-goda

[2] http://otvaga2004.ru/voyny/wars-ussr/wars-caucas/ot-samashek-do-bachi-yurta/

[3] http://api.duma.gov.ru/api/transcriptFull/1995-04-19

ДОГОВОРИТЬСЯ С БАЦИЛЛОЙ

В апреле, когда по всей Чечне громыхали бои, неожиданно было объявлено о начале переговоров, и с конца апреля по середину мая военные действия приостановились. Идея перемирия принадлежала Ельцину, поскольку продолжение боевых действий, как считали в Кремле, может привести к срыву визита в Россию западных политиков на празднование 9 мая. На практике эта идея означала двухнедельный таймаут, в котором нуждались в первую очередь боевики, сильно истощённые прессингом российских войск в последние месяцы. Сами они, конечно, не собирались соблюдать перемирие. «Прекращение огня» нарушалось около ста семидесяти раз, русские потеряли за это время почти сорок человек погибшими и более двухсот ранеными. За время «перемирия» дудаевцы даже сбили штурмовик[1].

Во время переговоров дудаевцы откровенно валяли дурака. Когда генерал Геннадий Трошев явился для встречи с Асланом Масхадовым в один из аулов, тот начал с заявления, что обсуждать что-либо начнёт только после вывода российских войск с территории Чечни[32]. Трошев уехал, не добившись ни малейшего результата. Интересно, что ранее Масхадов, пытаясь приостановить боестолкновения, выступал с воззваниями к российским военным «как офицер к офицерам».

Впрочем, на тот момент боевикам паузы в боевых действиях помогали мало. Как только «перемирие» прекратилось, наступление русских сразу продолжилось. Паровой каток регулярной армии действовал медленно, но неуклонно. Хотя зачистка равнинной части Чечни далась войскам тяжело, армия продвигалась вперёд, не допуская трагедий вроде новогоднего штурма. Некоторые операции и вовсе выглядели эффектными и красивыми. Примером яркого успеха стал штурм цементного завода в Чири-Юрте — небольшом (около пяти тысяч населения) посёлке на выходе из Аргунского ущелья. Крупный цементный завод вырос при посёлке в 70-е годы, и для промышленно бедной Чечни это был настоящий индустриальный гигант, крупнейший на Северном Кавказе. С началом войны

«Грач» был сбит из крупнокалиберного пулемёта в районе села Беной, пилот погиб. http://tass.ru/info/4928100

он работу прекратил, тем более что из села уехали русские специалисты. Теперь посёлок требовался русским для того, чтобы войти в Аргунское ущелье, а чеченским отрядам — чтобы сохранить свои базы в горах. Местные старейшины не горели желанием подвести односельчан под огонь «Градов» и вертолётов, поэтому договорились с боевиками, среди которых тоже было много местных жителей, о выходе из села. Об этой договорённости сообщили русским, и в отличие от Самашек, здесь старейшины не темнили, поэтому посёлок пострадал мало. Однако теперь российским войскам предстояло решить новую задачу. Боевики, числом около двухсот человек, окопались в промзоне. Чири-Юртовский цементный завод представлял готовую крепость — крупные каменные строения давали приличную защиту от огня. К тому же, имея массу готового стройматериала, боевики усилили его импровизированными огневыми точками. При этом чеченцы располагали восемью миномётами, приличным количеством противотанкового и тяжёлого пехотного оружия и даже некоторым количеством бронетехники.

В марте и апреле к заводу уже подступались мотострелки, но каждый раз сталкивались с организованным сопротивлением и отходили, не желая нести высокие потери. Теперь, в мае, главной ударной силой стали десантники 108-го полка при поддержке мотострелков, артиллерии и танков. Возглавлял операцию офицер ВДВ, — известный в наши времена каждому, а тогда ещё не столь знаменитый — Владимир Шаманов. Крутой и суровый полковник в марте получил должность командира оперативной группы 7-й десантной дивизии и теперь должен был оправдать доверие.

Шаманов начал в своей прямолинейной, но действенной манере — с обстрелов, прижавших неприятеля к земле и причинивших тяжёлые разрушения заводу. Пока ревела канонада, Чири-Юрт заняли мотострелки, блокировавшие завод. У северо-восточной стороны промзоны десантники вместе с танковой ротой демонстративно готовились к штурму. В минных полях, загодя установленных боевиками, при помощи инженерных боеприпасов пробивались проходы. Однако все эти пиротехнические эффекты и гром пушек требовались только для того, чтобы прикрыть приготовления к настоящему штурму.

Грозный, 18 июля 1995. Российские солдаты на броне.
Фото Александра Неменова.

PTUNE

Чири-Юрт, 21 мая 1995.
Российский танк входит в посёлок.
Фото Александра Неменова.

Чири-Юрт, 21 мая 1995.
Индустриальная война — российский солдат на развалинах захваченного цементного завода. Фото Александра Неменова.

Спокойных дней не было, перестрелки происходили каждые сутки. Избежать трагедий, к сожалению, не удалось. 19 мая загорелась САУ, стрелявшая по заводу. Рядовой Валерий Иванов отогнал её с огневой позиции, чем спас много людей, но сам погиб при взрыве установки. Между тем до решающей атаки оставался всего день.

20 мая в 4 утра отряд ВДВ без артподготовки пошёл на приступ. Разведрота десантников прокралась с запада и подошла к заводу между посёлком и промзоной. Под её прикрытием развернулась настоящая кавалерийская атака — преодолев Аргун, к заводу на полной скорости двинулись сразу сорок БМД с солдатами. Спешившись, десантники пошли на штурм заводских строений.

На руку русским сыграло то обстоятельство, что многие боевики, не желая ночевать между каменных обломков и разбитых карьерных самосвалов, уходили спать в сам Чири-Юрт. Атака с неожиданной стороны привела к тому, что многие из них просто не попали на свои позиции — для этого им пришлось бы пробежать мимо наступающих десантников. В 7:30 завод полностью перешёл в руки русских. С нашей стороны не погиб ни один человек, с неприятельской полегли замешкавшиеся и не успевшие бежать.

Чири-Юрт не стал местом грандиозного сражения, однако стал примером действительно эффективной операции. А главное — задачу удалось выполнить полностью без потерь.

В мае началось наступление уже на южные районы Чечни. В первой половине июня пали Ведено, захваченный быстрым ударом с двух сторон, и Шатой. Бои за эти аулы были упорными, но после их потери дудаевцы оказались оттеснены в горы. Боевой дух наступающих заметно возрос. Мятежники же на фоне тяжёлых потерь начали самостоятельно «демобилизовываться» и расходиться по домам до лучших времён. «Голосование ногами» против войны позволяло надеяться на скорый разгром основных сил боевиков и постепенное добивание партизан.

Однако в июньские дни 1995 года случилось событие, радикально изменившее обстановку в Чечне.

ВРЕМЯ ПРЕЗРЕНИЯ. ТЕРАКТ В БУДЕННОВСКЕ

Захват заложников в Будённовске отрядом Шамиля Басаева изменил весь ход войны в Чечне. Кроме того, он стал, быть может, наиболее травмирующим для российского общества событием десятилетия. Впервые война разыгрывалась не где-то на национальной окраине, а в тихом провинциальном городишке. К тому же действия террористов отличал поистине ассирийский уровень жестокости. В июне 1995-го в Будённовске были отброшены все заповеди, нормы и представления о человечности.

К этому времени положение боевиков стало шатким. Из равнинной части Чечни они были в основном выбиты, война поглощала боеприпасы и снаряжение, потери продолжали увеличиваться. Российские войска продвигались в глубину Чечни медленно, но неуклонно. Всё это вызвало в рядах чеченцев упадок духа. Дудаевцам требовалось некое новое решение, позволяющее переломить ситуацию и остановить войну хотя бы на время. Решение было найдено.

Использование заложников не было для боевиков чем-то новым. Шамиль Басаев успел ещё до войны захватить самолёт в Минеральных Водах. Уже во время войны, 27 мая 1995 года, Руслан Гелаев объявил, что будет казнить пленных в случае продолжения бомбардировок Шатойского района, и действительно казнил несколько человек[32]. Среди убитых был подполковник Зрядний, попавший в плен ещё во время новогоднего штурма Грозного. Однако это могло иметь только локальный эффект. А вот массовый захват заложников — гражданских лиц — действительно мог принести боевикам нужный результат. Басаев уже знал, в том числе по собственному опыту, что такие акции действуют обезоруживающе. Россия познакомилась с терроризмом ещё в 80-е годы, но тогда террористы практически всегда задерживались или уничтожались, а заложники оказывались на свободе. Однако в начале 90-х, когда политическая система и силовой блок разладились, террористам часто удавалось добиться своих целей.

Впоследствии Басаев утверждал, что якобы нацеливался на Минеральные Воды и даже на Москву. Часто террористам приписывается план захвата самолёта в Минеральных Водах с последующим полётом в столицу. Этот план выглядит не просто вычурно, но и едва ли исполнимо: неясно, где в Минеральных Водах нашли бы самолёт такой

грузоподъёмности, что он выдержал бы две сотни боевиков, оружие, боеприпасы, да ещё и заложников. К тому же трудно понять, что боевики делали бы в Москве, даже если бы им удалось туда добраться. Более реалистичным выглядит предположение о планах захвата заложников в самих Минеральных Водах. Отряд Басаева выглядел бы очень странно в роли захватчиков самолёта, но вот захватить сам аэропорт — другое дело. Тем более, в аэропорту Минеральных Вод Басаев бывал именно для совершения теракта (самого первого в своей карьере захвата самолёта) и неплохо его знал. В пользу этой версии говорит ещё один факт — к Будённовску басаевцы в итоге свернули, уже оставив было его в стороне.

Нападение на Будённовск было проведено уж очень чётко и аккуратно. Можно предположить, что этот городок на Ставрополье был если не изначальной целью, то присутствовал, по крайней мере, в запасном плане Басаева. По некоторым сведениям, чеченская диаспора была предупреждена о необходимости заранее покинуть городок[1].

Основной отряд боевиков во главе с самим Басаевым собирался в посёлке Новогрозненский. Туда поодиночке и мелкими группами стягивались хорошо показавшие себя ранее боевики. Отряд в 195 человек располагал транспортом и был отлично вооружён.

Драма начала разворачиваться в ночь на 14 июня. Небольшая колонна из трёх «Камазов» и легковушки, замаскированной под милицейскую, выехала к Будённовску. В легковушке ехали боевики, переодетые милиционерами; кстати, один из них, Абу Мовсаев, до войны действительно служил в милиции. На ближайшем посту ГАИ басаевцев пропустили без досмотра: поддельные милиционеры заявили, что вывозят из Чечни тела погибших солдат. Басаев позже бравировал рассказами о том, как он подкупал милиционеров, однако расследования на эту тему результатов не дали: похоже, заявления о перевозе «груза 200» оказывали на милицию более серьёзное воздействие, чем взятки. Однако неподалёку от Будённовска более бдительные, чем обычно, милиционеры остановили колонну и попытались досмотреть грузовики. Боевики не позволили настырным инспекторам заглянуть в кузов, но согласились проехать к РОВД Будённовска для «объяснений».

---

[1] http://www.agentura.ru/library/spetsnaz50/budennovsk/

ШАМИЛЬ САЛМАНОВИЧ БАСАЕВ

Фото Натальи Медведевой

дата рождения	место рождения
14.01.1965	с. Дышне-Ведено, Чечня

- В 1983–1985 годах проходил срочную службу в Советской армии.
- Безуспешно пытался получить высшее образование. До 1991 года занимался низкоквалифицированным трудом.
- В 1991 году вступил в вооружённый отряд при Общенациональном конгрессе чеченского народа. Участвовал в захвате здания и арсенала КГБ ЧИАССР.
- В ноябре 1991 года захватил пассажирский самолёт «в знак протеста против введения чрезвычайного положения на территории Чечни».
- В 1992–1993 годах участвовал в войнах в Нагорном Карабахе (на стороне правительства Азербайджана)

и Абхазии (на стороне абхазских повстанцев). Сформировал собственный отряд в ходе боевых действий в Абхазии.

- Проходил краткосрочную боевую подготовку в лагерях боевиков в Афганистане.
- В Чечне при Дудаеве возглавлял крупнейший независимый отряд — «Абхазский батальон».
- Активный участник боёв с антидудаевской оппозицией и российскими войсками.
- В июне 1995 года организовал террористический акт в Будённовске.
- Участвовал в ряде крупных столкновений в кампании 1996 года, включая поддержку отряда Радуева во время боёв за Первомайское и атаку на Грозный летом 1996 года.
- В 1997 году неудачно участвовал в выборах президента Чечни.
- Между первой и второй войнами примкнул к радикальным исламистам. Возглавлял крупную вооружённую группировку, занимавшуюся бандитизмом.
- В августе 1999 года совместно с полевым командиром арабского происхождения Хаттабом организовал вторжение в Дагестан.
- Активный участник второй войны в Чечне. Тяжело ранен во время боёв за Грозный в феврале 2000 года, потерял ногу.
- Неформальный лидер вооружённого подполья в Чечне и шире, на Северном Кавказе, до 2006 года. За это время организовал ряд крупных терактов с массовыми жертвами, включая массовый захват в заложники и убийство детей в г. Беслан 1-3 сентября 2004 года.
- 10 июля 2006 года погиб при туманных обстоятельствах во время взрыва перевозившего боеприпасы и взрывчатку грузовика в с. Экажево в Ингушетии. По официальной версии — убит в результате спецоперации. По иной версии, погиб в результате самопроизвольной детонации взрывчатых веществ.

Около полудня «Камазы» и сопровождавшая их машина ГАИ подъехали к РОВД. С этого момента в Будённовске начались дни кровавого безумия.

Выпрыгнув из грузовика, басаевцы в упор расстреливают милицейскую машину и врываются в РОВД, однако РОВД неожиданно оказывается крепким орешком: будённовские стражи порядка отбиваются до последнего патрона и ухитряются застрелить сразу шестерых нападавших. РОВД боевики толком зачистить не могут, но это уже не имеет для них значения: как узел сопротивления налётчикам милицейское управление выведено из строя. Боевики захватили здесь первых заложников*.

В 20 км от Будённовска находился вертолётный полк. Узнав, что в городе идёт бой, командование полка пошло на шаг, который можно понять, но трудно простить: в город отправилось три десятка вооружённых пистолетами авиаторов на автобусах. По сути, вертолётчиков отдали на заклание: наткнувшись на боевиков, они приняли бой, быстро потеряли несколько человек убитыми, а раненых отвезли в будённовскую больницу. Что характерно, напасть на саму военную базу Басаев даже не пытался: у него была более доступная цель.

Тем временем основная часть отряда орудует в Будённовске. Захвачена городская администрация, ограблен банк, взят почтамт. Боевики действовали группами, обстреливая людей на улицах и сгоняя к площади, где вокруг предусмотрительно привезённого бензовоза уже собирали колонну заложников. Разбегающихся людей постоянно обстреливали.

Бессистемная пальба по людям в городе совершалась не просто ради веселья. Раненых начали свозить в больницу, куда аврально сбегался также и весь имевшийся в городе медицинский персонал. К моменту, когда басаевцы приступили к главному пункту программы, в больнице кроме раненых находилось множество врачей и родственников пострадавших. Ход изуверский и тактически блестящий: масса заложников пришла к месту действия своими ногами.

---

* В том числе женщину-милиционера — капитана Елену Симонову. Она погибла позднее, уже в больнице.

В первый же день в Будённовске погибли около 90 человек. Местная милиция бешено отбивалась — например, майор Пантелеев, находившийся в отпуске, пошёл к полю боя с собственным охотничьим ружьём и стрелял по басаевцам в частном порядке. Однако подобное самопожертвование уже мало что могло изменить.

Басаев отлично понимал, что долго перемещаться по городу ему не дадут. По тревоге к Будённовску начали съезжаться бойцы ОМОНа и Внутренних войск. Поэтому, промчавшись по городу, басаевцы отправились к больнице и её захватили (небольшой отряд находился неподалёку с самого начала). Террористы казнили несколько человек, которых считали способными организовать сопротивление, — раненых лётчиков, милиционеров и пожарных. Позже ради устрашения были застрелены ещё несколько мужчин, в том числе муж медсестры, добровольно пришедший к взятой в заложницы жене. Были убиты двое только что окончивших школу подростков, в которых боевикам почудилась военная выправка. Тела выбросили во двор.

Кроме тех, кто уже находился в больнице, туда пригнали людей, схваченных на улицах Будённовска. Местные журналисты описывали события со слов заложников:

> «Из медучилища пригнали большую группу девочек. Они громко плакали. Это раздражало боевиков:
> — Перестань плакать, а то убью! <...>
> В толпе сидела молодая женщина. От плеча до плеча у неё кровоточила рана. Это постарался боевик, провёл кинжалом, когда женщина не сразу подчинилась его команде»[58].

> «На моих глазах троих лётчиков и двух милиционеров расстреляли. Их потом на носилках в морг, кажется, унесли. Их рядом так поставили и... Да какое там в голову! В голову, ноги, тело — очередями автоматов сплошное решето сделали. Их сразу человек по семь-восемь становилось, у каждого в магазине по сорок пять патронов, и они ещё сорок шестой в затвор вставляли.

И вот этот магазин полностью по людям... На расстрелянных, я видел, рубашки как решето были»[21].

Всего в больнице находилось почти две сотни террористов и до двух тысяч заложников, включая младенцев из родильного отделения.

Из больницы Басаев передал наружу с несколькими отпущенными людьми основное требование: вывод войск из Чечни.

15 июня в Будённовск прибыли руководители силовых ведомств: глава МВД Виктор Ерин, директор ФСБ Сергей Степашин и министр по делам национальностей Николай Егоров. Эти люди образовали штаб операции по спасению заложников. Обилие начальства ситуации вокруг больницы не помогло: оцепление было организовано плохо, взаимодействие между силовиками разных ведомств так и не наладили, работу с населением толком не вели. Ещё первым вечером в Будённовск прилетел борт с отрядами «Вега» (бывший «Вымпел»)[1] и «Альфа». Об уровне организации всего процесса говорит один факт: вымпеловцам перед посадкой сообщили, что аэродром захвачен, спецназовцы уже готовились выбить иллюминаторы и атаковать с ходу, но тревогу отменили.

Штаб операции плохо представлял себе специфику работы спецподразделений. Более того — отряды «А» и «В» находились в опале после событий октября 1993-го, когда вместо решительного избиения засевших в Белом доме сторонников Верховного Совета они самовольно

---

[1] «Вега» изначально — диверсионное подразделение КГБ (позднее ФСК/ФСБ) «Вымпел». В 1993 году во время противостояния президента и парламента подразделение вместе с антитеррористическим отрядом «Альфа» отклонило приказ президента Ельцина о штурме Дома Советов. Вместо этого офицеры «Альфы» и «Вымпела» самовольно провели переговоры о бескровной капитуляции сторонников парламента. Им удалось избежать массового кровопролития, однако неповиновение вызвало гнев Ельцина. В группе «Альфа» сменился командир, а «Вымпел» был переименован в «Вегу» и передан в состав МВД. Превращение в «милицейский спецназ» многие офицеры восприняли как оскорбление и уволились. В 1998 году группе восстановили прежнее название и вернули в состав ФСБ, в качестве второго — параллельно «Альфе» — контртеррористического отряда.

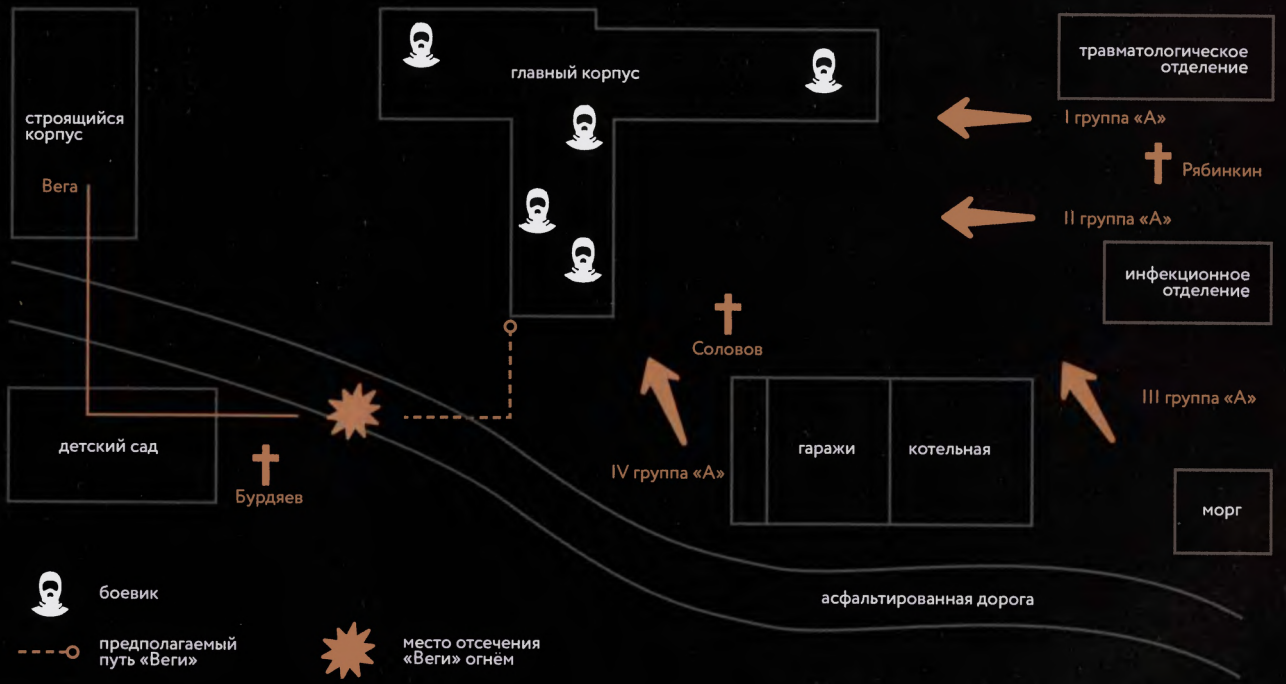
устроили переговоры, увенчавшиеся капитуляцией противников президента. «Вымпел» с тех пор сотрясали реорганизации с массовым увольнением офицеров, а командир «Альфы» был заменён. Вместо прежнего командира, старого зубра контртеррора Геннадия Зайцева, группу возглавил бывший заместитель коменданта Кремля, не имевший такого опыта. Компетентность министров, возглавивших штаб, в деле специальных операций также вызывала вопросы. Возможно, война действительно слишком важное дело, чтобы доверять его генералам, однако едва ли такое ответственное дело стоило доверять чиновникам. Штаб не сумел решить ни одной проблемы. Милиционеров, стоявших в оцеплении, альфовцы и вымпеловцы были вынуждены инструктировать в частном порядке. Вокруг больницы собирались толпы местных жителей, некоторые из которых порывались в подпитии идти штурмовать больницу. Штаб с самого начала настраивал спецназовцев на штурм, при этом никто не озаботился тем, чтобы выдать офицерам хотя бы план больницы.

Положение дел становилось час от часу хуже. Басаев добивался пресс-конференции и ради этого расстрелял ещё пять человек. После этого деморализованные штабисты запустили к террористу прессу, и Басаев устроил перед камерами настоящий бенефис.

В это время альфовцы вели разведку подходов к больнице. Их сообщения были удручающими: в больнице засело формирование, по численности и огневой мощи похожее не на отряд террористов, а скорее на батальон мотопехоты. Боевики имели 3–5 крупнокалиберных и массу обычных пулемётов, гранатомёты, подствольники и серьёзную даже с точки зрения альфовцев снайперскую группу; в общем, если бы в больнице не было заложников, выбивать этот отряд стоило бы не пехотным штурмом, а артиллерийским огнём. Специалисты «Альфы» и «Вымпела» представили штабу расчёт, из которого следовало, что при взятии больницы любой ценой погибнуть может более половины заложников и примерно 70% офицеров спецназа.

Обычно в таких случаях переговорами пытаются создать благоприятные условия для освобождения заложников и штурма. «Альфа» обладала первоклассными переговорщиками: противостояния с террористами на излёте советской эпохи зачастую выигрывались в первую очередь благодаря их усилиям. Однако с Басаевым вести переговоры никто даже не пытался, и уж тем более никто не собирался

СХЕМА ШТУРМА БОЛЬНИЦЫ



позволить делать это специалистам. Зато «Альфе» и «Вымпелу» был отдан приказ на штурм. Более того, командиры отрядов узнали о готовящейся операции буквально за несколько часов до её начала. В этих условиях штурм не мог кончиться удачей. И не кончился.

Около пяти утра 17 июня штурмовые группы начали выдвигаться к больнице. «То, что в больнице начнётся бойня, было ясно всем», — откровенно констатировал офицер «Альфы». Эффект внезапности был утерян задолго до начала боя. Врачи «скорой», не подумав, начали переговариваться о грядущем приёме раненых в открытом эфире, и в больнице их услышали. Приданные штурмовикам БМП и БТР не относились к спецназу, и не понимавшие специфику операции экипажи начали прогревать машины заранее, так что звук моторов был слышен и глухому. В результате к моменту, когда бойцы «Альфы» и «Вымпела» начали подходить к зданию, их уже ждали во всеоружии. Вымпеловец Константин Никитин говорил позднее:

> «Какая это перестрелка, если противник в тебя лупит, а ты в него не моги. В окна „духи" выставляли женщин, а сами, расположившись между их ног, чувствовали себя очень комфортно. Над больницей стоял сплошной визг „Не стреляйте!"»[59].

Тяжёлое оружие пытались использовать ради психологического эффекта, паля из пулемётов по стенам мимо окон, однако толку от такого давления было немного. Огонь на поражение вели, по сути, только снайперы. Один из альфовцев ухитрился подобраться на дуэльную дистанцию к боевику, прикрывавшемуся женщиной, и уложил его выстрелом в лоб. Но в целом штурм был обречён заранее. Один из заложников вспоминал:

> «Когда стрельба началась, они начали звереть. Хромой орал: если хоть на метр отойдёшь, убью. И по пять-десять человек в окна выставляли, чтоб кричали. Когда у меня уже не было сил кричать, этот хромой ударил меня прикладом в ухо»[21].

Редкая стрельба снайперов позволяла хоть как-то подавлять огневые точки. Противник не стеснялся: басаевцы увлечённо вели огонь из всего имевшегося арсенала, подбив даже несколько бронемашин, которые прикрывали движение бойцов. «Там танк пусти, и его бы подбили», — утверждал снайпер «Альфы» В. Денисов.

Наступление двух из трёх штурмовых групп захлебнулось, не доходя до больницы. Третья группа прорвалась ко входу на первый этаж, но делать ей там было совершенно нечего: боевики засели на втором этаже, перекрыв лестницы огнём, и кидали сверху гранаты; вероятно, именно от них погибла часть заложников — некоторые выжившие потом вспоминали, что людей рядом секло осколками.

Коридоры и палаты были буквально забиты заложниками. Продолжение штурма привело бы только к безрезультатной гекатомбе. Константин Никитин говорил:

> «Допустим, „ашники" всё же вошли бы в больницу и вышли на второй этаж, трудно даже предположить, как бы они выполняли задачу дальше, когда пространство между террористами и бойцами группы антитеррора забито заложниками».

«Альфа» отступила. Трое убитых и 24 раненых составляли треть всех атакующих. Имея меньше людей, чем противник, скованные необходимостью беречь заложников, спецназовцы не преуспели там, где шансов преуспеть не было. За время боя террористами было убито около тридцати заложников, пытавшихся убежать из здания. Снайперами «Альфы» и «Вымпела» было убито около десятка боевиков и, по данным российской стороны, 48 ранено; достоверных сведений о гибели заложников от рук спецназовцев не имеется.

«Альфу» и «Вымпел» в связи с этим штурмом часто обвиняли в неразборчивости действий и желании ценой любых потерь среди заложников прорваться в больницу. В разнообразной прочеченской и западной литературе это стало общим местом. Попадаются даже утверждения о применении в Будённовске танков и артиллерии![60] Между тем, если бы эти тезисы соответствовали истине, трудно представить, как бы басаевцы помешали штурму. Огневая мощь у военных заведомо

выше, а будённовская больница — не цитадель Кёнигсберга. В реальности огонь на поражение вели фактически одни снайперы, остальным досталась мрачная роль приманки для чеченских пулемётчиков, и прекратился штурм именно тогда, когда стало очевидно: способов освободить заложников без колоссальных потерь не существует.

Следующую попытку ворваться в больницу предприняли с участием спецподразделений МВД некоторое время спустя. Она оказалась не более удачной, чем первая, по тем же самым причинам. Новых убитых среди штурмовиков не было, но раненых хватало, а прорваться внутрь так и не удалось. Провал штурма психологически сломал «штабистов». Последовали переговоры с террористами на высшем уровне — пресловутый диалог премьер-министра Черномырдина и Басаева, запомнившийся широким массам по фразе: «Шамиль Басаев, говори громче». Своеобразную роль в событиях сыграла делегация правозащитной группы «Мемориал». Во время массового захвата заложников группа правозащитников при участии Сергея Ковалёва и Олега Орлова самостоятельно, в обход штаба, прибыла в Будённовск — и сразу же взяла в свои руки ведение переговоров. Фактически, группа правозащитников помогала Басаеву формулировать требования[1], на которые мог пойти федеральный центр. Фактически, участники этой группы подменили собой штаб, который самоустранился от активных действий. В результате при деятельном участии группы Ковалёва было разработано соглашение, которое помогло закончить кризис с заложниками, но фактически означало капитуляцию перед Басаевым и позволило банде уйти безнаказанно. Была достигнута договорённость о выходе террористов на автобусах в сопровождении полутора сотен заложников. Посадка в автобусы вместе с басаевцами была делом добровольным: с террористами уехали часть мужчин Будённовска, два десятка журналистов и трое депутатов Государственной Думы. На территории Чечни Басаев отпустил заложников и ушёл в леса.

В результате нападения на Будённовск погибло не менее 105 гражданских лиц и около 30 милиционеров и военных, включая троих альфовцев. Пропаганда дудаевцев любила рассказывать, что заложников в Будённовске убила собственная армия, — этот тезис считается

---

[1] Не было иного бескровного выхода.
https://memohrc.org/ru/monitorings/ne-bylo-inogo-beskrovnogo-vyhoda

общепризнанным и в наше время. Однако даже по данным отечественных правозащитников из «Мемориала» (совершенно не склонных обелять власти), в ходе штурма было убито около 30 человек[1], тогда как все остальные погибли значительно раньше — ещё во время вхождения террористов в город.

Если штурм больницы был ошибкой, то отказ от перехвата колонны автобусов сложно характеризовать иначе, чем преступление. Террористы сделали всё, что хотели, и вернулись в Чечню с умеренными потерями. Личный авторитет Басаева в чеченском обществе стремительно взлетел.

После Будённовска российская сторона согласилась на очередной раунд бессмысленных и бесплодных переговоров. Никто, разумеется, условия перемирия не соблюдал, а дудаевские формирования получили отличную возможность отдохнуть, пополнить ряды и восстановить влияние в чеченских поселениях. Чудовищное поражение обрушило и так невеликий авторитет российских властей. Что ещё хуже: с точки зрения чеченских боевиков, массовый захват заложников показал себя эффективным приёмом, позволяющим решительно влиять на положение дел. Кизляр, «Норд-Ост» и Беслан стали возможны благодаря тому, что из Будённовска отряд Басаева ушёл своими ногами, а лидер террористов остался жив и оказался на коне. Безусловно, при перехвате автобусной колонны какая-то часть заложников погибла бы. Однако уничтожение отряда Басаева привело бы к тому, что этот способ борьбы был бы в глазах боевиков дискредитирован.

Вопреки тому, что они любили рассказывать о себе, террористы не только не жаждали увидеть гурий, но позднее старательно уклонялись от уголовной ответственности, даже будучи схвачены органами правопорядка. Тем более, Басаев и его приближённые были опытными боевиками, хорошо владеющими оружием, они были ценным отрядом для чеченского подполья. Многие из них продемонстрировали позже серьёзные лидерские качества, возглавляя значительные отряды боевиков. Некоторые проявили себя уже вскоре после трагедии Будённовска во время нападения на Кизляр. Уничтожение

---

[1] Освобождение заложников в Будённовске. Документы. https://echo.msk.ru/blog/orlov_oleg/1568676-echo/

или передача в руки правосудия этих деятелей впоследствии отняли массу времени и сил и стоили жизни многим солдатам и офицерам, а сами они успели позднее перебить множество невинных людей. Последний известный приговор члену будённовской банды был вынесен уже в 2018 году — через 23 года после налёта[1].

РУХНУВШИЕ НАДЕЖДЫ. ВОЙНА ПОСЛЕ БУДЁННОВСКА

22 июня в Грозном под эгидой ОБСЕ было заключено очередное соглашение о прекращении огня. Оперативной обстановкой это «замирение» не диктовалось — в его основе лежал психологический шок от теракта в Будённовске. Вряд ли кто ожидал, что это соглашение будет соблюдаться. Тем не менее мораторий на открытие огня официально действовал достаточно долго. Чеченцы даже демонстративно сдали некоторое количество оружия — главным образом, охотничье и неисправное, а то и вообще раритеты вроде немецких «Шмайсеров» времён Второй Мировой.

Пока политики вели долгие и бесполезные разговоры, пытаясь склонить Дудаева к капитуляции той или иной степени почётности, в самом Грозном и вокруг него продолжали греметь выстрелы.

Журналист Олег Метелин писал о типичных эпизодах этой странной войны:

> «Неожиданно возникли проблемы с возвращением. Наблюдатели определили, что на свалку пробрались „гости". С поста на крыше „фильтра" свалка просматривается замечательно, поэтому ребята связываются с ним по полевому телефону. „Полёвку" установили после того, как мужики с блока орали „крыше" по „уоки-токи":
> — Снайпер в третьем секторе! Накройте его из АГС!

---

[1] Бадрудди Даудов, получил 14 лет лишения свободы.

— Спасибо, дорогой, — донеслось до них на той же волне. — Я оттуда уже ушёл. <...>

Тактика снайперов известна: на охоту выходят вдвоём, не считая группы прикрытия. Один имеет обычную армейскую СВД, второй — винтовку с глушителем. Первый делает пару провоцирующих выстрелов по постам, второй начинает бить по засветившимся огневым точкам. В перемирие обычно стреляли подростки. Пацаны стажировались в стрельбе, одновременно помогая дудаевским пропагандистам. Если такого „вольного стрелка" накрывали, напарник забирал его оружие, и прессе демонстрировался очередной пример „зверства федеральных войск по отношению к мирным жителям"»[1].

Ремарка о детях-солдатах — не военный фольклор. Дудаев действительно призвал воевать всех, способных держать оружие, и боевики вовлекали в боевые действия несовершеннолетних. С точки зрения Дудаева малолетние боевики как минимум хорошо годились для пропаганды. Живые, они демонстрировали народное единение вокруг зелёного знамени, мёртвые — жестокость российских войск.

Под прикрытием профанации переговоров, боевики возвращались в сёла, снова захватывая власть. Они могли отдохнуть, пополнить запасы вооружения и боеприпасов, восстановить численность. Не будет преувеличением сказать, что налёт Басаева на Будённовск и нелепые действия российских властей после него спасли дудаевское движение от коллапса. Партизанские вылазки против российских военных становились всё более дерзкими и жестокими. Постепенно боевики настолько обнаглели, что захватили даже райотдел милиции в Аргуне (покинули его после воздушного удара по городу).

В таком режиме прошло несколько месяцев. Психологическое состояние войск ухудшалось. Многие прибегали к единственному доступному на войне антидепрессанту: видя врагов во всех подряд

---

[1] Олег Метелин. Зачем на войну дураков берут? http://otvaga2004.ru/voyny/wars-ussr/wars-caucas/durakov-berut/

жителях республики от мала до велика, не понимая своего положения и не зная, чего ждать от будущего, солдаты, бывало, выплёскивали агрессию на первого попавшегося под руку чеченца. При этом военное командование с какой-то мазохистской гордостью подчёркивало строгое соблюдение перемирия российскими солдатами.

Боевики по-прежнему делали ставку на тактику роя, действия небольших мобильных групп с минимумом тяжёлого оружия. Иных вариантов у дудаевцев и не было. Вся техника из советских арсеналов, бывшая на ходу к началу войны, была потеряна в боях или брошена. Армией в классическом смысле, с чёткой иерархией и командной цепочкой, отряды чеченцев не являлись. Звания «полковников» и «бригадных генералов», которые раздавал Дудаев, были просто почётными именованиями для независимых атаманов. Сам Дудаев оставался только лидером наиболее крупного отряда и политическим предводителем, который мог договариваться с остальными командирами о координации действий. Но все эти черты, в обычных условиях ослабляющие любую армию, как раз и были преимуществом в конкретной ситуации. Боевики не имели единого центра управления, который можно было уничтожить, а их отряды представляли собой ровно такую силу, которая могла представлять угрозу Российской армии: подвижные отряды лёгкой пехоты. Такие отряды, к сожалению, почти отсутствовали у российских войск (с известным допущением к ним можно отнести разведывательные части и различные подразделения спецназа), но в Чечне с её первобытными горами, бездорожьем, обилием лесов и густой сетью мелких посёлков регулярные силы с обилием тяжёлой техники редко могли адекватно реагировать на действия противника. А блокпосты и растянувшиеся по дорогам «ленточки» тыловых колонн представляли собой уязвимые цели — прямо-таки приглашение на казнь. Боевики почти никогда не ставили в бою решительных целей и безбожно раздували собственные успехи, но их всегда хватало на то, чтобы постоянно держать русских в напряжении и наносить болезненные удары по самым слабым местам. Учитывая общее состояние Российской армии, такие слабые места постоянно находились. В какой-то момент такая банальность, как уснувший часовой или небрежно проведённая инженерная разведка маршрута, неизбежно становились причиной гибели людей и техники[1].

Подробнее о «тактике роя» в Чеченской войне в работе Вильяма Шеннона

6 октября произошло одно из важных событий Чеченской войны, обстоятельства которого до сих пор как следует не установлены. Подвергся покушению генерал Анатолий Романов, сменивший Куликова на посту командующего группировкой войск в Чечне. Автомобиль, в котором ехал Романов, был подорван на фугасе в грозненском туннеле. Несколько человек погибло, а Романов получил тяжелейшую черепно-мозговую травму, от которой так и не оправился, оставшись парализованным калекой. «В принципе, он был убит», — прокомментировал это ранение начальник госпиталя им. Бурденка.

Масхадов в 1995 году открестился от причастности к покушению. Впоследствии, уже в 1999 году, «авторство» этого теракта отнёс на счёт чеченских боевиков Зелимхан Яндарбиев. С его точки зрения, подрыв партнёра по мирным переговорам не содержал в себе ничего не то что дурного, но хотя бы необычного. «О каких переговорах можно вести речь?» — риторически вопрошал Яндарбиев. К сожалению, полной правды о том, кем было принято решение об убийстве Романова, мы, скорее всего, никогда не узнаем. Во время августовских боёв 1996-го в Грозном материалы уголовного дела сгорели (что может быть и случайностью, и результатом умысла), а Масхадов, Яндарбиев и Дудаев находятся там, откуда ни один следователь ещё не возвращался.

Превращение командующего российской группировкой в инвалида всё же стало достаточным аргументом для возобновления полноценных боевых действий. Но последовательности в военных операциях не было. Как вести антипартизанскую войну, российское командование представляло смутно. Конечно, в открытом бою отряды боевиков без авиации, артиллерии и танков конкурировать с русскими не могли. Однако война в Чечне велась без выраженного фронта и тыла, противник не давал навязать себе бой лоб в лоб и постоянно наносил локальные болезненные удары. Российская бронетехника, мобильная на равнине, — в горах и на улицах, наоборот, сковывала манёвр и привязывала к себе пехоту. Военным психологически было сложно «отвязаться» от техники, которая давала защиту и огневую мощь. Частей, способных обыгрывать боевиков на их поле — в коротких столкновениях малых групп, — было слишком мало. Опыт противопартизанской войны в Афганистане был прочно забыт и использовался в лучшем случае отдельными офицерами по личной инициативе. Даже требования классических советских

уставов выполнялись с большим скрипом, не говоря уже о подгонке тактики под особенности противника и театра боевых действий.

В декабре состоялись, с позволения сказать, выборы президента Чечни. Сторонники боевиков их игнорировали, в некоторых местах голосование не удалось провести из-за боёв, зато в выборах активно участвовали солдаты Объединённой группировки. В итоге победил лояльный Кремлю Доку Завгаев, извлечённый на свет после своего политического краха в 1991 году. Реальным авторитетом в республике он не пользовался, иллюзий относительно его легитимности не питал решительно никто, вкусить плоды победы и осуществлять власть он не мог.

В Чечне воцарился совершенный беспорядок. В середине декабря отряды боевиков Салмана Радуева напали на Гудермес, и уже, казалось бы, давно занятый город пришлось отбивать заново в жестоких боях с применением «Градов» и авиации. Аналогичные бои шли ещё в нескольких населённых пунктах. Конечно, разгромить крупные российские части боевики не могли, но им того и не требовалось. Дудаевцев устраивала ситуация, когда восстановление нормальной жизни в республике было принципиально невозможно, а российские войска не контролируют ситуацию.

Тактика боевиков чаще всего была незатейлива, но довольно эффективна. Сначала огнём блокировалось расположение части, будь то блокпост или комендатура. К окружённым на выручку с разных сторон устремлялись находившиеся поблизости подразделения. Они в свою очередь попадали в засады и несли тяжёлые потери. Именно по такому сценарию развивались события в Гудермесе, таким же образом в те дни была разбита группа 245-го мотострелкового полка под Шатоем. В Гудермесе боевики блокировали комендатуру, под Шатоем же их жертвой пал взятый врасплох блокпост. В попытках прорваться к уже уничтоженному блокпосту и хотя бы освободить пленных погибли другие бойцы того же полка .

Среди убитых в идущих на выручку отрядах был Алексей Пуликовский, сын незадачливого генерала. Необходимо отдать ему должное: этот молодой человек не воспользовался возможной протекцией и добровольно служил в 245-м полку, который пользовался дурной славой части, несущей стабильно высокие потери. В полку Пуликовский-мл. имел репутацию человека храброго и незаносчивого, несмотря на влиятельного отца.

Шатой, февраль 1996. Чеченский мальчик сидит на противотанковых ракетах рядом с оружием, изъятым в селе. Фото Александра Неменова.

Ситуацию усугубляли хронические проблемы с дисциплиной. Гибель блокпоста в Шатое произошла вообще при скандальных обстоятельствах. Незадолго до этого отряд Тверского СОБРа провёл блестящую операцию, во время которой застрелили лидера местных «духов» Джалавди Дулиева и десяток его товарищей. Достать собровцев боевики просто так не могли, поэтому отыгрались на мотострелках. Гарнизон блокпоста покупал у местных жителей водку, так что боевики просто дождались сообщения от своих информаторов в селе, что солдаты перепились, после чего ворвались на блокпост и угнали пьяных военных в горы. Половину из трёх десятков пленных убили в лагере Мержой-Берам под Ачхоем, их могилы не найдены. Позднее говорили о предательстве, но ужас ситуации был в том, что никакого предательства и не требовалось: хватило того, что офицеры 245-го полка не смогли удержать под контролем собственных людей и обеспечить нормальное несение службы. Бойцы, до конца пытавшиеся выполнить свой долг, в полку, разумеется, были, но из-за пьянства и разложения других им приходилось нести службу за себя и за пьяниц — в том числе стоять в караулах. В ту роковую ночь блокпост состоял из пьяных, не способных защищать себя, и трезвых, но еле стоящих на ногах от усталости. В итоге и для тех, и других эта история кончилась одинаково: ямой в диком урочище[1].

Ещё одной приметой времени стала распространившаяся с осени 1995-го практика похищения людей ради выкупа или по политическим мотивам. В некоторых случаях заложники возвращались живыми после уплаты денег. Жертвами обычно становились прикомандированные для каких-либо работ специалисты из России. В декабре 1995 и январе 1996-го за короткий срок были захвачены несколько групп строителей и энергетиков в десятки людей каждая, в марте 1996-го из Грозного похитили более 80 человек сразу[39]. Людокрадство быстро становилось масштабным коммерческим предприятием. Тем более, что в среде дудаевцев развилась шпиономания, а Департамент госбезопасности Ичкерии исходил из принципа «нет человека — нет проблемы». Так, людьми из ДГБ были задержаны общественные активисты с Украины Андрей Базавлук, Виталий Шевченко и Елена Петрова,

---

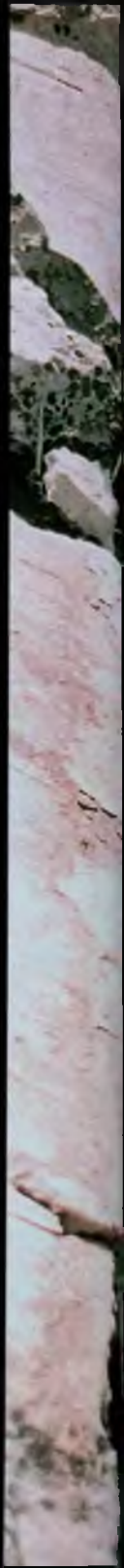
Подробный рассказ о событии:
http://www.gearguide.ru/phpbb/viewtopic.php?f=6&t=939

прежде высказывавшие прочеченские симпатии. Больше их никто не видел. В 1995 году под Ачхой-Мартаном бесследно исчезли гражданин США — сотрудник фонда Сороса и его русские сопровождающие. Индустрия похищений в Чечне по-настоящему развернётся только в 1996–97 годах, но она уже постепенно набирала размах

На положение дел в Чечне напрямую влияла внутриполитическая ситуация в России. В 1996 году ожидались выборы президента, и Ельцин рассчитывал на второй президентский срок. Но любая активность боевиков и боевые действия с большими жертвами расшатывали позиции «ястребов» в российском истеблишменте. Боевики не могли одержать победу, но могли очень долго поддерживать войну. Тем более, что российские генералы плохо умели бороться против партизан военными средствами, а, учитывая качество российской элиты, на сильные политические ходы рассчитывать не приходилось.

Чири-Юрт, 21 мая 1995. Утомлённый российский солдат.
Фото Александра Неменова.

ГЛАВА 8
ЧЁРНАЯ ДЫРА



Чири-Юрт, 21 мая 1995. Русский солдат
на руинах цементного завода.
Фото Александра Неменова.

Грозный, февраль 1996. Грозненцы идут мимо разрушенного Президентского дворца. Весной он будет полностью снесён по распоряжению российских властей. Фото Александра Неменова.

ЛЮДОЕД-ЭПИГОН. ТЕРАКТ В КИЗЛЯРЕ

Новый 1996 год Чечня встретила в состоянии хаотичной партизанской войны. В Грозном эмиссар ОБСЕ заявил о необходимости нового раунда переговоров. Сложно сказать, кого ещё должны были взорвать дудаевцы, чтобы вопрос о переговорах с ними был снят с повестки дня. Как бы то ни было, уровень пацифизма боевиков был скоро явлен во всей красе. 4 января Масхадов заявил о прекращении нападений на российские войска, а уже 9 числа боевики полевого командира Салмана Радуева устраивают своеобразный «ремейк» Будённовска, захватив заложников в дагестанском городе Кизляр.

Нападение на Кизляр существенно отличалось от налёта на Будённовск. По словам Радуева, задачу ему поставил лично Дудаев[1]. В отличие от Будённовска, где вертолётный полк боевиков не интересовал, в Кизляре первоначальной целью был как раз таки военный аэродром. Как следовало из показаний Радуева, боевики планировали захватить и угнать в Чечню восемь вертолётов с боекомплектом. Нападение должен был провести отряд примерно такой же численности, как в Будённовске, — до двухсот пятидесяти человек. Кизляр находился недалеко от чеченской границы, так что вопроса о преодолении значительного расстояния не стояло. Однако Радуев был тактически слабее Басаева, поэтому к нему в качестве «специалиста по войне» присоединился Хункарпаша Исрапилов — опытный полевой командир из окружения Басаева. С собой террористы прихватили восемь пленных российских солдат — для маскировки при проходе блокпостов. Вертолётчиков для перегона вертолётов в Чечню собирались захватить на месте, хотя в отряде уже был пленный авиатор и два чеченца, служившие на вертолётах в советские времена. Кстати, идея с захватом вертолётов перекликается с довоенными планами Дудаева устроить бомбардировку российских городов с воздуха. Бывший генерал авиации так и остался неравнодушен к теме воздушных ударов. Кроме захвата вертолётов Радуев планировал на время взять под контроль весь город.

Протокол допроса Радуева в качестве обвиняемого [1]. Подробности плана бандитов также взяты из протоколов допросов Радуева.

9 января радуевцы разбили маленький пост милиции по дороге и ворвались в Кизляр. Но дальше всё пошло не так, как было задумано. На аэродроме оказалось всего два неисправных вертолёта, которые боевики добили. Очевидно, это была не та добыча, ради которой стоило являться в Кизляр. Попытка взять приступом военный городок провалилась. Бандиты понесли серьёзные потери и решили, что им следует отступать. Но для этого требовалось прикрытие.

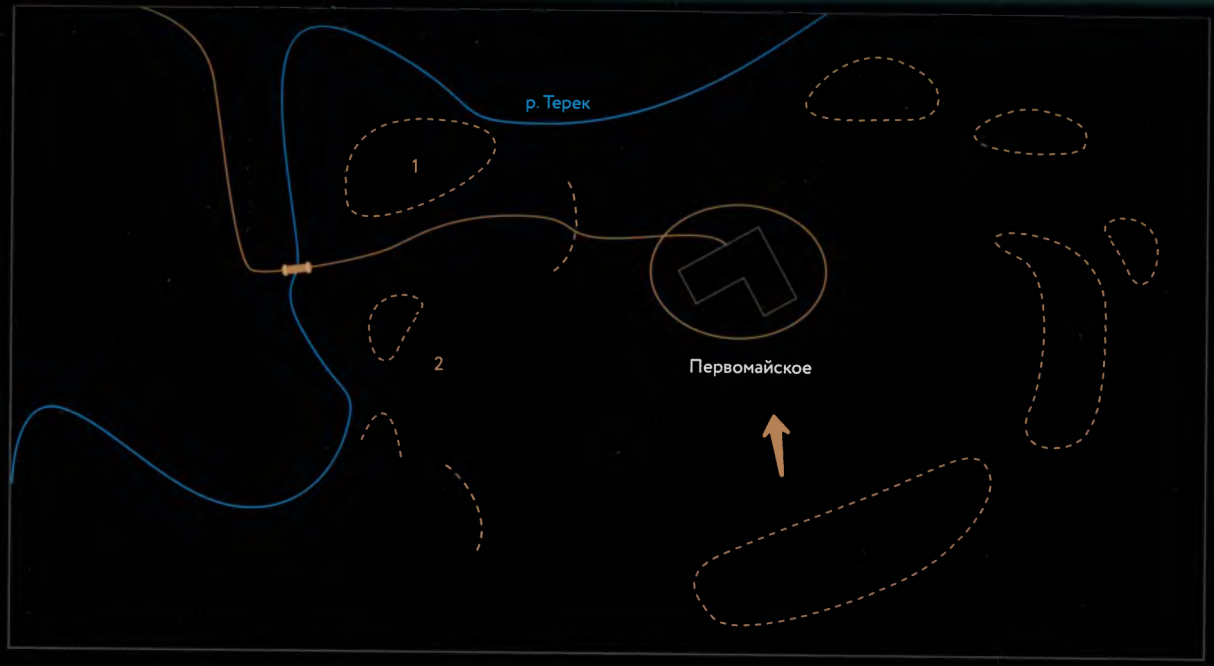
Террористы захватили местную больницу со всеми, кого там застали и кого успели пленить в городе, — всего не менее двух тысяч заложников. Как и Басаев, Радуев осмелился захватить и родильное отделение, в помещение к другим заложникам гнали даже рожениц в тяжёлом состоянии. Детям приходилось затыкать рты: радуевцы обещали расстрелы, если они не замолчат[1].

В отличие от Басаева, Радуев и Исрапилов политических целей не ставили. После начала переговоров с властями Дагестана они быстро сошлись на одном требовании — дать коридор для возвращения в Чечню. Это требование было удовлетворено.

10 января колонна автобусов с террористами и сотней заложников (в том числе десяток добровольно согласившихся на эту роль дагестанских чиновников) покинула Кизляр и направилась в сторону Чечни. Прибывшие в Кизляр «Альфа» и «Вымпел» были вынуждены догонять террористов на «Икарусах». По ходу движения колонну остановили предупредительными выстрелами с вертолётов, и Радуев повернул в село Первомайское. Там боевики, пользуясь живым щитом и подавляющим численным перевесом, разоружили блокпост милиции[2], присоединили милиционеров и водителей автобусов к прочим заложникам и начали готовиться к обороне села.

Протокол допроса потерпевшей Магомедовой .

Обстоятельства захвата сразу 37 милиционеров выглядят чудовищно. Полковник Гончаров, начальник оперативного штаба МВД, распорядился не стрелять, а оружие милиционеров было сложено в одной из комнат поста под совместной(!) охраной милиционера и боевика. После чего безоружные, разумеется, были взяты в заложники. Полковник Гончаров полагал, что его приказ был единственно верным решением, спасшим жизнь и заложникам, и самим милиционерам. http://artofwar.ru/f/farukshin_r_n/pervomaiskoe_smi.shtml



КАРТА ОСАДЫ ПЕРВОМАЙСКОГО

позиции военных
маршрут прорыва боевиков
попытка штурма Первомайского
отряд Радуева (до 300 чел.)
труба
1 позиция 173-го отряда ГРУ (38 чел.)
2 группа 7-й дивизии ВДВ (38 чел.)

Боевики организовали рытьё окопов и строительство блиндажей, для фортификационных работ использовались заложники-мужчины. Население предусмотрительно бежало. Село было блокировано, снаружи начали подготовку к штурму.

Как это часто бывало, на российской стороне начались проблемы координации между ведомствами, интриги и дрязги. Первомайское оказалось прямо-таки образцом плохо спланированной и проведённой операции. Славы грядущее предприятие не обещало, поэтому ответственность заранее начали спихивать друг на друга: военные считали, что в Первомайском будет проводиться специальная операция, а ФСБ — что войсковая. В конечном счёте руководство оказалось в руках чекистов. В операции должны были принимать участие бойцы подразделений разных ведомств: СОБР, мотострелки, десант, «Витязь», «Альфа» и «Вымпел». Подготовка хромала на обе ноги, взаимодействие разнородных отрядов налажено не было. Как характеризовал общий план участвовавший в бою собровец, замысел был рассчитан на то, что противник «слепой, глухой и дурак».

О том, как выглядело взаимодействие с авиацией, рассказывал участник атаки:

> «Лежим за бруствером маленького арычка. Наблюдаем, как со школы работает ДШК и ещё с одного дома один ДШК и один ПК. Вдруг замечаем — кто-то сзади нас, такой полугражданский-полувоенный: штаны гражданские, бушлат армейский, зелёный, и у него за спиной радиостанция типа „Северка". Спрашиваем — кто такой? А я, говорит, авианаводчик. А ну иди сюда! Можешь, говорим, вертушки навести? — Могу! И началась потеха... У одного был позывной „Крокодил", а у другого „Зелёный". Он вызывает: „Я такой-то. Видишь синюю крышу?"
> — Вижу.
> — Вправо от неё 200 метров огневая точка. Видишь?
> — Вижу.
> — Бей!

— Бью!
Ба-бах „Крокодил" по этой синей крыше. „Зелёный" заходит.
— Видишь синюю крышу?
— Вижу.
— Двести метров вправо. Давай!
— Даю!
Ба-бах! Опять по этой синей крыше. В конечном итоге огневую точку так и не подавили, но синюю крышу всю развороти-ли. Авианаводчик лежит, наводит. Вертушки работают, запрашивают его: „Нормально?" Он кричит: „Нормально! Нормально!" А чего там нормального?»[28]

По старой недоброй традиции атакующих было меньше, чем обороняющихся. Как оказывалась огневая поддержка, видно из наводящего тоску описания выше. Чтобы освободить заложников, требовалось аккуратно вести операцию, не задевая гражданских. Но если говорить о силах противника, речь шла о штурме позиций окопавшегося батальона. Ни технически, ни тактически отряды МВД под такую операцию просто не были заточены. К тому же, из-за безобразного командования, задачи ставились в общих чертах, а на ночь отряды отводили с занятых рубежей. Свои ощущения от боя резюмировал офицер СОБР: «Прём напролом как штрафная рота». В итоге штурмующие 15 и 16 января не преуспели. Подразделение МВД «Витязь» почти прорвалось к мечети, но было остановлено огнём боевиков. К концу светового дня отряды, пробившиеся в село, отвели на исходные, подарив боевикам всё, что было отвоёвано во время штурма. За два дня военные потеряли до 40 человек убитыми и ранеными, но продвижения не добились. Ночевали в ирригационных каналах, горячая пища не подвозилась, координация усилий разных штурмовых групп просто отсутствовала. Одновременно боевики пытались пробиться к отряду Радуева извне, со стороны Чечни, но эти атаки не приносили им успеха.

Следующий день 17 января прошёл в стоянии сторон друг напротив друга. Конечно, если бы бои продлились еще некоторое время, отряд Радуева был бы разбит превосходящей мощью, однако в ночь на 18-е чеченцы пошли на прорыв. Пока президент Ельцин произносил

исторический афоризм о тридцати восьми снайперах, которые, дескать, непрерывно следят за всеми перемещениями боевиков[1], возле Первомайского воздвигался памятник преступной халатности.

Боевики приготовились к прорыву аккуратно. В селе остался небольшой отряд для прикрытия, при этом боевики не забыли захватить с собой часть заложников. Пленники были нужны, чтобы нести раненых. В ночь прорыва шёл дождь, видимость была отвратительной. Поскольку фронт окружения был изначально жидким, причём занимало его множество частей разных силовых ведомств и родов войск, слабо координирующих усилия между собой и далеко не всегда способных прийти друг другу на помощь, Исрапилову и Радуеву не составило труда найти слабое место. Таковым оказалось направление на Терек, где на широком фронте оборонялось около сорока разведчиков ГРУ под командой начальника разведки 58-й армии Александра Стыцины и героя штурма Грозного, офицера спецназа ГРУ Владимира Недобежкина. Что характерно, разведчики били в колокола и просили руководство операцией хотя бы не вести переговоры в открытом эфире, но их никто не слушал. Более того, утверждается, что командование операцией попросту было пьяно! «Энциклопедия спецназа ГРУ» меланхолично констатирует:

> «Люди, находящиеся на КП, не могли просчитать многие простые моменты операции по одной тривиальной российской причине — в буквальном смысле пропили её. Полковник Стыцина, начальник разведки армии, сбежал с КП в расположение бойцов аксайской бригады спецназа, для того чтобы отдохнуть от обязанностей посыльного за водкой. По его словам, пьянки на КП не прекращались с самого первого дня»[62].

---

[1] Полностью этот шедевр риторики звучал следующим образом: «Операция очень и очень тщательно подготовлена; скажем, если 38 снайперов, то каждому снайперу определена цель, и он всё время видит эту цель. Она — цель — перемещается, и он глазами, так сказать, перемещается, постоянно, постоянно, вот таким образом. Ну, и по всем другим делам — как задымить улицы, как дать возможность заложникам убежать. Когда заложники разбегаются, их трудно убивать».

Спецназовцы были атакованы сразу всеми силами отряда Радуева. Чеченцы успешно подобрались на дистанцию в полсотни метров, пользуясь особенностями местности. Батареи ночных биноклей у военных к середине ночи сели. Атаку предварял огневой налёт, после чего на позиции разведчиков пошла штурмовая группа. Прорыв не дался им просто: разведчики непрерывно поливали атакующих огнём стрелкового оружия, «Шмелей» и АГС-17. Однако защищавшийся отряд получил мало поддержки. Александр Стыцина и несколько солдат погибли. Также тяжёлые потери понесли солдаты 136-й мотострелковой бригады, подтянувшиеся к месту прорыва. Отряд Радуева, неся потери, прорвался к Тереку. Через реку боевики переправились на найденных лодках и по трубе газопровода. На том берегу уже была Чечня — оттуда навстречу радуевцам вышел отряд Басаева, заранее приготовивший транспорт. Правда, переправа шла уже в светлое время, и, по показаниям Радуева, в этом месте по боевикам отработал самолёт, выбив сразу несколько десятков человек. Однако всё это было слабым утешением. Многие боевики отряда Радуева и все главари сумели уйти. Правда, с тяжёлым ущербом — и в Кизляре, и во время боёв в Первомайском боевиков успели потрепать, а отряд ГРУ дорого продал жизни. Кроме того, во время прорыва радуевцы напоролись на минное поле, а группа прикрытия осталась в Первомайском и была полностью уничтожена 18 числа, когда село зачистили.

Согласно справке Государственной Думы, 9 января в Кизляре погибло 34 человека, включая семерых милиционеров и двоих военных. В Первомайском погибло 30 человек: 16 заложников и 14 силовиков. Обнаружено 38 тел боевиков, они выданы родственникам. Количество раненых и убитых боевиков, вынесенных при прорыве из оцепления, неизвестно. По имеющимся данным, всего погибло 153 боевика . Потери банды действительно, судя по всему, были тяжёлыми, поскольку Радуева подвергли критике сами же «товарищи по борьбе», и даже собственный помощник, Хункар Исрапилов, отзывался о нём достаточно сдержанно. В ходе боёв и прорыва было освобождено подавляющее большинство заложников, в плену оставались только 12 новосибирских милиционеров. Трагические события в Кизляре и Первомайском окончились.

Теракт в Кизляре и Первомайском.
https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/218853/

Нельзя не упомянуть ещё об одном обстоятельстве. Существует версия о том, что истинной целью налётов как на Будённовск, так и на Кизляр был срыв проекта строительства участка нефтепровода из Баку на Новороссийск в обход Чечни. Версия звучит на первый взгляд разумно, но вряд ли соответствует действительности. Во-первых, нефтепровод, идущий через саму Чечню, в любом случае был менее надёжен, чем огибающий её, несмотря ни на какие риски. Во-вторых, боевики в течение всего рейда не столько действовали по единому плану, сколько отчаянно импровизировали, а их формальный лидер в самый острый момент просто растерялся и не понимал, что делать. «Теория трубы» больше походит на попытку рационализации задним числом кровавого беспорядка, а набег на Кизляр заставляет вспомнить старую максиму, согласно которой война выглядит упорядоченным действом лишь в планах и на картах, но в реальности более всего напоминает охваченный пожаром публичный дом.

В ТУПИКЕ. КАМПАНИЯ 1996 ГОДА

Война продолжалась, но вопрос о перспективах её завершения оставался туманным. Многие населённые пункты приходилось брать раз за разом. Войска на занятой территории чаще всего не закреплялись. Район блокировался при помощи временных блокпостов на дорогах и высотах, в населённых пунктах проводили проверку паспортного режима, вели зачистки в поисках оружия, после чего войска шли в новый район. Иногда удавалось застать в очередном селе отряд боевиков и уничтожить его. Например, в мае удалось перебить отряд из 24 вооружённых чеченцев в Старом Ачхое, у них была захвачена даже БМП. Однако чаще всего боевики успевали уйти в горы или пересидеть облаву в самом селе под видом гражданских.

Обычное столкновение не выглядело как эпическая схватка с тысячами участников. Потери армии складывались из маленьких трагедий. Солдат разведподразделения рассказывал о гибели товарища в засаде под Ведено:

> «Мы, разведгруппа, остались для прикрытия. Я непосредственно держал связь с их группой и слышал Володю до конца. Там мы пролежали в снегу часа 3-4, к нам всё время

прибегала и убегала кавказская овчарка. Откуда в горах собака? Командира это насторожило, он приказал другой группе выдвигаться обратно. Почти сразу начался бой, Володя сказал, что он ранен и что духи не дают поднять головы. Мы пошли к ним навстречу, но не успели. Духи забрали своих раненых и убитых, видно было по кровавым следам. По ним сработала артиллерия, а мы понесли раненых и погибших на плащ-палатках на базу. Вся тропа была окрашена кровью наших ребят. Несли очень долго, часов 8, наверное. Внизу у речки нас ждали БМП. В санчасти в ту ночь мы сами мыли и брили Володю, надели всё на него новое: тельняшку, камуфляж, берцы — у кого что было, а в карман положили записку с нашими извинениями [для матери — за то, что не смогли спасти. — Прим. редактора]. А под утро мы на разведку ушли».

Володя, чью гибель описывал боец, — это Владимир Лауэр, младший сержант, попавший в Чечню за пару месяцев до своей гибели.

В начале марта боевики вновь вошли в Грозный. Периметр его охранялся слабо, чеченцам удалось блокировать несколько постов и комендатур, после чего произошла обычная мрачная история: отряды МВД (в основном СОБР) пытались прорваться на помощь к окружённым, сами попали в засады и понесли тяжёлые потери.

Боевики хорошо знали город и режим работы блокпостов, поэтому смогли спокойно проникнуть в Грозный мимо КПП. Офицер Горно-Алтайского ОМОНа, дежуривший на блокпосту № 6 на въезде в Грозный, рассказывал:

«Посты обстреливали почти ежедневно, но постреляют минут десять и уйдут. А тут они всё долбят и долбят. Мы видим, что это уже не шутки, давай помощь запрашивать. А там весь город уже воевал.

Тоцк, лето 1995. Младший сержант Владимир Лауэр.
Фото из семейного архива.

Блокпост казался окружён со всех сторон. К десяти часам у нас уже БМП подбили. А кто к нам прорывался, попали в засаду».

Командование заявило бойцам этого отряда, что помочь не может, и предложило омоновцам... взять в заложники гражданских чеченцев. Несколько ошарашенные омоновцы всё-таки предпочли пробиваться к своим своими силами на бронетранспортёрах. Отряд благополучно вышел со своего «шестого контроля». К этому моменту пресса уже сообщила, что весь ОМОН полёг.

При этом, как часто бывало раньше, армейские подразделения слабо координировали свои усилия с частями МВД, так что милиционеры впрямую обвиняли военных в саботаже. Военный комендант полковник Андриевский в бешенстве сообщал в Ханкалу, где находилось командование ОГВ:

«Звонил Тихомирову[1], он не берёт трубку. Помощи не оказывает никакой, ни вертушки, ни артиллерия. Они едва держатся там. Мы не можем спасти своих людей. <...> Помощи никто не оказывает. Если сегодня они не введут войска свои, то завтра здесь уже делать нечего, наши посты все разобьют. У всех заканчивается б/к, пробиться нет возможности. <...> Ничего не могу сделать, все резервы задействованы. У меня здесь одна коробочка. Армия дала только три танка и три БМП почти без боеприпасов. Тихомиров не хочет. Я сказал ему: „Вы здесь что, хотите внутренние войска уничтожить?" <...> Работают только два вертолёта федералов, и то только на словах. Обозначают работу и уходят»[2].

---

[1] Вячеслав Тихомиров, с января 1996 г. командующий группировкой войск Министерства обороны в Чечне.

[2] Грозный. 6 марта 1996 года. Операция чеченских боевиков «Возмездие». https://www.warchechnya.ru/groznyj-6-marta-1996-goda-operatsiya-chechenskih-boevikov-vozmezdie/

Грозный к тому моменту был уже основательно разрушен, так что у боевиков имелись отличные условия для устройства засад. Попавшие под первый удар собровцы были хорошими солдатами, но они оказались заложниками ситуации: сосредоточение крупного отряда боевиков командование ОГВ проморгало. Общий план действий на случай такой ситуации если и существовал, то не был чётко реализован. Основная масса подразделений выполняла приказ не покидать пунктов дислокации. Скудные готовые резервы разрывались между разными блокированными позициями.

В итоге в этот день погибло около 70 человек, причём самый тяжёлый урон понесли части СОБРа — отряды, изначально не заточенные на операции в качестве лёгкой пехоты, но к таким действиям способные, что в условиях Чечни было на вес золота. Пермский и Нижегородский СОБР, екатеринбургский ОМОН и ряд других частей понесли тяжелейшие потери. Противник же, сделав дело, без особых проблем отступил из города. Для боевиков эта история стала своего рода репетицией перед летними боями. Слабость обороны Грозного была слишком очевидна, чтобы ею не воспользоваться[1].

Беда в том, что взятие очередного аула не давало, по сути, ничего. Иной раз боевики несли высокие потери. Однако переломить ситуацию в свою пользу русским не удавалось. Оставалось надеяться на постепенное умаление сил противника. Вопреки собственной браваде, участники чеченских вооружённых формирований прекрасно знали, что такое истощение, и не могли продолжать войну вечно. Но проблемы российской группировки в Чечне позволяли чеченцам продолжать войну долго.

В начале 1996 года состоялся необычный военный эксперимент российского командования — попытка сформировать добровольческую казачью часть. Но этот опыт оказался не слишком удачным. 694-й отдельный «Ермоловский батальон» сколачивался второпях, не прошёл должного обучения и в итоге оказался храбрым,

---

О боях в Грозном в марте 1996 см.: «Всё перекрыто, везде бои: Грозный. 6 марта 1996 года» (https://defendingrussia.ru/a/groznyj_6_marta_1996_goda-5315/); а также: Виталий Носков. Мартовские бои в Грозном 96-го года. http://okopka.ru/n/noskow_w_n/text_0030.shtml

Шатой, февраль 1996. Колонна российских десантников покидает деревню. Боевая машина на переднем плане дооборудована спаркой автоматических пушек. Фото Александра Неменова.

но не слишком умелым подразделением. Ермоловцы провоевали три месяца и понесли ощутимые потери, затем в батальоне началось дезертирство, и в итоге казаки покинули Чечню по распоряжению армейского начальства [63].

Сама идея была разумной: от добровольцев можно было ожидать большей мотивированности и лучшего боевого духа, чем от молодых срочников. К тому же казачью часть можно было использовать для обкатки новых подходов к обучению бойцов, для создания новой организационной структуры, лучше приспособленной для боевых действий в условиях горной контрпартизанской войны. После того как безответственные искатели приключений отсеялись (хотя и таким малопочтенным способом, как дезертирство), осталось боеспособное ядро, из которого уже можно было формировать крепкую часть. Тем более, что некоторые из ермоловцев уже де-факто участвовали в боях ещё с весны 1995-го неформально, за счёт личных контактов с офицерами получая оружие и боеприпасы. Но создавать такое подразделение следовало, конечно, не за несколько недель в конце кампании, а в течение нескольких месяцев, желательно до начала боевых действий, дав время на сколачивание и обучение. В реальности неопытных казаков просто выталкивали на позиции уже обкатанных в боях террористов, а затем батальон расформировали, даже не попытавшись создать полноценную боевую единицу с использованием опыта боёв. В этом эпизоде уже в который раз проявилась едва ли не главная беда Российской армии в первую войну: непоследовательность и отсутствие хотя бы самой общей стратегии. Потратить время и силы на то, чтобы создать подразделение, неплохо его оснастить, а затем просто распустить, даже не попытавшись исправить его проблемы, — как ни печально, подобными метаниями сопровождалась вся кампания.

В середине апреля Российская армия получила очередной болезненный удар, один из самых сильных за всю войну. В ущелье возле села Ярышмарды была разгромлена войсковая колонна 245-го полка, в составе которой погибло более 90 человек.

Засада была организована отрядом арабского полевого командира Хаттаба. Поскольку этот тыловой район был до сих пор довольно

Нужно отметить, что некоторые казаки остались в Чечне в качестве добровольцев и воевали до самого вывода войск.

Грозный, 8 марта 1996. Чеченский боевик на своём посту. Фото Александра Неменова.

Бамут, май 1996. Российский вертолёт атакует деревню. Фото Александра Неменова.

спокоен, а с жителями окрестных сел имелась договоренность, военные расслабились и утратили бдительность. В контрпартизанской операции это равносильно смертному приговору. Основная часть блокпостов в тылу полка была снята в силу крайней нехватки людей. Взаимодействие с полком, через чью зону ответственности шла колонна, не было организовано. С воздуха колонну не прикрывали, никакие дозоры её не оберегали, разведка маршрута не проводилась. В зоне, где шёл марш, войска не контролировали ничего. Отряд араба Хаттаба успел даже окопаться на позициях, замаскироваться и ждал злосчастную колонну во всеоружии. Теоретически колонны должна была прикрывать артиллерия, но в самом начале боя была выбита командно-штабная машина, в которой ехали корректировщик и старший колонны.

16 апреля около половины третьего пополудни колонна полка попала под обстрел на серпантине. С одной стороны находился обрыв, с другой — отвесная скала, так что уйти из-под огня солдатам было крайне сложно. Бой шёл до шести часов вечера, когда к разбитой колонне вышла отправленная на помощь бронегруппа. Снайпер-контрактник, ехавший в колонне, оставил живописный рассказ о своём участии в этом бою:

> «Колонна растянулась на „тёщином языке" (это серпантин такой). На нём наливники еле разворачивались, а уж МАЗы, которые неисправную технику тянули, вообще не знаю, как проходили. Всё тихо, спокойно. Едем, анекдоты травим. Проехали Ярышмарды, голова колонны уже за поворот ушла, наливники мост через сухое русло прошли. И тут — взрыв впереди, смотрим — из-за пригорка башню танка подбросило. <...> Нашёл какое-то углубление в обочине, затолкал туда свой зад. Рядом боец-срочник залёг. Первый шок прошёл — наблюдаю, как дела обстоят. А дела неважные. Наливники встали на дороге. Ребята из взвода наливников отстреливаются во все стороны, как могут, где духи конкретно, пока неясно. Аркаша из-под колеса своего наливника мочит в белый свет. Тут мимо меня граната как шарахнет в наливник,

что сзади нас шёл. Наливник горит. Я прикидываю, что если он сейчас взорвётся, то нам всем будет очень жарко. Пытаюсь понять, откуда же эта штука прилетела. Смотрю, вроде кто-то копошится метрах в 170 от нас. Глянул в прицел, а „душара" уже новую гранату готовит. Свалил я его с первого выстрела, аж самому понравилось. <...>

Пока я по духам палил, Аркаша горящий наливник отогнал и с дороги сбросил. Прислушался, вроде пулемёт работает. Сзади что-то подожгли, и чёрный дым пошёл в нашу сторону по ущелью, из-за него в прицел ни фига не видно. Прикинули мы с Дмитрием — так срочника звали, — что пора нам отсюда отваливать. Собрались и рванули через дорогу, упали за бетонные блоки перед мостом. Голову не поднять, а пулемётчик тем временем долбит по наливникам, и небезуспешно. Поджёг он их. Лежим мы с Димой, а мимо нас в сторону моста течёт речка горящего керосина шириной метра полтора. От пламени жарко нестерпимо, но, как выяснилось, это не самое страшное. Когда огненная река достигла „Урала" с зарядами для САУ, всё это добро начало взрываться. Смотрю, вылетают из машины какие-то штуки с тряпками. Дима пояснил, что это осветительные снаряды. Лежим, считаем: Дима сказал, что их в машине было около 50 штук. Тем временем загорелся второй „Урал" с фугасными снарядами. Хорошо, что он целиком не сдетонировал, снаряды взрывами разбрасывало в стороны. Вдруг во втором „Урале" с фугасными боеприпасами что-то так взорвалось, что задний мост с одним колесом свечой метров на 80 ушёл вверх. Стрельба беспорядочная, но пулемётчик духов выделялся на общем фоне. Решили мы из этого

ада кромешного выбираться, перебежали в „зелёнку". Распределили с Димой секторы обстрела. Я огонь по фронту веду, а он мой тыл прикрывает и смотрит, чтобы духи сверху не пошли. Выползли на опушку, а по танку, который в хвосте колонны стоял, духи из РПГ лупят. Раз восемь попали, но безрезультатно. Потом всё же пробили башню со стороны командирского люка. Из неё дым повалил. Видимо, экипаж ранило, и механик начал сдавать задом. Так задом наперёд он прошёл всю колонну и, говорят, добрался до полка»[1].

«Нас троих — меня, Макса и Андрея, спасли мешки с сахаром, но они завалились, завалив и наши автоматы. Пытались выскочить через задний борт, но огонь по нам был очень плотный, и ещё горела кабина с запаской, так что видимость была нулевой. Кое-как удалось разрезать сбоку тент, и в эту дыру мы вылезли. Возле „Урала" у нашего убитого взял АК. Лёг за дерево, начал оглядываться: кругом дым, гарь и крики раненых. „Кашээмка", а мы ехали за ней, горела. Вот мимо из хвоста колонны проехал танк, масксеть позади башни на нём горела».

К моменту, когда пришла помощь, всё уже было кончено. Боец рассказывал:

«Вижу, как идут наши солдаты со стороны 324-го полка. Начали нас, раненых, собирать и укладывать в медицинскую „мотолыгу". У ней двигатель так и работал всё это время! Она целая была! Человек 6-8 нас положили внутрь. Мёртвых стали класть наверх. Слышу, кто-то кричит: „Кто умеет водить?"

[1] Денис Цирюльник. Расстрелянная колонна.
http://otvaga2004.ru/voyny/wars-ussr/wars-caucas/rasstrelyannaya-kolonna/

> В кабину сел какой-то солдат, стал разворачивать „мотолыгу", сдаёт назад, а дорога узкая, и — завис над пропастью. Все убитые с брони повалились, человек десять-пятнадцать, в обрыв, в Аргун. „Вот и выжили!" — успел подумать. Но зависли. Потом всё же вырулили, водитель поставил „мотолыгу" на дорогу» .

Ярышмарды — жуткий пример и лучшая иллюстрация проблем Российской армии тех лет. Несмотря на формальное обилие людей, в реальности солдат для охраны коммуникаций постоянно недоставало, сами бойцы очень неумело противостояли засадам, а колонны снабжения становились лёгкой добычей. Все недочёты накладывались друг на друга с фатальными последствиями.

После Ярышмарды стал широко известен до того незаметный Хаттаб. Прежде чем попасть в Чечню, этот человек уже имел за плечами бурную биографию профессионального джихадиста. Хаттаб родился в Саудовской Аравии (хотя существуют версии, помещающие его родину в Иорданию) в весьма состоятельной семье и уже в 80-е годы уехал воевать в Афганистан против советских войск. Судя по всему, он действительно близко принял идеи священной войны против неверных и пытался заработать свой рай с гуриями. В Афганистан он попал уже ближе к концу войны, но успел получить несколько ранений. Одной из узнаваемых деталей его внешности была изувеченная взрывом рука. После ухода Советской армии из Афгана Хаттаб продолжил искать место, где можно всласть повоевать за веру, и такое быстро нашлось. В 1993 году Хаттаб участвовал в кровопролитном нападении на 12-ю заставу российских Пограничных войск между Таджикистаном и Афганистаном. Русские оставались там в рамках миротворческой миссии на таджикской гражданской войне; Россия поддерживала светское правительство, воевавшее против исламских экстремистов. Во время боя с пограничниками Хаттаб командовал одним из отрядов. После того как война в Таджикистане пошла на спад, он отправился в Чечню. Нападение под Ярышмарды сделало его имя широко известным. Этот умелый и жестокий борец погибнет за своё царство веры лишь несколько лет спустя.

Впрочем, успех не всегда сопутствовал боевикам. Например, в 1996 году в засаду спецназа ГРУ с фатальными для себя последствиями попал один из сподвижников Радуева — Умар-Хаджи Хасанов по прозвищу Батя. Этот персонаж прославился, в частности, тем, что отрубил саблей голову мёртвому лётчику из сбитого самолёта Николаю Баирову. Уничтожение Хасанова было примером хорошо устроенной засады. Участник операции описывал этот эпизод:

«Мы собрались уходить. Вдруг наблюдатель докладывает: „Подъехал «уазик»!" Машина остановилась, не доезжая до нас, из неё вышли несколько человек, достали приборы ночного видения и стали проверять безопасность дороги. Видимо, этот участок у них тоже считался рискованным. Ждём. А ожидание — штука нервная. Вдруг это их разведка нас ищет? Нет, погрузились в машины и тронулись на небольшом расстоянии друг от друга. И опять сомнения: те это люди или не те? Как определить, чтобы грех на душу не принять?

Решили рискнуть. Вышли открыто на дорогу и стали машины тормозить. „Уазики" встали — и сразу же из дальнего по нас открыли огонь. Хорошо, что было темно, очередь прошла, никого не зацепив. Ну наконец-то все сомнения рассеялись! Первый автомобиль попытался уйти. Мы начали бить по нему, в два ствола метров с семи, не больше. Из машины выпрыгнул „дух", а на нём аж три автомата висят. Успел он пару раз шагнуть и тут же получил пулю в голову, потом ещё две в грудь и в шею. Стреляли мы только из бесшумного оружия. Одновременно добавляли по второму автомобилю. Сопротивления никакого. Окружили машины, быстренько всё вытрясли: оружие, документы... Не успели толком документы посмотреть, как со стороны села появляются фары. Были у нас горячие головы, которые предлагали и этих встретить соответственно, но командир принял решение:

„Уходим!" Оружие есть, документы есть, в расположении части разберёмся. Выполнена задача полностью или нет, к чему лишний риск? Быстро собрались и стали отходить. Вариант отхода также был отработан. Пройдя несколько километров, мы добрались до пункта эвакуации, где нас уже ждала бронегруппа. На броне вернулись домой без дополнительных приключений...»

Эта засада в другом источнике описывается несколько иначе. Согласно альтернативной версии, машина была одна, но поджидавший боевиков в засаде капитан Грибов с небольшим подразделением потратил несколько драгоценных секунд, чтобы убрать с дороги некстати очутившегося там гражданского, так что автомобиль был обстрелян, но уехал. В итоге на дороге остались два трупа успевших спешиться боевиков. Хасанов был убит наповал, а Салман Радуев, автор теракта в Кизляре, тяжело ранен; водитель получил лёгкое ранение и уцелел. Какими бы ни были реальные обстоятельства боя, Радуев был точно тяжело ранен в лицо, а Хасанов не менее точно убит. На счастье Радуева, в зоне досягаемости нашёлся хирург — без преувеличения — с мировым именем Хасан Баиев, который собрал голову террориста из кусков и оснастил Радуева самой известной деталью его анатомии — титановыми пластинами, скреплявшими кости головы. Так что Радуев получил ещё несколько лет жизни и свободы, которыми он воспользовался, надо признать, довольно бездарно.

Потеря лица Радуевым была мелочью на фоне действительно впечатляющего события второй половины апреля. В результате спецоперации 21 апреля был убит Джохар Дудаев. Лидера чеченского подполья было крайне трудно изловить, поскольку тот соблюдал все меры предосторожности. В конце концов, удалось завербовать человека из окружения чеченского президента. Тот передал информацию о примерном месте нахождения Дудаева в урочный момент. Дудаев остановился для того, чтобы поговорить по телефону с российским политиком Константином Боровым. Русским удалось запеленговать сигнал спутникового телефона лидера боевиков, после чего самолёт нанёс удар ракетой по месту, откуда исходил сигнал. Дудаев погиб на месте.

---

http://otvaga2004.ru/voyny/wars-ussr/wars-caucas/likvidatory/

Это было серьёзное достижение: покойный президент тогда был единственным, кто мог претендовать на настоящее лидерство в стане чеченцев. Ни Басаев, несмотря на высокий авторитет, ни тем более Масхадов и официальный преемник Яндарбиев на эту роль не годились. С другой стороны, не следует и переоценивать значение гибели Дудаева: на тот момент отряды боевиков пользовались широкой автономией, так что надеяться обезглавить подполье таким образом было бы наивно. В любом случае, упорного и сильного врага России не стало.

Стоит отметить, что к тому моменту позиции Дудаева внутри чеченского подполья были более шаткими, чем принято думать. У лидера боевиков накапливались конфликты с крупными амбициозными полевыми командирами. Боевики не являлись армией как таковой, внутренние дрязги были довольно серьёзные. К весне 1996-го Ахмед Закаев прочно рассорился с Русланом Гелаевым из-за руководства отрядами боевиков в районе села Гойское. Закаев старался увести под своё личное знамя отряды, воевавшие в этом районе, обещал деньги и оружие; вдобавок в Гойском содержались рабы (39 человек, захваченные боевиками гражданские строители), которых Закаев сдавал внаём. Это невероятно раздражало других командиров, вынужденных охранять чужую частную тюрьму, о которой было известно российским военным (на всех переговорах с военными эта тема всплывала, а село периодически бомбили для пущей сговорчивости) . Вся эта история сказывалась и на отношениях Гелаева с Дудаевым как командующим всеми силами боевиков. У самого Дудаева были трения с Басаевым — тот имел амбиции, но его дружина использовалась как «пожарная команда» и несла большие потери. Короче говоря, монолитом чеченские отряды никогда не были, и на фоне этих свар гибель Дудаева не привела к какому-то значимому нарушению управления — нарушаться было нечему. Начштаба Дудаева Аслан Масхадов был как раз более компромиссной фигурой, поскольку имел меньше честолюбия и способностей к политике, зато являлся действительно приличным военным специалистом с образованием нужного профиля (Дудаеву-то его опыт руководства бомбардировочными авиачастями приложить было некуда).

Подробности скандала: Иса Астамиров. Гойское сражение. Правда не терпит то, что терпит бумага.
https://www.facebook.com/groups/timeche/permalink/2249639508450939/

В мае успешно окончилась растянувшаяся на долгие месяцы осада Бамута. Уличных боёв в самом селе удалось избежать. После падения Гойского, Комсомольского и Старого Ачхоя боевики потеряли желание продолжать борьбу за посёлок. К тому же в Ачхое у «духов» были тяжёлые потери при отходе, что и повлияло на готовность оставить Бамут.

Обходя село по горам, разведывательная рота 166-й бригады наткнулась на группу боевиков, шедшую из села, и серьезно её потрепала. Затем выходящие из Бамута дудаевцы наткнулись на мотострелков и, понеся новые потери, откатились в горы. Эта операция сделала знаменитой разведывательную роту 166-й бригады под командой Алексея Ефентьева, широко известного по позывному «Гюрза».

Действительно, его разведрота сыграла свою роль во взятии так долго державшейся «бессмертной крепости». Один из солдат роты с удовольствием повествовал:

> «Когда оборонявший Бамут отряд при перемещении попал в засаду (между мостом и бродом), после боя крепость стало некому защищать, и когда в Бамут вошли, там уже было только несколько боевиков на миномётах и ДШК (они потом в сторону Ингушетии ушли).
>
> Так и взяли. Правда, по совести Бамут боевики, действительно, долго держали, но воевать с империей — дело неблагодарное»[1].

Одна из последних атак на Бамут на удивление подробно описана в мемуарах российского солдата Сивкова:

> «...В бой шли не полки и бригады, а так называемые выездные группы, собранные из всех боеспособных подразделений той или иной войсковой части. Их состав периодически менялся: кто-то из „боевиков" охранял расположение части, кого-то отправляли сопровождать

[1] https://aventure56.livejournal.com/6374.html

различные грузы. Обычно в группе было 120-160 человек. В этот раз нам не повезло: накануне 2-я рота уехала с автоколонной. В итоге на штурм двинулось 84 человека на восьми боевых машинах пехоты.

В центре 324-й полк наступал на Лысую гору, а справа от нас 133-я и 166-я бригада штурмовали гору „Анжелика". Первыми в атаку пошли вертолёты. Летели они красиво: одно звено быстро сменяло другое, уничтожая на своём пути всё, что можно. Одновременно подключились танки, САУ, РСЗО „Град".

Впереди [нас] пошли БМП: они полностью простреляли небольшую еловую рощицу, стоявшую перед нами. Дойдя до леса, мы перегруппировались, а затем вытянулись в одну цепь. В лесу первыми шли разведчики и сапёры, а мы потихоньку двигались вслед за ними. Людей у нас было мало, и все шагали в одной цепи: офицеры и солдаты, контрактники и срочники. Идти было тяжело, перед подъёмом пришлось задержаться для отдыха минут на пять. Очень скоро разведка доложила, что в середине горы вроде бы всё спокойно, а вот наверху стоят какие-то укрепления. Комбат приказал, чтобы в укрепления пока не лезли, а дожидались остальных. Мы продолжили подъём по склону, который был буквально „распахан" огнём наших танков (укрепления чеченцев, однако, остались целы). Склон высотой пятнадцать-двадцать метров был почти отвесный. Пот лился градом, стояла страшная жара, а воды у нас было очень мало.

Кто-то сказал: „А может быть, чеченцы уже ушли?" Спустя несколько секунд все поняли, что никто никуда не ушёл. Казалось, что огонь вели со всех сторон. Рассыпавшись, мы стреляли, кто куда мог.

Бамут, май 1996.
Танк оснащён минным тралом.
Фото Александра Неменова.

Бамут, май 1996. Российские войска атакуют деревню.
Фото Александра Неменова.

Я добежал до конца нашей роты. Здесь начинался овраг, а за его краем выше по склону находился основной блиндаж. Какой-то чеченец постоянно кричал оттуда „Аллах акбар". Когда в его направлении несколько раз выстрелили, нам ответили таким огнём, что больше стрелять не захотелось. Благодаря своей радиостанции я мог представить себе всё происходящее в радиусе четырёх километров. Разведчики сообщили, что потеряли всех командиров и начинают отход. В первые минуты боя им досталось больше всех. Комбат кричал, что если они откатятся, то и вся наша группа окажется в окружении.

Атаку на Анжелике чеченцы отбили. Боевые группы обеих бригад откатились назад. 3-й батальон пошёл в атаку и вышиб чеченцев с первой линии обороны, но за ней сразу же начиналась вторая, о существовании которой никто не подозревал. Начался затяжной огневой бой: нас обстреливали и сверху и снизу. Расстояние было небольшим, взаимная ругань и мат сыпались с обеих сторон.
<...>
Помощи всё не было, лишь артиллерия поддерживала нас постоянным огнём. Чечено-ингушская граница проходила недалеко, в нескольких километрах от Бамута. Днём она была незаметна, а когда стемнело и в домах на западе зажглись электрические огоньки, граница вдруг стала ощутимой. Мирная жизнь, близкая и невозможная для нас, протекала рядом — там, где люди не боялись включать свет в темноте.

Отступать нельзя, наступать невозможно — мы могли лишь висеть на склоне и ждать. С сигаретами было нормально, а воды у нас к тому времени не осталось. Мёртвые лежали неподалёку от меня, и я чувствовал запах

разлагающихся тел, смешанный с пороховой гарью. Кто-то уже ничего не соображал от жажды, и все с трудом удерживались от желания добежать до речки.

Лысую гору мы заняли только 22 мая. В этот день в девять часов утра 3-й батальон пошёл в атаку, но встретил лишь одного чеченца. Он выпустил одну очередь веером в нашу сторону из автомата и затем убежал. Догнать его так и не смогли. Все остальные боевики исчезли незаметно. Тем же утром несколько наших солдат отправились в деревню. Осмотрев брошенные дома на окраине, наши взяли несколько одеял, полиэтилен и уже собирались возвращаться. В это же самое время, какие-то войска начинали красочное „наступление" на Бамут. С вершины Лысой горы мы хорошо видели, как под прикрытием дымовой завесы по деревне медленно продвигались танки, а вслед за ними шли пехотинцы. Не встречая сопротивления, они дошли до кладбища, остановились, и тут их увидели те самые солдаты, спустившиеся вниз.

Днём все заметили, что внизу творится что-то странное. Под прикрытием дымовой завесы какие-то кричащие солдаты куда-то бежали, стреляя в разные стороны. Вслед за ними катились танки и БМП: дома превращались в развалины за несколько секунд. Мы решили, что чеченцы перешли в контратаку и нам предстоит новый бой, теперь уже за деревню, но всё оказалось гораздо проще. Это наше телевидение снимало „документальный" репортаж о „взятии Бамута"...» [54]

За всё время осады, начиная с первых попыток подступиться к этому селу, погибло 92 российских солдата и офицера [55].

Падение Бамута имело ощутимые психологические последствия. Это был своего рода символ упорной обороны Чечни. Его сдача даже позволила говорить о победе в войне. К тому же некоторые сёла постепенно выходили из конфликта или вообще переходили на сторону России. Скажем, много злобных слов сторонники Ичкерии впоследствии посвятили «предателям из Урус-Мартана», а сами «предатели» в обе войны охотно шли в отряды лоялистов.

В конце мая Ельцин посетил Чечню, пользуясь тем, что в Москве находилась делегация сепаратистов во главе с Яндарбиевым, и поздравил военнослужащих с победой. Опытный популист, Ельцин постарался выжать максимум из текущего положения дел в свете июньских президентских выборов. Фактически, продолжавшаяся партизанская война делала любые заявления о победе не выдерживающими критики. Июнь и июль прошли в попытках ухватить за хвост перемещающиеся по республике отряды боевиков. Ельцина это уже не слишком волновало: президент был благополучно переизбран. А в августе произошло событие, перевернувшее ход войны.

ГРОЗНЫЙ. АВГУСТ

Планирование нового нападения боевиков на Грозный не было тайной. Слухи о грядущем налёте просачивались в город и не обошли российское командование. Разведка постоянно сообщала всё более тревожные сведения. Например, в июне в Грозном была захвачена группа боевиков из отряда Басаева, выполнявшая специфическую задачу: чеченцы вывозили из столицы семьи мятежников. Однако серьёзных мер по предотвращению этого удара или его смягчению принято не было. Более того, буквально за считанные часы до вторжения была начата переброска части гарнизона для операций в других местах. Общее положение дел в Грозном заставило многих думать о «договорном матче». Один из военных описывал ситуацию так:

> «В конце лета 1996 года в Чечне происходили вещи, чересчур странные даже для этой войны. В июле большая часть войск была выведена из Грозного в Ханкалу и аэропорт „Северный". В городе остались только

Грозный, август 1996. Машина Красного креста проезжает мимо сгоревшей российской БМП-2. Фото Александра Неменова.

комендатуры и блокпосты. В комендатурах было по тридцать человек бойцов, на блоках и того меньше. По общей оценке специалистов, это было бы слишком мало даже и для мирного города»

«Тридцать человек» — всё же преувеличение, многие КПП и блокпосты были переоборудованы и укреплены, на опорных пунктах созданы запасы патронов. Но практика показала, что этого было мало.

Ослабление гарнизона было не единственным странным моментом. На железнодорожном вокзале находились слабо охраняемые вагоны с гранатомётами. Охрану несли слабые подразделения чеченцев-лоялистов. Когда начались бои, этот арсенал, естественно, тут же достался боевикам.

Для атаки на Грозный привлекалось большинство крупных чеченских отрядов. В акции участвовали Басаев, Гелаев, Исрапилов и Арсанов со своими группами. Первоначальная численность боевиков, по их данным, составляла около 850 человек. Однако в ходе боев, благодаря подкреплениям извне и выходу из подполья их товарищей внутри Грозного, их силы превысили две тысячи человек .

Одновременно с Грозным были атакованы Аргун и Гудермес, причём в этих боях проявился традиционный бич российского подхода к контрпартизанской войне: города толком не контролировались, поэтому были легко потеряны. Российские гарнизоны в лучшем случае могли защищать сами себя.

Итак, 6 августа боевики вторглись в Грозный. Как и во время новогоднего штурма, они действовали сравнительно небольшими мобильными отрядами, используя набеговую тактику. Основные удары были направлены на центр города и железнодорожный вокзал. Затем боевики окружили блокпосты в Грозном и провели осаду зданий МВД, ФСБ и Дома правительства. В огне боёв счастливо погибло (или «погибло») множество разнообразных документов, начиная

Мы не собирались сдавать Грозный.
https://www.gazeta.ru/army/2016/08/06/9705023.shtml

от материалов расследования покушения на генерала Романова и заканчивая финансовой документацией относительно средств, выделенных на восстановление хозяйства республики.

Во всех случаях события разворачивались сходным образом. Отряды боевиков блокировали здание, предлагали сдаваться и при отказе — а с ходу не сдался никто — начинали осаду и штурм. Задачу им облегчало то, что многие позиции российских военных простреливались с верхних этажей близстоящих зданий. Хотя артиллерии у противника не было, огонь был очень плотным, достаточным даже для того, чтобы нейтрализовать вертолёты: в первые же часы боёв были подбиты сразу три «вертушки» [xx]. Вертолётчики действовали активно, даже отчаянно: скажем, они били по первым этажам здания Управления по борьбе с организованной преступностью в момент, когда нижнюю часть контролировали боевики, а на верхних этажах находились свои. Но сами вертолёты, конечно, не могли полностью блокировать дудаевцев.

Командование ОГВ тут же начало формировать штурмовые отряды, которые должны были разблокировать изолированные гарнизоны. Всего на лету сколотили 11 отрядов, но обстановка была категорически непонятна, так что задачи им ставились довольно абстрактные — в основном «продвинуться на 300 метров в такую-то сторону». Численный состав одной из таких групп Внутренних войск приводится в литературе: 249 человек, 12 БТР, 8 БМП, 4 миномёта, 3 установки автоматических зенитных пушек [xxi]. Впрочем, в первый же день одна из этих групп выручила блокированный в здании УБОП милицейский отряд.

Следующий день облегчения не принёс. Штурмовые отряды, направленные в город, были остановлены сильным огнём. Некоторые из них вернулись на исходные, некоторые пробивались с постоянными потерями. Вообще боевики показывали очень высокую подвижность, постоянно захватывая врасплох те или иные группы военных. Чеченцы успешно разыгрывали свой классический трюк: обстрелять позицию и ждать в засадах всех, кто поедет спасать изолированный гарнизон. Отряды, отправленные для разблокирования окружённых, быстро втянулись в мучительные бои с тяжёлыми потерями.

Основная проблема русских состояла в необходимости спасать отрезанные части. Вероятно, наибольшие потери были понесены именно в ходе попыток пробиться к окружённым либо попыток самих окружённых

Аэропорт Ханкала, август 1996.
Фото Александра Неменова.

прорваться к своим. Прапорщик ФСБ так описывал историю своего пленения:

«Когда боевики начали штурм Грозного, мы сначала отбивались в своём общежитии, где жили. Но потом решили уходить. Боевики, сидя на заранее подготовленных позициях, из окон прилегающих многоэтажек огнём из двух пулемётов рассеяли нашу группу. Решили прорываться дальше, к своим в УФСБ. Слава богу, что „духи" этого не ожидали, и большая часть ушла с огневых позиций. Оставшиеся из группы подошли к пролому в бетонной стене. Мы допустили оплошность, подбежав к этому пролому, так как внезапно оказались в свете вспыхнувшей осветительной ракеты, и по нам ударили пулемёты противника.

Перед проломом в бетонной стене стояла строительная техника, за которой мы укрылись. Я кинул гранату. Пользуясь замешательством „духов", метнулись назад во двор. Однако во дворе нас уже ждали боевики, занявшие огневые позиции. Что-то сообразить было трудно, огонь по нам вёлся с короткой дистанции. Нырнули в подвал под бывшим кафе. Окружённые, мы в этом подвале просидели четверо суток. Как только начинался обстрел, „духи" прыгали в этот же подвал, но в соседнее помещение, а мы прятались от „духов" за холодильниками. Порой заходили боевики и к нам, но у нас было грязно, сыро, воняло канализацией. Посветив фонариками, они дальше заходить не решались и поворачивали. Мы же сидели затаив дыхание: ни кашлянуть, ни шелохнуться.

Один офицер, находившийся с нами, сошёл с ума. У него после контузии был психологический шок.

Он то хватался за оружие, то ему ходить надо, а мусор под ногами скрежещет — мы боялись, что из-за него нас могут обнаружить. С 7 по 12 августа мы ничего не ели и не пили, единственным источником воды было то, что капало с труб. На четвёртые сутки нашей подвальной жизни появились наши вертушки, которые нанесли удар по боевикам. Те кинулись искать укрытие в подвале. Поняв, что нас сейчас обнаружат, мы кинули в „духов" две гранаты. Услышав характерный щелчок запала гранат, боевики метнулись наверх вон из подвала. Но двоих боевиков мы, однако, зацепили, один мёртвый свалился к нам за холодильник, за которым мы укрылись. Боевики пришли в себя и кинулись в тамбур подвала — мы встретили их автоматным огнём. Так ничего и не добившись, „духи" вынуждены были отступить.

Их командир Абдурахман решил с нами поговорить. Нас начали убеждать, что рано или поздно они займут этот подвал, и хватит им для этого одной противотанковой гранаты.

У нас ребята и так все контуженые были, и одной гранаты боевиков для нас вполне хватило бы. Оставили свои автоматы, тем более что патронов уже не было, и вышли наверх.

Офицер, у которого „крыша поехала", на выходе из подвала пустил себе пулю в висок.

Нас доставили в изолятор в помещении бывшей аптеки. В аптеке нам досталось от охранников, хотя тоже разные попадались, но в основном было много любителей поиздеваться. Вопросы задавали на допросах одни и те же: „Сколько ты убил человек? Сколько тебе платили за убитую женщину или ребёнка? Тебе земли чеченской захотелось?" Объяснять что-либо

Грозный, август 1996.
Горящий нефтеперерабатывающий завод.
Фото Александра Неменова.

было бесполезно. В конце августа, недалеко от блокпоста у Ханкалы, состоялся обмен, которого мы так ждали...»[1]

К 10 августа боевики контролировали значительную часть Грозного, блокировали русских на блокпостах и в правительственных зданиях. Блокпосты и комендатуры оказались в окружении, лишённые подвоза боеприпасов, медикаментов, пищи и воды, не имея возможности эвакуировать раненых. На сторону боевиков перешла часть милиционеров-«завгаевцев», официальных союзников российских властей. В то же время — надо отдать должное — часть чеченских милиционеров (в первую очередь ОМОН) отбивалась до последнего бок о бок с русскими. Забегая вперёд, скажем, что чеченские омоновцы были одной из самых крепких лоялистских частей — эти люди продолжали драться, несмотря на тяжелейшие потери. Позднее они сохранят костяк отряда за годы «интербеллума» и восстановят свою часть сразу с началом второй кампании. А летом 1996-го многие из этих людей после упорного сопротивления попали в плен и были казнены боевиками. Пережив первый шок, русские начали постепенно вытеснять боевиков из Грозного, возвращая контроль над территорией. Уже 10 августа была освобождена площадь Минутка, штурмовые отряды продирались в ещё не подконтрольные районы Грозного. 11 числа окружённые комендатуры начали зачистку территории вокруг себя собственными силами [66] — благо, численность боевиков была невысока. «Спланированная внезапность» и хорошая подготовка позволили чеченцам нанести русским высокие потери, однако на Грозный, Аргун и Гудермес были брошены почти все их силы, и теперь они быстро перемалывались. К 13 августа основная часть изолированных гарнизонов была разблокирована. В Грозный прибывали свежие силы российских военных. Шансы боевиков удержаться в столице были равны нулю. Центр тяжести боевых действий постепенно смещался за пределы Грозного. Кризис в боях за столицу Чечни миновал.

Признаком перелома могут служить пленные. Так, 12 числа было захвачено живыми по крайней мере 40 боевиков[2]. Но о полном

---

[1] http://otvaga2004.ru/voyny/wars-ussr/wars-caucas/padenie-groznogo-1996/

[2] В документах российских войск упоминается о переговорах насчет обмена этих пленных на разблокирование одного из гарнизонов

контроле над ситуацией говорить было рано. Предыдущий штурм и новые бои превратили Грозный в огромный лабиринт развалин, и в этом лабиринте легко было спрятать даже довольно крупные отряды. Впрочем, 14 августа Масхадов распорядился о «переходе к обороне» и даже об обмене пленными . В этот день девять раненых федералов обменяли на то же число боевиков.

Однако ход событий направляли уже не военные.

КАПИТУЛЯЦИЯ

15 августа в Чечню прибыл секретарь Совета безопасности Александр Лебедь. На тот момент Лебедь был весьма популярной в России фигурой. Генерал, обративший на себя внимание во время миротворческой миссии в Приднестровье, занял третье место на только что прошедших президентских выборах и получил свою должность в обмен на политическую поддержку Ельцина. Теперь же его имя навсегда оказалось связано с капитуляцией России перед Чеченской Республикой. Генерал Пуликовский, командовавший войсками в Грозном, пытался «дожать» ситуацию, выставив боевикам ультиматум и подвергая их непрерывным «карам с небес» силами авиации и артиллерии, но это были уже бесплодные усилия. Финальное соглашение о прекращении огня между Лебедем и Масхадовым предусматривало остановку боевых действий с полудня 23 августа.

За время августовских боёв в Грозном погибло 322 солдата и офицера, 180 человек пропали без вести или попали в плен

Стараниями Лебедя, а пуще того Бориса Березовского, который был при нём своего рода «серым кардиналом», в Чечне были прекращены боевые действия и начались переговоры о полном выводе российских войск с территории республики.

Августовское сражение в Грозном в российской военной прессе иногда сравнивают с падением Сайгона во время Вьетнамской войны. «Вьетнамские» аналогии действительно напрашиваются, однако не с Сайгоном, а с «наступлением Тет». В 1968 году отряды Вьетконга нанесли серию масштабных ударов по американским и южновьетнамским войскам. В военном отношении эта акция провалилась,

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ ЛЕБЕДЬ, ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ

Фото Александра Неменова

дата рождения	место рождения
20.04.1950	г. Новочеркасск

- В 1969 году поступил в Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище.
- С ноября 1981 по июль 1982 года участвовал в войне в Афганистане.

- В 1982–1985 годы учился в Военной академии им. М.В. Фрунзе.
- С марта 1988 года командовал 106-й воздушно-десантной дивизией.
- В 1990 году присвоено звание генерал-майор.
- В 1991 году поддержал Бориса Ельцина во время путча ГКЧП.
- В 1992 году возглавил миротворческую операцию в Приднестровье.
- В 1995 году уволен в запас в звании генерал-лейтенанта.
- В декабре 1995 года избран депутатом Государственной Думы.
- В 1996 году участвовал в выборах президента России. Занял 3-е место с 14,7% голосов избирателей. Во втором туре поддержал кандидатуру Бориса Ельцина, что позволило последнему выиграть выборы.
- В 1996 году — секретарь Совета безопасности РФ. Отправлен в отставку осенью того же года.
- Летом 1996 года подписал Хасавюртовские соглашения совместно с Асланом Масхадовым.
- С мая 1998 года — губернатор Красноярского края.
- 28 апреля 2002 года погиб в авиакатастрофе.

однако сам факт крупного наступления после нескольких лет войны шокировал американское общество и склонил его в пользу прекращения боевых действий. Нечто подобное произошло и в Грозном. Через двадцать один месяц после начала войны, после всех принесённых жертв, после Будённовска и Кизляра, война вернулась к исходной точке, и победа оказалась не ближе, чем в конце февраля 1995-го. Поиск выхода путём переговоров теперь выглядел не просто приемлемым, а наиболее верным решением.

Тезис о почти выигранной Россией войне, победу в которой отняли политики, выглядит сильно натянутым. Говорить о военном разгроме, после которого российские части не могли продолжать боевые действия, конечно, не приходится. Однако после всех мытарств оказалось, что боевики по-прежнему сохраняют многочисленные боеспособные отряды, и не где-нибудь в горах, а в Грозном, Гудермесе и Аргуне. В случае продолжения войны армии, безусловно, пришлось бы начинать новую кровавую кампанию, которая легко могла увенчаться ещё одним грандиозным терактом. К тому же в России недавно прошли президентские выборы, выигранные Ельциным с огромным трудом, а парламент контролировался оппозицией. Словом, доводов в пользу передышки любой ценой было предостаточно.

Однако достигнутые договорённости стали таким «шедевром» дипломатии, что впору было задуматься, точно ли худой мир лучше доброй ссоры. 31 августа были приняты так называемые Хасавюртовские соглашения — по названию дагестанского городка, где они были подписаны Масхадовым и Лебедем. Трудно сказать, в какой степени люди, подписавшие эти соглашения, верили в то, что несут Чечне и России мир. «Архитектором» соглашения выступил вездесущий олигарх Борис Березовский, один из ключевых персонажей российской политики 90-х. Фактически соглашения не решали ни одной проблемы, стоящей перед Россией и Чечнёй. Вопрос о статусе республики откладывался до 2001 года, войска выводились за её пределы. Этим содержательная часть документа исчерпывалась. Зато отдельными соглашениями устанавливалось, что Чечня продолжит получать деньги из российского бюджета. Чечня отдавалась на откуп полевым командирам с их отрядами. Трудно назвать хотя бы какие-то положительные результаты заключения этого похабного мира. Даже прекращение огня в итоге оказалось фикцией. Однако

в конкретных условиях 1996 года довольно трудно представить, что события могли развиваться каким-то иным образом. Русский исполин был тяжело контужен и нуждался в передышке — не столько потому, что был побит чеченцами, сколько потому, что должен был разобраться сам с собой и со своими проблемами.

Российские войска грузились в эшелоны и покидали республику. До конца 1996-го они были выведены из Чечни полностью, за спиной военнослужащих осталась только немногочисленная агентура спецслужб.

Чеченская война, по официальным данным, стоила России 5552 жизней солдат и офицеров убитыми, попавшими в плен и пропавшими без вести. Эти цифры не являются безусловно истинными, но они очень близки к альтернативным подсчётам. Основываясь на поимённых списках, ПЦ «Мемориал» определил уровень потерь в 4393 человека погибшими, 706 пропавшими без вести и пленными, а также 706 дезертирами[67]. Эта цифра, как видим, неплохо соотносится с официальной. Практически то же число (5391 человек, включая пленных) даёт неофициальный список потерь, составленный независимым исследователем Павлом Милюковым.

Как уже говорилось неоднократно, потери боевиков не могут быть точно установлены в силу иррегулярного характера их отрядов и постоянной миграции людей из мирных крестьян в боевики и обратно. По словам Масхадова, бандформирования потеряли 2870 человек погибшими[1]. Это люди, известные по именам, без учёта пропавших без вести и по каким-либо причинам не вошедших в подсчёт. Названная Масхадовым цифра может использоваться разве что в качестве оценки снизу. В порядке «информированных прикидок» в частных беседах российские военные называли цифру в 4–4,5 тысячи убитых и умерших от ран боевиков (без учёта пленных), однако все эти оценки более или менее спекулятивны и пригодны в лучшем случае для определения примерного порядка цифр.

В период фактической независимости Чечни была даже попытка выпустить «книгу памяти» убитых боевиков, но затея сорвалась

[1] Цифра неоднократно упоминается. Например: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/66224/

из-за начала новой войны. В целом, с учётом того, что российские потери включают неявившихся дезертиров, а данные об утратах чеченцев заведомо неполны, можно сказать, что боевые потери сторон сопоставимы. Для регулярной армии такая боевая эффективность, конечно, прискорбна. К счастью, впоследствии российские войска стали куда более действенной военной силой.

Потери мирных жителей республики «по головам» до сих пор не подсчитывались, оценочные данные плавают в широком диапазоне — от всего двух тысяч (включая примерно тысячу человек в Грозном) до 120. «Средние» оценки находятся обычно в диапазоне 20–50 тысяч человек[1]. Нужно отметить, что это люди, умершие от всех причин, связанных с войной, включая снижение качества медицинского обслуживания, общую антисанитарию и т. п. К сожалению, нужно признать, что работа по учёту потерь в Чеченской войне велась просто отвратительно.

---

[1] Детальное рассмотрение вопроса о потерях в Первой Чеченской войне см., напр., в работе Сергея Рязанцева «Последствия военных действий в Чеченской Республике». http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0211/analit02.php

Ханкала, август 1996. Чеченский пророссийский милиционер помогает добраться до медпункта раненому товарищу. Фото Александра Неменова.

ГЛАВА 9
КУЛАКИ ПОСЛЕ ДРАКИ

Грозный, 25 января 1997.
Митингующие с портретами Басаева
накануне выборов. Фото Александра Неменова.

МЫ СВОЙ ВЫБОР
СДЕЛАЛИ!
ICHERI
CHAMIL
• Построение свободного, демократического,
• Борьба с преступностью.
• Возрождение экономики и рост

ЖИВЫЕ И МЁРТВЫЕ

В 1996 году начала разыгрываться одна из самых мерзких драм Чеченской войны. В Грозном остался поезд с вагонами-рефрижераторами. Он был наполнен неопознанными останками российских солдат и гражданских. Работы по опознанию велись в Грозном служащими лаборатории идентификации Министерства обороны. Чеченцы поставили условие — опознание одного российского солдата на десять соплеменников, поэтому работа с телами русских шла медленно. В июле 1999-го, когда в рефрижераторах ещё оставались тела солдат, лаборатории пришлось свернуть деятельность: двух техников утащили людокрады. После этого капитана Юмаева, руководившего работами, отозвали в Ростов. При посредничестве ОБСЕ пытались подготовить экспертов из местных кадров, но из троих обученных чеченцев двое отказались работать. Единственный из них, кто выполнял эту тяжёлую работу, Исса Алхазуров, впоследствии пропал без вести. После этого поезд с трупами — в основном чеченцев — так и простоял на окраине Грозного до второго штурма и занятия его российскими войсками. Холодильники отключились от питания, и в 2000 году поезд был набит скелетами 154 человек. 13 их них были военнослужащими[1].

Если для солдат война в 1996 году на некоторое время кончилась, то для судмедэкспертов она не прекращалась. Идентификацией неопознанных останков занималась ростовская 124-я лаборатория — на пике 9 офицеров и 51 гражданский специалист под началом полковника Владимира Щербакова. Лаборатория начала работать в начале войны и сразу столкнулась со множеством трудностей. У огромного числа людей не было при себе никаких документов. Что ещё хуже, солдаты часто менялись индивидуальными жетонами «на счастье», и убитые поступали с исходно неверными данными. Трупы часто привозили обгоревшими, лишёнными конечностей, обезображенными до полной неузнаваемости. Некоторые тела уродовались боевиками или обгрызались животными, что тоже усложняло идентификацию. Лабораторию постепенно усиливали

---

[1] https://www.1tv.ru/news/2000-02-11/290562-na_okraine_groznogo_obnaruzheny_chetyre_refrizheratora_s_ostankami_voennosluzhaschih_i_grazhdanskih_lits Репортаж, посвященный обнаружению поезда с останками в 2000 году.

людьми и оборудованием, многое поступило от частных жертвователей. Однако ресурсов было крайне мало, способы опознания приходилось разрабатывать буквально на ходу.

После того как с поля боя привозили останки, на жертву заводилось дело. Мертвецов фотографировали, снимали на видеокамеру, особенно тщательно фиксируя специфические приметы. Тело тщательно исследовалось на предмет любой значимой информации. Шеврон, одежда, самодельные надписи, личные вещи. Затем начиналась, собственно, идентификация. Родственников пропавших без вести тщательно опрашивали, желая получить приметы. Родинки, зубы, дактилоскопическая информация, татуировки. Некоторые способы опознания были разработаны в самой лаборатории. Например, для установления родства смогли использовать отпечатки стоп. Нелишнее изобретение — в первую войну люди особенно часто горели в машинах и бронетехнике, и ноги в грубых кирзовых сапогах сохранялись намного чаще и лучше рук.

Список примет для опознания мог выглядеть, например, так (цифры — номер тела, данные — вещи при трупе):

> 11. Нательный крест из белого металла, шлемофон танкиста.
> 37. Оржавленная кружка часов.
> 42. Часы «Слава», на них надпись: «Папе в день 60-летия. Саша, Гала 883638 (возможно, Маленьких, Имамов, Сухарев, Барабин, Мохов, Ануфриев, Казбеков, Капустин. 81 мсп, инф. м-ра Соколова).
> 47. Сапоги с надписью «Кагарманов».
> 229. На брюках надпись: «Наприенко 9589814» (Наприенко жив, 81 мсп). В Чечне не был, своё обмундирование передал молодёжи, помнит имена Дима и Олег, 1 рота 81 мсп.
> 254. Алюминиевая ложка с надписью: «7 мср» и «Ищи мясо, сука».
> 481. 7 фотографий, листок блокнота с адресами: 606019 Нижегородская обл., г. Дзержинск, ул. Черняховского, офицерское

общежитие, Бараненко Людмиле Петровне. Далее следуют адреса.
523. Самодельный брелок из 2-х патронов калибра 5,45 с цепочкой.
579. Значок «Россия» с изображением Георгия Победоносца.
666. На голове зелёная повязка (чеченец?).
710. На груди мешочек-амулет из кожи с арабским текстом.
713. Завёрнутая в носовой платок игрушечная лошадка белого цвета, часы «Камелер».
516. На внутренней поверхности портупеи надпись: «Никто не обнимал меня так долго».

И т. д.[1]

124-я лаборатория продолжала работу и во время второй войны. Всего через неё прошло до четырёх тысяч погибших. В первую кампанию удалось опознать 94% тел. Во вторую — 99%: благо, ко второй кампании у военных начали массово брать генетический материал на случай опознания. Некоторые сотрудники лаборатории впоследствии спились, один покончил с собой, ещё один попал в психиатрическую больницу. Щербаков позднее рассказывал, что со времён работы в лаборатории терпеть не может Аллу Пугачёву. Её новогодний концерт передавали по ТВ, как раз когда полковник и его подчинённые обрабатывали первый поток убитых из Грозного...

Уже в 1995 году из Чечни начали возвращаться ветераны боевых действий. Посттравматические стрессовые расстройства, в обиходе известные как «чеченский синдром», стали среди ветеранов настоящей эпидемией. Многие из тех, кто избежал ранений, всё же пали жертвами этой войны. Солдаты и офицеры возвращались из Чечни с глубокими психическими травмами, которые позже проявлялись самым разнообразным образом. При благополучном развитии событий

---

[1] Валерий Киселёв. Нижегородцы на чеченской войне. http://www.lib.ru/MEMUARY/CHECHNYA/nn95-99.txt

им удавалось преодолеть себя и вернуться к нормальной жизни. При неблагополучном — дело кончалось социальной дезадаптацией, вспышками агрессии, немотивированными преступлениями, самоубийствами. Журналист (сам бывший солдат Чеченской войны) Денис Мокрушин собрал подборку характерных высказываний:

> «Иван: Вообще часто снится погибший друг, почему-то всегда помогает мне, то патроны даст, то гранату. И ещё снится, что вот духи рядом, а калаш молчит, не хочет стрелять, и пацаны мои (вся разведгруппа) вокруг все погибшие. Мрак. Жена рядом спать перестала: говорит, плачу и бормочу.
>
> В: А у меня вообще одни животные инстинкты остались. Осталось только сидеть где-нибудь на пустыре и выть на луну.
>
> Виталий: Не пил, но и не спал. Ночами слушал радио и катался на машине. Милиция проверяла вены: думали, что наркоман, судя по глазам. Не хотелось объяснять, но когда говорил, что только приехал, сразу отдавали честь и отпускали. И ещё очень внимательно искал растяжки под ногами, и глазам было непривычно встречать рассвет и закат, видеть горизонт, т. к. всё время был в горах. И ещё не мог понять, что может огорчать людей, ведь всё так здорово, пока самого быт не затянул. А самое страшное, мне кажется, это тишина»[1].

Для многих солдат боевые действия обернулись тяжёлым разочарованием. Психологически тяжелая проигранная война, которую многие воспринимали как неправую, ломала психику. Прапорщик ОМОНа Дмитрий Белоусов рассказывал:

> «После боевых действий кто-то спился, кто-то в дурдом попал — некоторых прямо

[1] Из личного архива Дениса Мокрушина (twower.livejournal.com).

из Чечни увозили в психушку. Никакой адаптации не было. Жена сразу ушла. Хорошего вспомнить не могу. Иногда кажется, что лучше всё это вычеркнуть из памяти, чтобы жить дальше и идти вперёд. А иногда хочется высказаться.

Льготы вроде есть, но всё только на бумаге. Рычагов, как их получить, нет. Это я ещё в городе живу, мне проще, а сельским жителям вообще невозможно. Руки-ноги есть — и то хорошо. Главная неприятность — это что ты рассчитываешь на государство, которое тебе всё обещает, а потом оказывается, что ты никому не нужен. Я чувствовал себя героем, получил орден Мужества. Это была моя гордость. Сейчас уже по-другому на всё смотрю.

Если бы сейчас предложили поехать повоевать — поехал бы, наверное. Там проще. Есть враг и есть друг, чёрное и белое — перестаёшь видеть оттенки. А в мирной жизни надо крутиться и изгибаться. Это утомительно»[1].

О желании вернуться на войну, несмотря на все пережитые ужасы, упоминали и другие солдаты. Офицер СОБРа рассказвал:

«Проходило время, и мы сами изъявляли желание снова поехать на Северный Кавказ. Физический фактор срабатывал. Чувство страха, которое даёт адреналин, сильно влияло. Я расценивал боевые задачи и как долг, и как отдых»[2].

Многие солдаты продолжали воевать после войны, бросаясь наземь от звука петард, нашаривая автомат при виде мигающей лампочки видеомагнитофона, инстинктивно выискивая глазами снайперов на родных улицах. При этом, как и во многих других вопросах, государство

[1] [2] Участники первой чеченской кампании о штурме Грозного, Кадырове и кошмарах. https://zen.me/1WT4cR

самоустранилось от возвращения к нормальной жизни людей, проливавших за него кровь. На высшем уровне в 1997 году было отмечено, что «в настоящее время не ведётся централизованно и систематизированно учёт инвалидов военной службы, не проводятся научные исследования по изучению медико-демографических, социально-психологических, профессиональных и социально-экономических характеристик этого контингента»[1]. В общем, сухо констатируется, что вопросами адаптации военных, вернувшихся из зоны конфликта, государство не занимается.

Положение дел усугублялось отношением к ветеранам в обществе. С одной стороны, репортажи об ужасах войны формировали общественное мнение, так что из военнослужащих часто лепили свирепых карателей. С другой стороны, для многих участие в боевых действиях стало стигмой, мешающей и в профессиональном плане, и в личной жизни. Родные и близкие часто были просто не готовы встретиться с изменившимися в огне войны родственниками. Проблема оказалась пущена на самотёк, и далеко не все справились с грузом воспоминаний о той страшной войне.

ПОЧЕМУ МЫ ПРОИГРАЛИ?

Российское государство проиграло Первую Чеченскую войну. Это не льстящий национальному самолюбию факт, но он относится к объективной реальности. Как всякая крупная катастрофа, поражение в Чечне не произошло по какой-то единственной причине — война принесла высокие потери, позор и горе по всем причинам сразу.

Попытки придумать хлёсткое и простое объяснение катастрофе предпринимаются постоянно, но в итоге только запутывают дело. Классическая версия об армии, преданной политиками, не лишена оснований. Действительно, российское руководство вело себя самым скверным образом, и военные регулярно оказывались заложниками политической ситуации. Однако на политиков регулярно спихивают и чисто военные провалы. Омерзительные политики — исключительно удобные козлы отпущения: назвав фамилию Ельцина или хотя

---

[1] Владимир Березовец. Социально-психологическая реабилитация ветеранов боевых действий. Диссертация.

бы Грачёва, можно дальше не говорить о катастрофическом уровне планирования, дисциплины, падении боевого духа в армии. Но едва ли политики могут отвечать за безответственные решения конкретных генералов и офицеров, которых хватало на всех уровнях.

Противоположная версия — о массовом героизме чеченского народа, в едином порыве сражающегося с захватчиками, — типична для сторонников боевиков и зарубежных наблюдателей. Тезис «народ победить нельзя» в действительности ничуть не умнее и объясняет войну ничуть не больше. Первая Чеченская война — не первая и не последняя в ряду конфликтов, ведущихся партизанско-террористическими методами. Однако мировая практика показывает вполне реальную возможность разбить партизан, повстанцев или террористов при определённых условиях. Даже 90-е годы на постсоветском пространстве дали такие примеры. Была фактически подавлена исламистская оппозиция в Таджикистане, было полностью разгромлено движение сторонников Звиада Гамсахурдиа в Грузии. Наконец, в самой Чечне, как показали события второй войны и последовавшей контртеррористической операции, разгромить вооружённое подполье оказалось делом вполне реальным.

Горячие лозунги вроде «Чеченцы всегда будут сражаться за свободу!» в наше время пишутся обычно не из лесных схронов, а из столичных ресторанов. Что ещё важнее, в реальности мы как раз не обнаруживаем в чеченцах этого самого «единого порыва», в том числе в первую войну. Дудаевские формирования никогда не составляли основной массы боеспособных мужчин в Чечне, огромная часть населения в течение всей войны «голосовала ногами» и покидала республику, а отряды лоялистов, воевавшие против дудаевцев, существовали постоянно.

Политически Чеченская война выглядит как сочетание удручающей некомпетентности и вполне сознательного злого умысла. Дудаевский режим до войны процвел на коррупционных связях с российскими чиновниками, получив средства на содержание своих отрядов и ведение войны. Впоследствии схемы освоения средств изменились, однако коррупция постоянно влияла на эффективность усилий России в Чечне. В частности, в течение 1995–96 годов крупные деньги выделялись из бюджета на восстановление республики. Например, в 1996 году, по сообщениям СМИ, только на строительство

жилья и ремонт дорог в Чечне был выделен миллиард долларов. Едва ли можно было отыскать хотя бы одну хрущёвку, возведённую на эти средства, или хотя бы один километр отремонтированной дороги. Благо, как раз в 1996 году республика чрезвычайно удачно была для России утрачена, так что трудолюбивые восстановители народного хозяйства Чечни могли не опасаться появления аудиторов с неудобными вопросами. Всего за время первой войны, по разным данным, «исчезло» до двух миллиардов долларов [68]. Война также позволяла воинским начальникам списать недостающее военное имущество, оборудование, боеприпасы, технику. Сформировался теневой рынок вооружения. Короче говоря, как и большинство войн, чеченский конфликт открывал широкие возможности для всякого рода махинаций, в которые были вовлечены чиновники, занимающие весьма высокие посты, и, конечно, чеченские полевые командиры.

Российское политическое и военное руководство в Чеченской войне отнюдь не демонстрировало находчивости и энергии. Военное планирование раз за разом оказывалось не на высоте, а целый ряд отдельных эпизодов — как новогодний штурм Грозного, операции в Будённовске и Кизляре — невозможно назвать иначе, как оглушительными провалами. Все эти действия проводились высшими чиновниками и военачальниками, и их действия не выдерживают ни малейшей критики.

Отдельно обращает на себя внимание поведение властей при крупных террористических актах. Ещё до войны сделав лучшие контртеррористические подразделения страны жертвами политических игрищ, даже в острые моменты обладатели министерских портфелей рвались покомандовать сами, с лёгким сердцем игнорируя мнение специалистов по антитеррору. Когда же дело шло не так, как ожидалось, на государственных мужей нападал паралич воли.

Российская армия также не всегда обнаруживала нужную эффективность. Конечно, её проблемы в первую очередь связаны с катастрофой Вооружённых Сил начала 90-х. Из-за постоянных невыплат и необходимости борьбы за выживание офицеры попросту не могли овладевать военными специальностями, а боевая подготовка солдат в большинстве частей сошла на ноль. Лишившись крупных боеспособных контингентов, оставленных в союзных республиках или выведенных из Восточной Европы в чистое поле, страна должна была формировать войско из того, что было под рукой, в основном — из унаследованных

у Советского Союза «кадрированных» частей. Их исходно плохое состояние было усугублено крайним недостатком боевой подготовки и устаревшей организацией. Абсурд с точки зрения здравого смысла, но реальность Чеченской войны: страна, где жили сотни тысяч ветеранов разнообразных военных конфликтов, а Вооружённые Силы составляли на 1992 год 2,9 млн человек, не смогла выставить достаточного количества подготовленных солдат для операции против небольшой криминальной республики. В результате войну по большей части вели юноши-призывники, ни физически, ни психологически не готовые к испытаниям, которые уготовила им война — тем более настолько грязная и жестокая.

Генерал Лев Рохлин резюмировал:

> «Такое положение сложилось, прежде всего, из-за недобросовестного выполнения обязанностей руководством Министерства обороны.
>
> Вина руководства Министерства обороны состоит в том, что, сокращая армию с 3,5 до 1,7 миллиона человек, оно не оставило в её составе развёрнутых по полному штату, высоко обученных, материально укомплектованных соединений и частей.
>
> Опыт показывает, что наличие 2-3 таких дивизий с самого начала боевых действий могло обеспечить оперативное решение всех военных вопросов в Чечне.
>
> Таких дивизий не оказалось, несмотря на то что только в Западной группе войск до вывода в Россию их было 18»[1061].

Логистика и оснащение войск находились на откровенно удручающем уровне. Жалкие условия расквартирования, недостаток самого необходимого, включая пищу, воду и медикаменты, ставили солдат в тяжелейшие условия. Кроме того, недостаток снабжения и низкая дисциплина провоцировали разложение войск, халатное отношение к своим обязанностям и злоупотребление алкоголем.

Снайпер 245-го полка описывал быт своих сослуживцев весной 1996-го:

«Обсушиться можно было только у выхлопа Т-80. Костры ночью не зажигали, чтобы не демаскировать себя. С 18 марта наше существование можно коротко описать так: есть нечего, спать негде и не на чем. Не помню точно, но то ли в конце марта, то ли в первых числах апреля пришёл приказ: „Вперед на Гойское!" Тот манёвр, который выполняли тогда, ни атакой, ни штурмом назвать нельзя. Из-за периодических движений вперёд-назад солдаты дали этому занятию непечатное название. Никаких позиций мы не оборудовали, да и кто поставит задачу, если комбат каждый день пьяный, а с ним и всё управление батальона»[1].

Тактически войска оказались не приспособлены к ситуациям, типичным в современной войне. Взаимодействие между родами войск было налажено слабо, разведка велась плохо, контрзасадные мероприятия для многих офицеров оказались неведомой областью знания. В загоне оказалось снайперское дело, связь традиционно оказывалась ахиллесовой пятой армии.

Правда, было бы ошибкой впадать и в противоположную крайность, огульно обвиняя солдат и офицеров в повальной некомпетентности. Высокую боеспособность продемонстрировала морская пехота, бойцовские качества (несмотря на провалы в самом начале войны) показал спецназ ГРУ, неожиданно хорошо показали себя отряды СОБРа, традиционно храбро воевали части ВДВ. Да и обычные мотострелки отметились далеко не только претерпеванием тягот. Однако сила армии — в системе, и тактические успехи одних не могли компенсировать ошибок других. Изнурительная война с высокими потерями и невнятными результатами складывалась из множества мелких неудач.

Особенно серьёзным недостатком — уже на уровне руководства операцией — было неумение закрепляться на очищенной территории.

---

[1] https://biography.wikireading.ru/73454

Один из офицеров возмущался:

«Одна из особенностей этой странной войны, которая доводила нас буквально до бешенства, — это то, что одни и те же сёла мы проходили и зачищали по нескольку раз. В конце концов, я настолько изучил местность, что мог воевать там с завязанными глазами»[1].

При этом боевой опыт на уровне армии не накапливался, в лучшем случае тактику собственных подразделений совершенствовали отдельные офицеры. Личный состав постоянно обновлялся — даже не из-за гибели, ранений и болезней солдат, а из-за увольнений в запас. Новые рекруты начинали учиться всему заново и раз за разом совершали одни и те же ошибки. Профессиональный сержантский корпус в Советской, а теперь Российской армии просто не существовал. Сержантами становились обычные старослужащие срочники, поэтому надеяться на их опыт тоже не приходилось.

В воспоминаниях прошедших ад Чечни военнослужащих рефреном идёт тема предательства. В измене обвиняют командиров всех уровней и политическое руководство страны. В каждом крупном неудачном бою обнаруживаются признаки сознательной измены, и фраза «ребят продали» звучит в воспоминаниях едва ли не чаще любой другой. Грустная реальность состоит в том, что под «продажей» чаще всего объясняются организационные проблемы, тактические ошибки, некомпетентность, плохая выучка и отсутствие опыта. Автор не намерен ни в чём обвинять воевавших в поле людей (тем более, многие из них погибли), но чаще всего за теориями заговора прячется банальная уродливая проза жизни.

При исправлении ряда недостатков даже находящаяся в такой форме армия войну могла выиграть. В конечном счёте усилия тысяч людей были похерены просто в силу непоследовательности российской политики в Чечне, отсутствия внятной стратегии и неспособности объяснить собственному народу смысла происходящего. Бесконечные метания от переговоров к боевым действиям, неспособность выстроить хоть

---

[1] http://otvaga2004.ru/voyny/wars-ussr/wars-caucas/ot-samashek-do-bachi-yurta/

сколько-нибудь продуктивную политику по отношению к республике — всё это деморализовало людей и в итоге привело к приостановке боевых действий — фактически к капитуляции. Нельзя сказать, что армия остановилась на пороге победы. Нет, в августе 1996-го боевики имели немалые ресурсы для продолжения боевых действий. Но вывод войск привёл к тому, что в 1999 году кампанию в Чечне пришлось начинать заново.

Вообще администрация Бориса Ельцина продемонстрировала невероятную, просто фантастическую непоследовательность в разрешении чеченских дел. Стратегия Кремля в 1991–99 годах, кажется, заключалась в том, чтобы метаться и нажимать на все доступные кнопки. Сначала Дудаева поддержали, чтобы уничтожить Завгаева (как будто Завгаева требовалось уничтожать), потом Дудаеву пытались продемонстрировать силу, затем последовали годы неуклюжих попыток договориться. Далее «Ичкерию» пытались удавить при помощи тайной операции с опорой на оппозицию, но провалились. Попробовали разгромить дудаевцев грубой силой, но Будённовск вызвал у чиновников, ответственных за чеченскую проблему, полный коллапс мысли и воли. Ликвидация Дудаева — хоть какое-то проявление воли — предсказуемо не дала результатов, после чего администрация Ельцина с радостью схватилась за первую же оказию хоть как-то выйти из войны и замести проблему под ковёр. В этих прыжках можно отыскать что угодно, кроме осмысленной стратегии. На этом фоне дальнейшие действия Москвы во время второй войны 1999–2009 годов выглядят не слишком изящными, но по крайней мере последовательными усилиями по реализации внятного исполнимого плана. В первую войну о цельном замысле не приходилось говорить вовсе.

Огромную роль в поражении сыграл настрой общества в целом. Армия вела бои не в вакууме. Именно в 90-е годы по ряду причин не только Вооружённые Силы, но и российское общество было наименее готово к войнам за всю свою историю. Чеченская война в России была абсолютно непопулярна. Дальше всех пошёл Булат Окуджава. Иконный персонаж отечественной интеллигенции не нашёл ничего лучше, чем сказать о Шамиле Басаеве:

> «То, что он совершил, конечно, печально и трагично. Но я думаю, что когда-нибудь ему поставят большой памятник.

Потому что он единственный, кто смог остановить бойню»[1].

Подобные заявления на современный взгляд просто чудовищны, даже если абстрагироваться от последующих терактов (например, Беслана). Однако Окуджава лишь наиболее полно выразил популярный в стране настрой — окончание боевых действий любой ценой. Следует помнить, каким был социальный фон происходящего в Чечне. На российское общество в течение 90-х обрушилось чрезвычайно многое. Массовое обнищание, политическая нестабильность, взрывной рост всех антисоциальных явлений, от алкоголизма и наркомании до массовой преступности, — всё это создавало Чеченской войне совершенно определённый контекст. Война не вызвала никакой национальной мобилизации — наоборот, наиболее типичным стало всеобщее желание прекратить войну на любых условиях. Конечно, мало кто испытывал теплоту к чеченским боевикам, и под словами Окуджавы подписались бы немногие. Однако гнев и боль общества касались не только дудаевцев. Из-за некомпетентности и неспособности положить конец войне проклинали, в первую очередь, Ельцина и его команду. Что, разумеется, тоже сказывалось на решениях властей, пытавшихся избавиться от чеченской проблемы любым способом — в 90-е годы парламентские и президентские выборы каждый раз становились для администрации Ельцина тяжёлым испытанием.

Характерны результаты исследований российских социологических служб, в частности, Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Летом 1994 года, до «официального» начала войны, опрос ВЦИОМ показал, что сторонников помощи антидудаевской оппозиции в стране — около 8%, добиваться примирения предлагало 24% опрошенных, а почти половина респондентов просто желала политики невмешательства[2]. В конце января, когда вовсю шли бои за Грозный, 19% респондентов считали правильным разрешение конфликта военными средствами, 71% выступал категорически против. На протяжении всего

---

[1] Цит. по: Дмитрий Быков. Булат Окуджава. 2009. См. также: https://www.svoboda.org/a/1730213.html, https://www.youtube.com/watch?v=6OuBv7qVEuQ.

[2] https://magazines.gorky.media/druzhba/1996/2/god-chechenskoj-vojny-v-obshhestvennom-mnenii-rossii.html

конфликта «ястребы» оказывались в абсолютном меньшинстве. В вопросе о конкретных шагах среднестатистический россиянин выступал за мир любой ценой — за прекращение огня или немедленный вывод войск стабильно выступало от ⅔ до ¾ респондентов. Отметим, что это результаты опросов до Будённовска, Кизляра и провальной кампании лета 1996-го. Кроме того, ввод войск в Чечню и силовую операцию хором осуждали власти целого ряда регионов, по странному стечению обстоятельств являющихся национальными республиками — Карелии, Чувашии, Якутии, Татарстана, Башкирии, разумеется — Ингушетии и Дагестана. Речь шла не только о словесных декларациях — в Чувашии и Башкирии официально объявили о юридической защите солдат, отказывающихся идти на фронт. В собственно военных кругах также не было абсолютного единства по поводу необходимости войны до победного конца. Так, весьма популярный генерал, Герой Советского Союза Борис Громов, будучи уже заместителем министра обороны, бранил Грачёва за «варварский выбор боевых средств» и в целом не поддерживал всю операцию.

Капитан Олег Шатохин, замкомбата 245-го полка, описывал просто вопиющую картину в собственном батальоне перед отправкой в Чечню:

> «Взводных в полк начали привозить каждый божий день. Привезут взводных — вечером половины нет, разбежались. Кто просто так уехал, кто с рапортами. Причём приезжали в полк их мамы, папы, с адвокатами, которые писали командиру, что ввод российских войск в Чечню является неконституционным решением президента и на основании вот того пункта закона и уводят ребёнка-офицера. Утром на плацу на построении стоят офицеры, вечером половины командиров взводов нет. Уже было даже смешно...»

Легко представить, с каким настроем в Чечню отправлялись военные, всё-таки готовые воевать, но видевшие перед отправкой подобные сцены. Людей, сохранивших достаточно воли, чтобы ехать в мятежную республику после такого, можно только поблагодарить, но скромным успехам российских войск на этом фоне удивляться не приходится.

Даже некоторые казачьи организации настаивали на мире во что бы то ни стало. Сторонниками войны до победного конца остались, по сути, только немногочисленные русские националистические организации. В наше время можно сколько угодно говорить о предательстве Ельциным и Лебедем долгосрочных интересов России, но сложно отрицать, что капитуляция в Хасавюрте совершалась с самого что ни на есть горячего всенародного благословения.

Свою роль сыграло принципиальное нежелание российских чиновников и военных идти на контакт с прессой и общественностью. По сути, война за души и умы была проиграна Российской Федерацией по причине её неявки на ринг. Похоже, важность информационной борьбы вообще никем не осознавалась, работа не велась ни с населением Чечни, ни с населением России, ни с мировым общественным мнением, ни с собственными солдатами.

Корреспондент Владимир Сварцевич рассказывал:

> «В первые дни, когда началась война, всех, кто воевал с федералами, западные СМИ называли повстанцами. Конечно, видимо, была проведена такая работа. Дело в том, что чеченская сторона сделала всё, чтобы вызвать симпатии журналистов. Чеченцы никогда не препятствовали работе журналистов у себя, пускали без ограничений, без проверки документов. По возможности помогали и охраняли, кормили, устраивали на ночлег. Если надо было попасть в лес или в горы, на рынке оставляешь в палатке записку, что хочешь сделать репортаж о повстанцах. В гостиницу приходит мальчишка и говорит: тебе нужно быть в таком-то месте. Мы ночью в горах собирались на пресс-конференции, человек по 30-40. И упаси Бог, чтоб журналиста тронули. И журналист не будет плевать в колодец, из которого пьёт, так что всё было нормально. Если разделить информационный поток, который шёл

в мировые СМИ, то 80 процентов информации шло от повстанцев. А 20 процентов от федералов — МВД, Министерства обороны и так далее. Информационную войну проиграли»[1].

Дудаев и его преемники прекрасно понимали значение СМИ и активно вкладывались в борьбу за общественное мнение. В лице Мовлади Удугова сторонники Ичкерии имели выдающегося пропагандиста. В течение всего конфликта работать с боевиками журналистам было комфортнее, чем с российскими военными.

Это, правда, не снимает ответственности с российских телеканалов и газет: о лидерах боевиков снимались репортажи, которые трудно назвать иначе, как апологетическими. Боевики получили площадку для вещания прямо на российском ТВ. Репортажи о них велись с подчёркнутым пиететом[2]. Характерно, к примеру, такое описание штурма больницы в Будённовске:

«Врачи рассказывали мне, как во время дневного штурма многие мужчины-заложники, увидев, как рядом гибнут люди, умоляли чеченцев дать и им оружие, чтобы отстреливаться от спецназа. Бессмысленный, жестокий и абсолютно проваленный штурм самым неожиданным образом сплотил террористов и заложников. На разных этажах мне пришлось не раз услышать эмоциональные рассказы о том, как „наши ребята спасали от тех варваров и убийц". „Нашими ребятами" заложники называли террористов. Будоражившие город слухи о том, что в больнице боевики истязают свои жертвы, насилуют девушек, выставляют в окна детей, чтобы стрелять, прикрываясь ими, оказались

---

https://aif.ru/society/people/grachev-dudaev_kak_prohodila_vstrecha_s_kotoroy_nachalas_pervaya_chechenskaya

В качестве характерного примера — репортаж телеканала НТВ. Бой у Ярышмарды, интервью Хаттаба. См., напр.: https://ok.ru/video/60229110.

абсолютным бредом. Ни один из заложников, с которыми я говорил в больнице, не мог подтвердить подобного, и все лишь возмущались этими вымыслами»[2].

Остатки этих симпатий в отдельных изданиях чеченская сторона сохранила даже после самых кровавых терактов второй войны.

Иной раз пресса просто бесконтрольно несла околесицу, руководствуясь исключительно собственными эмоциями. Так, летом 1996-го, в первые дни боёв за Грозный, программа «Вести» объявила, что «блокированные в городе военнослужащие Внутренних войск складывают оружие и сдаются в плен». Позднее диктору пришлось извиняться за «трагическую оговорку»[66].

Точно так же Россия с треском проиграла борьбу за симпатии на международной арене. Эту обстановку отлично описал Александр Баунов, подвизавшийся на дипломатической службе в Греции (описывается чуть более поздний период, но всё сказанное применимо и к первой войне):

> «Даже в православной Греции, которая своих собственных мусульман держит в чёрном теле (в Афинах нет ни одной официально действующей мечети), приходилось тяжело. Картина происходящего для греков была проста и понятна. В Чечне идёт геноцид маленького свободолюбивого народа, который истребляют только за то, что он другой национальности и другой религии, чтобы захватить его нефть. <...> Из МИДа прислали кассету со съёмкой казней в Чечне — показать при случае местным журналистам. Большинство отказались смотреть (это ж не Тарантино, а настоящая смерть), а одна смелая барышня, взглянув, написала, что это, конечно, инсценировка КГБ и хорошо, если они для этого никого действительно не убили.

---

[2] Известия. 23 июня 1995 года.

Одним доставалось всё сочувствие, другим — всё осуждение. Гуманные скандинавские народы делали этот выбор из жалости к любым жертвам, о которых доходит слух. Не очень гуманные народы Восточной Европы — из неприязни к бывшему поработителю. Интеллигенция всего мира — из склонности защищать маленьких. Исламские страны — из религиозной солидарности. Западная Европа — потому, что сама проходила все эти постколониальные войны, во всех проиграла и была признана неправой. Американская дипломатия — потому, что кроме разумных людей там полно старых болванов, которые всю жизнь занимались сдерживанием России и ничего больше делать не умеют. Какая им польза ещё от одного исламистского недогосударства, объяснить они не могли, но зарплату получать по-прежнему хотели. Сложный конфликт как минимум с тремя сторонами (потому что кроме чеченцев-сепаратистов были и есть чеченцы-федералисты) оказался простым частным случаем битвы добра со злом»[1].

Западная пресса в течение всего конфликта старательно находила извинения террористическим атакам боевиков — вне зависимости от того, насколько варварскими они были. Усама бен Ладен не делал ничего, чем не занимались моджахеды в Чечне, а современные ближневосточные террористы отличаются от Хаттаба и Басаева разве что лучшим качеством киноаппаратуры. Однако даже самого слова «террористы» в обсуждении чеченских мятежников на Западе старались избегать, а некоторые персоны вроде Масхадова оставались для западных интеллектуалов и журналистов неприкосновенными, даже когда теракты стали основным тактическим приёмом боевиков. Россия вела обе войны под аккомпанемент осуждающих речей, а то и проклятий международного сообщества. Зачастую деятельность боевиков вообще оставлялась за скобками. Тексты западных авторов, посвящённые чеченской проблеме, чаще всего были полны пылким и, вероятно, искренним возмущением

---

[1] https://republic.ru/posts/l/934426

по поводу участи чеченского народа — и вправду печальной. Однако как до войны игнорировалась участь русского населения той же Чечни, так и теперь никого не интересовали ни пытки и убийства пленных (в том числе самих чеченцев, выбравших «неправильную» сторону), ни криминальные источники финансирования дудаевцев, ни даже массово практикуемое боевиками заложничество ради выкупа. Всё это отмечалось как бы между прочим, после чего авторы вновь седлали любимого конька ужасающих актов насилия со стороны федералов.

Любопытно, что на Западе у России имелись и симпатизанты, в том числе среди интеллектуальной элиты. На общем фоне, например, очень резко звучит совершенно не укладывающаяся в общий поток оценка английского политолога Анатоля Ливена:

> «Западных критиков действий России в Чечне можно условно разделить на две категории: людей, предвзято относящихся к России и несведущих в военных вопросах, и злопыхателей, которыми движет не сочувствие к чеченцам или подлинная забота о правах человека, а патологическая ненависть к России»[1].

Наконец, фактор, о котором часто забывают, рассматривая причины провала российской военной операции в Чечне, — это противник. Успех чеченских боевиков не может объясняться только слабостью русских. Здесь приходится обратить внимание на несколько обстоятельств. Чеченское общество, — по крайней мере его наиболее консервативная часть, — удивительно устойчиво воспроизводило определённый набор качеств, не менявшийся веками. Все характеристики «хищничества» XIX века можно почти без изменений перенести на почву конца XX столетия. Более того, один и тот же тип поведения позднее демонстрировался даже в абсолютно чужеродной среде — среди беженцев времён Второй Чеченской войны, просивших политического убежища в Европе[2].

---

[1] «Чечня и законы войны». Текст на русском языке опубликован в книге Алексея Малашенка и Дмитрия Тренина «Время Юга».

[2] См., напр.: https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/02/07/71432-chechenskie-razborki-avstrii-chto-izmenilos, https://inosmi.ru/politic/20170220/238758808.html.

Однако ровно те качества, которые мешали чеченцам стать благополучным социумом, стали решающими на войне, которая развернулась в их республике в 90-е. Жестокость и неразборчивость в средствах действовали устрашающе, склонность к быстрому криминальному заработку позволяла быстро отыскать деньги и оружие, а предприимчивость, инициативность, храбрость и авантюризм — качества, полезные на любой войне, тем более партизанской. В боевики шли люди, довольно архаичные по стилю мышления, но именно архаика-то им и требовалась в условиях, когда российское государство слабо, а своего практически нет. Именно простая, догосударственная структура общества позволила дудаевцам устоять. Более сложный социум, держащийся за обывательский жизненный уклад, нуждающийся в привычной нам инфраструктуре и экономике, был бы просто разгромлен[1]. Для сравнения, в 1999 году для того, чтобы сломить Югославию, НАТО хватило 2,5 месяца неразборчивых бомбардировок, причинявших мало урона армии, но парализовавших жизнь в стране. Дудаевцы воевали на порядок дольше, игнорируя даже полное разрушение своих городов и сёл, — и были готовы воевать дальше.

Лидеры боевиков собирали вокруг себя людей, готовых идти на смертельный риск ради быстрого успеха и готовых делать вещи, которые любому нормальному современному человеку кажутся чудовищными. Сторонники порядка и спокойствия просто вымывались из Чечни естественным образом. Имена лидеров антидудаевской оппозиции 90-х были быстро забыты. Военные вожди, напротив, оказались на коне. Если кто-то из них и объявлял о желании мирного развития, это была не более чем поза: боевикам первого призыва война дала всё — деньги, славу, статус, пусть и на руинах. Ничего кроме войны они не хотели и не умели, что быстро показали события после кампании 1996 года. Рядовые боевики разделяли этот подход.

> «Дудаев мечтал о кавказской войне с Россией. Мне это было по нутру. Воевать мне нравилось. Конечно, это был риск, но ничего другого я не умел делать»[2]

Собственно, без всякого «бы» — революция Дудаева и последующая война разметали городскую среду в Чечне. Люди, составлявшие её, в основном или бежали в Россию, или погибли.

Итак, друг на друга наложились три ключевых фактора. Крайняя слабость армии и государства не позволяла быстро и малокровно выиграть войну. В то же время основным противником российских войск стали чрезвычайно энергичные и жестокие военные вожди и их дружины, психологически готовые к любому насилию. Наконец, непопулярность в российском обществе самой идеи военной операции и неготовность к жертвам — что всячески дополняли усилия отечественной журналистики внутри и международное давление снаружи — привели к тому, что администрация Ельцина стремилась не выиграть войну и не создать основу мира, а замести вооружённый конфликт под ковёр. Именно это и было в конечном счёте интерпретировано как предательство: в случае национальной мобилизации те же усилия прилагались бы для совершенствования боевой силы армии или для более жестоких мер к мятежникам. Лишившаяся мощной армии, союзников, чувства собственной правоты и психологической стойкости, Россия не могла выиграть. Лишённые рефлексии, страха за будущее собственной страны и желания добиваться своего мирными путями боевики не могли проиграть.

Тем не менее люди, два года месившие грязь «Ичкерии», сделали для страны нечто важное. Спокойная сдача Чечни могла по цепочке повлечь распад всего государства, как минимум, на Кавказе. Такое крушение неизбежно сопровождалось бы тяжёлыми жертвами. Пример Чечни, однако, был не слишком вдохновляющим для других сепаратистских движений. Мало кому хотелось затевать борьбу за независимость ценой таких жертв и разрушений. Одно дело — Чечня, спокойно обогащающаяся на нефтяной контрабанде, и другое — разгромленная республика и Дудаев в виде хладного трупа. В итоге идеи сепаратизма на Кавказе стали уделом маргиналов, полубезумных проповедников и романтических юношей, но не местных элит. Даже в самой Чечне идеи радикалов вызывали не слишком массовые симпатии:

> «Я всё бьюсь над одним вопросом: а стоило ли ради того, чтобы привести во власть всяких ничтожеств, проходимцев, стоило ли разрушить республику, убить десятки тысяч людей? Что это за суверенитет и национальная свобода, если за них надо платить такой дорогой ценой? Да я даю вам голову

на отсечение, я даже опрос проводил: 99% населения не знает, что такое суверенитет, и никогда не считало СССР империей. А уж чеченцы разъезжали по шабашкам по всей стране. На своём опыте знаю, что простому народу всех наций не нужны суверенитеты, пока не довели дело до войны. Вот ведь парадокс для историка. Народ не хотел, не собирался, а политики заставили людей убивать друг друга»[2].

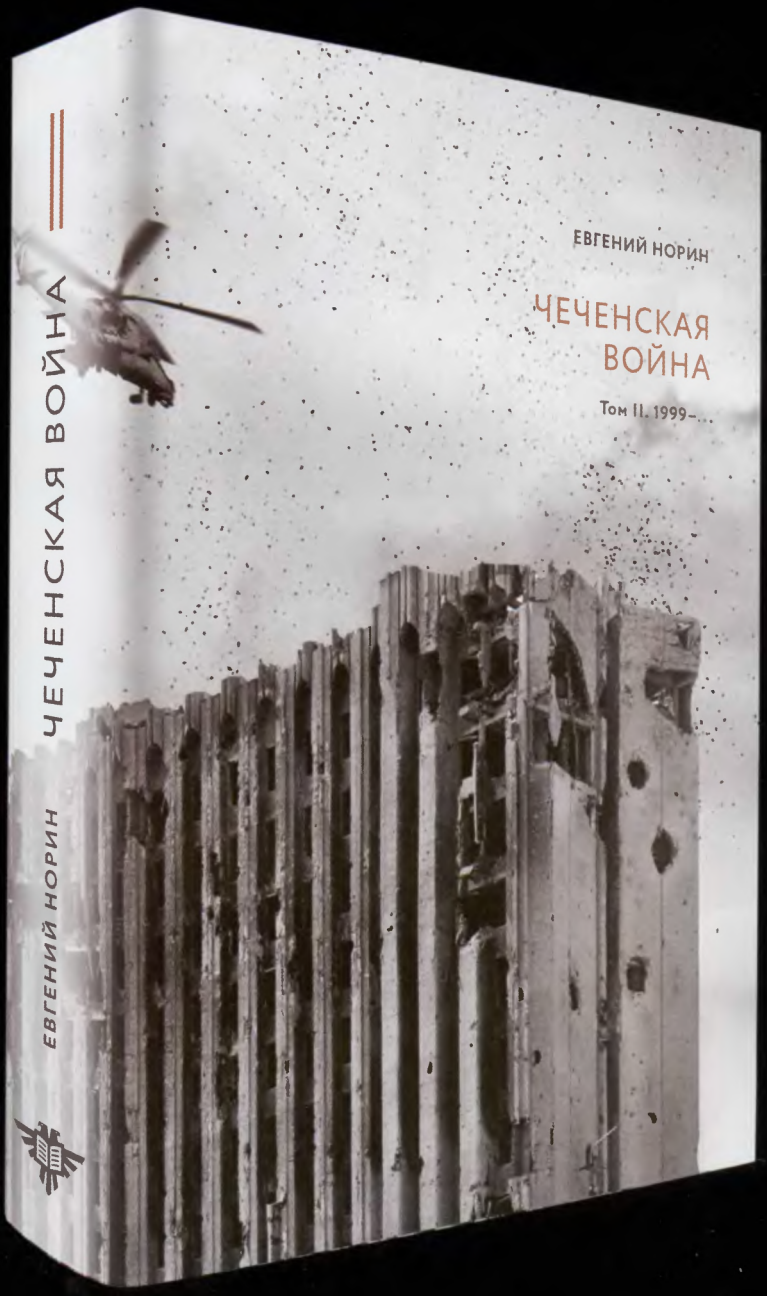
Чеченцы, если говорить об основной народной массе, скорее дико боялись снова оказаться перед лицом свирепо настроенных солдат, чем желали реализовать утопию свободного чеченского государства без электричества, пенсий и работающего писаного права. Более того, характеристики, которые выдавали боевикам мирные чеченцы, часто были даже менее сдержанными, чем у российских солдат.

Солдаты и офицеры Первой Чеченской войны выглядят на фотографиях и видеозаписях просто жутко. Изорванное в клочья обмундирование, отсутствие даже самой необходимой экипировки, часто — бросающаяся в глаза недокормленность, грязь на оружии и одежде. Но, пожалуй, заслуги именно этих людей перед страной наиболее велики: даже в таких безумных условиях они продолжали выполнять боевые задачи.

Под бесконечными осенними дождями из Чечни тянулись войсковые колонны.

Российская армия покидала Чечню. Она вернётся через три года.

Червлённая, декабрь 1996. Милиционер охраняет железнодорожную станцию. Через несколько дней российские войска будут полностью выведены из Чечни. Фото Александра Неменова.


ЕВГЕНИЙ НОРИН
ЧЕЧЕНСКАЯ ВОЙНА
Том II. 1999–
ЕВГЕНИЙ НОРИН
ЧЕЧЕНСКАЯ ВОЙНА

ЧЕЧЕНСКАЯ ВОЙНА ТОМ ВТОРОЙ. 1999–...

Второй том «Чеченской войны» о возвращении русской армии в Чечню в 1999 году на июль 2021 года находится на стадии допечатной подготовки. Второй том будет больше по объёму и охватит противостояние на Кавказе вплоть до наших дней. Как и на первый том, средства на издание книги будут собираться посредством предзаказа на сайте «Чёрной Сотни».

Начало предзаказа: июль 2021
Выпуск: осень 2021

Помимо второго тома «Чеченской войны», издательство готовит к выпуску фотоальбом с коллекцией фотографий Александра Неменова. Часть этих уникальных и очень художественных снимков использовалась и в книге, которую вы держите в руках. Альбом будет сопровождаться воспоминаниями фотографа и комментариями Евгения Норина. Значительная доля фотоснимков в альбоме будет опубликована впервые.

Начало предзаказа: лето–осень 2021
Выпуск: осень–зима 2021

Отправьте нам письмо «Хочу не пропускать чеченские новости», чтобы мы сообщили вам о выходе этих книг.

Наш электронный адрес: izdatelstvo@chernaya100.com

Интернет-магазин: chernaya100.com

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Елена Жупикова. К вопросу о депортации терского казачества в 1918–1920 гг. // Альманах «Белая гвардия». № 8/2005.
2. Валерий Тишков. Общество в вооружённом конфликте. Этнография Чеченской войны. 2001.
3. Аслан Масхадов. Честь дороже жизни / Сост. Пётр Климов. 1997.
4. По ту сторону войны. Документальный фильм Алексея Поборцева. Серия 1.
5. John Dunlop. Russia Confronts Chechnya. Roots of a Separatist Conflict. Cambridge University Press, 1998.
6. Анализ опыта боевого применения сил и средств разведки сухопутных войск во внутреннем вооружённом конфликте в Чечне. 1997.
7. Ахмед Келиматов. Чечня: в когтях дьявола или на пути к самоуничтожению. 2003.
8. Геннадий Трошев. Чеченский рецидив. Записки командующего. 2003.
9. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооружённых сил. Статистическое исследование / Под общ. ред. Геннадия Кривошеева. 2001.
10. Иса Алеро (Батукаев). Волчье время // Солдат удачи. № 4/1997.
11. Владимир Устинов. Обвиняется терроризм. 2002.
12. Виктор Коган-Ясный. Политический аспект отношений федеральных органов власти Российской Федерации с Чеченской Республикой в 1990–1994 гг. http://old.memo.ru/uploads/files/352.pdf
13. Комиссия Говорухина. Материалы парламентской комиссии по исследованию причин и обстоятельств возникновения кризисной ситуации в Чеченской Республике. 1995.
14. Марат Иорданов. Тайное общество «Ичкерия». 2001.
15. Александр Михайлов. Чеченское колесо. 2002.
16. Валентин Рунов. Чистилище Чеченской войны. 2012.
17. Андрей Савельев. Чёрная книга Чеченской войны. 2000.
18. Олег Татарченков. Мёртвый сезон // Солдат удачи. № 5/1999.
19. Криминальный режим. Чечня, 1991–1995 гг. Факты, документы, свидетельства / Ред. Александр Горлов. 1995.
20. Юрий Баранюк. Поезд на Гудермес // Солдат удачи. № 1/1996.
21. Михаил Болтунов. «Альфа» — смерть террору. 2003.

22. Сергей Новосадов. Чеченский дневник // Солдат удачи. № 2/2000.
23. Дмитрий Соколов-Митрич. Нетаджикские девочки. Нечеченские мальчики. 2007.
24. Положение вынужденных переселенцев из Чечни. Доклад ПЦ «Мемориал».
25. Сергей Максудов. Чеченцы и русские: победы, поражения, потери. 2010.
26. Андрей «Майами». Оппозиция // Солдат удачи. № 7/1996.
27. Ilyas Akhmadov, Miriam Lanskoy. The Chechen Struggle. Independence Won and Lost. Palgrave Macmillan, 2010.
28. Сергей Козлов и др. Спецназ ГРУ. Пятьдесят лет истории, двадцать лет войны. 2000.
29. Сергей Смирнов. Щенки войны // Солдат удачи. № 5/1999.
30. Николай Асташкин. По волчьему следу. 2005.
31. Анатолий Куликов, Сергей Лембик. Чеченский узел: Хроника вооружённого конфликта. 1994–1996 гг. 2000.
32. Генадий Трошев. Моя война. Чеченский дневник окопного генерала. 2001.
33. Сергей Козлов и др. Спецназ ГРУ-2. Война не окончена, история продолжается. 2002.
34. Николай Гродненский. Неоконченная война. История вооружённого конфликта в Чечне. 2004.
35. Павел Милюков, Константин Яук. Я — «Калибр-10». Штурм Грозного. Январь'95. 2010.
36. Валерий Киселёв. 245-й... Исповедь полка. Первая чеченская кампания.
37. Анатолий Куликов. Тяжёлые звёзды. 2002.
38. Сергей Шестопалов. Молох Грозного. 2013.
39. Россия–Чечня: цепь ошибок и преступлений. Доклад ПЦ «Мемориал».
40. Андрей Антипов. Лев Рохлин. Жизнь и смерть генерала. 1998.
41. Валентин Рунов. Чистилище Чеченской войны. 2012.
42. Виктор Баранец. Генштаб без тайн. 1999.
43. Владислав Шурыгин. Сорок четвёртое декабря // Солдат удачи. № 10/1995.
44. Александр Сладков. Грозный. Будённовск. Цхинвал. Донбасс. 2015.
45. Чечня и Россия: общества и государства / Ред. Дмитрий Фурман. 1999.

46. Игорь Морозов. Опыт, оплаченный кровью. Исповедь кавказского пленника // Братишка. № 1/2010.
47. Эркебек Абдулаев. Над Грозным городом раскаты // Солдат удачи. № 4/1995.
48. Валерий Киселёв. Разведбат. 2008.
49. Тарас Зиков. Разведчики! В атаку? // Солдат удачи. № 4/1996.
50. Александр Скобенников. Грозненское жертвоприношение // Солдат удачи. № 5/1999.
51. Владимир Лобов. Военная хитрость. 2001.
52. Игорь Прокопенко. Чеченский капкан: между предательством и героизмом. 2012.
53. Сводная база данных относительно погибших в первую войну российских военных с указанием имён, дат и по возможности обстоятельств гибели. Создана исследователем Павлом Милюковым, копия — в распоряжении автора.
54. Олег Метелин. Зачем на войну дураков берут // Солдат удачи. № 7/1998.
55. Борис Карпов. Это было в Бамуте, на Лысой горе // На боевом посту. № 4/2015.
56. Кавказские горцы дают отпор русскому медведю // Солдат удачи. № 7/1997.
57. Александр Березовский. От Самашек до Бачи-Юрта // Солдат удачи. № 12/1999.
58. А.М. Апалькова и др. Будённовск. Чёрный июнь 95-го. 1996.
59. К. Никитин. Кабул брал. Дворец Амина взял. Будённовск... // Братишка. № 1/2000.
60. Robert W. Schaefer. The Insurgency in Chechnya and the North Caucasus: From Gazavat to Jihad. Santa Barbara: Praeger Security International, 2010.
61. William D. Shannon. Swarm tactics and the doctrinal void lessons from the Chechen wars. Monterey (California): Naval postgraduate school, 2008.
62. Спецназ ГРУ. Очерки истории. Историческая энциклопедия в 5 книгах. Книга 4. Русская панорама, 2010.
63. Альберт Истомин. Опыт, оплаченный кровью. Забытый батальон // Братишка. № 2/2000.
64. Сергей Сивков. Взятие Бамута // Военно-исторический альманах «Военный комментатор». № 1/2000.
65. Грозненский жаркий август // Солдат удачи. № 11/1999.

66. Г.Т. Алёхин, Д.А. Семёнов. Грозный-96. Стреляющий август. Факты, события, документы. 1996.
67. Неизвестный солдат кавказской войны, 1994–1996. Потери российских войск: Погибшие, пропавшие без вести, пленные. Доклад ПЦ «Мемориал». https://memohrc.org/ru/books/neizvestnyy-soldat-kavkazskoy-voyny-1994-1996-poteri-rossiyskih-voysk-pogibshie-propavshie-bez
68. Владимир Змеющенко. Чечня эпохи возрождения // Профиль. 22.01.2001.
69. Алексей Малашенко, Дмитрий Тренин. Время Юга. Россия в Чечне, Чечня в России. 2002.
70. Анатоль Ливен. Чечня. Трагедия российской мощи. 2019.
71. Ад. Документальный фильм Александра Невзорова. 1995.
72. Чеченский капкан. Документальный фильм телеканала REN-TV. Реж. Андрей Кузьминов, Артём Иутенков и Игорь Прокопенко. 2004.

КНИЖНЫЙ КЛУБ ЧЁРНОЙ СОТНИ

Мы бы не смогли реализовать этот и другие наши проекты, если бы не наш Книжный Клуб на «Патреоне». Книжный Клуб — добровольное объединение наших читателей с ежемесячными взносами в пользу русского книжного дела. Вот имена и портреты наших добродеев-соиздателей:

Максим Абакумов
Иван Аверьянов
Семён Андронаки
Максим Анисимов
Аноним
Андрей Бабич
Павел Белов
Михаил Белошапка
Антон Берг
Алексей Бондарев
Марк Братчиков-Погребисский
Александр Брызгалов
Дмитрий Бузмаков
Станислав Булдаков
Павел Веклич

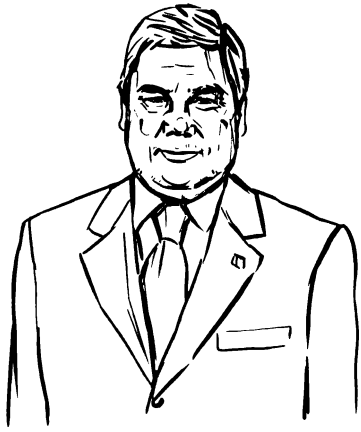
Аркадий Волков
Максим Волков
Михаил Ворожцов
Павел Гергелижиу
Адель Гилазиев
Алексей Гольтяев
Павел Григорьев
Денис Давыдов
Максим Дегтярёв
Николай Демичев
Роман Дерлюк
Ксения Десяткова
Павел Дубонос
Валерий Дубровский
Александр Егоров

Богдан Загрибельный
Андрей Задорожный
Алексей Зотов
Иван Зотов
Игорь
Семён Истомин
Дмитрий Истратов
Иван Казначеев
Александр Каинов
Михаил Кириенко
Илья Кирьянов
Александр Ключко
Артём Клячкин
Павел Кобелев
Филипп Ковалёв
Алексей Козлов
Юрий Козлов
Арина Колодина
Антон Коняхин
Кирилл Кубряков
Валентин Кувшинов
Илья Кулаков
Александр Куприенко
Всеволод Лебедев
Глеб Левин
Виталий Левченко

Руслан Лельчицкий
Никита Леонов
Иван Лесной
Кирилл Лисовский
Тамолюнас Литвак
Сергей Лобанов
Игнат Лоскутов
Андрей Лукашин
Михаил Лушин
Олег Майборода
Иван Макаров

Николай Малюхин
Марк Мороз
Евгений Морозов
Алексей Муравлёв
Дмитрий Мухин
Алексей Николаев
Григорий Николаев
Константин Новиков
Юрий Новиков
Кирилл Орехов
Виталий Осокин
Александр Петров
Антон Подкуйко
Иван Порядин
Владислав Рашаев
Пётр Садовый

Александр Семёнов
Михаил Семёнов
Иван Сергеев
Иван Силин
Илья Сильвестров
Кирилл Смиренко
Валерий Соколов
Владислав Соломатин
Илья Стремоус



Сергей Струков
Антон Сычёв
Антон Толкунов
Фёдор Фетисов
Олег Филатов
Владимир Ходаков
Сергей Хотеев

Владимир Цитрин
Виталий Чуманов
Михаил Шабриков
Виталий Шептухин
Сергей Шинкарёв
Андрей Югай
Лариса Юнеман
Роман Юнеман

FR

ВСТУПИТЬ В КНИЖНЫЙ КЛУБ:
WWW.PATREON.COM/CHERNAYA100

60 ЛЕТ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ РОСТИСЛАВ ФАДЕЕВ

Идеальный приквел «Чеченской войны» Евгения Норина — один из первых обзоров Кавказской войны. Всё о покорении Кавказа от непосредственного участника пленения Шамиля — Ростислава Фадеева. Зачем нам потребовался этот регион, почему вышло так долго и кроваво — всё это доходчиво рассказано в небольшой 150-страничной книжке.

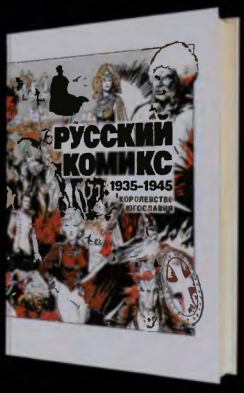
Автор книги Ростислав Фадеев — авторитетный российский военный историк, публицист, генерал-майор. Доброволец в Русско-Турецкой войне, участник национально-освободительной борьбы балканских народов.

Издание в дореформенной авторской орфографии.

www.chernaya100.com

РУССКИЙ КОМИКС, 1935–1945. КОРОЛЕВСТВО ЮГОСЛАВИЯ

Рекомендуем также наши знаменитые сборники комиксов русских белоэмигрантов. Среди графических романов по русской классике можно найти и комиксы на тему кавказских войн. В первом томе — «Газават» по повести Лидии Чарской, во втором — «Хаджи-Мурат» по мотивам романа Льва Толстого. В первый том вошло 17 графических романов, во второй — 5. «Тарас Бульба», «Пиковая дама», «Ревизор», «Воскресение» и «Ночь перед Рождеством» — лишь некоторые из них.



www.chernaya100.com

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 5

ГЛАВА 1 ВОЛЧИЙ УГОЛ 12

Эпоха потрясений — 17
Прыжок в неизвестность — 24
Интерлюдия. Государство и армия — 37

ГЛАВА 2 ПИР СТЕРВЯТНИКОВ 44

Арсенал революции — 50
Грабь награбленное — 60
Они недостаточно громко кричали — 65

ГЛАВА 3 НУЛЕВАЯ ЧЕЧЕНСКАЯ 76

Брошенные вожжи — 87
Их там нет — 89

ГЛАВА 4 MORITURI 98

Хмурое небо — 102
Были сборы недолги — 107
Обескураживающее начало — 119
У ворот Грозного — 130
Унижение — 132
Предчувствие беды — 135

ГЛАВА 5 ГРАД ОБРЕЧЁННЫЙ 138

Отцы поражения — 140
Ди эрсте колонне марширт,
ди цвайте колонне марширт… — 145
Чёрный день. Новогодний штурм — 155
Западня. Майкопская бригада под ударом — 167
Отступление майкопцев — 172

ГЛАВА 6 ЧИСТИЛИЩЕ 178

Выживай, как знаешь. Мирное население Грозного — 180
Сорок четвёртое декабря. Прорыв в центр города — 188
«Давай, атакуй, их мало». Падение Грозного — 201
Пиррова победа — 203

ГЛАВА 7 ГРЯЗНАЯ ДРАКА 212

Чеченская война в миниатюре. Штурм Самашек — 225
Договориться с бациллой — 234
Время презрения. Теракт в Будённовске — 240
Рухнувшие надежды. Война после Будённовска — 253

ГЛАВА 8 ЧЁРНАЯ ДЫРА 262

Людоед-эпигон. Теракт в Кизляре — 266
В тупике. Кампания 1996 года — 273
Грозный. Август — 296
Капитуляция — 305

ГЛАВА 9 КУЛАКИ ПОСЛЕ ДРАКИ 312

Живые и мёртвые — 314
Почему мы проиграли? — 319

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ 340

КНИЖНЫЙ КЛУБ ЧЁРНОЙ СОТНИ 344

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ 348

Евгений Александрович Норин

ЧЕЧЕНСКАЯ ВОЙНА
ТОМ 1

дизайнер	Никита Викторович Лукинский
портреты патронов	Анна Андреевна Хорошева
корректор	Михаил Спартакович Тейкин
литературные редакторы	Александр Григорьевич Жучковский
	Андрей Валерьевич Никитин
верстальщик	Фёдор Александрович Мишутин
технический редактор	Тимур Русланович Венков
главный редактор	Дмитрий Николаевич Бастраков

Выпуск подготовлен командой
интерактивного издательства
«Чёрная Сотня»

Телеграм-канал	t.me/chernaya100
страница в Фейсбуке	facebook.com/chernaya100
группа ВКонтакте	vk.com/chernaya100
страница в Инстаграме	instagram.com/chernaya100
сайт и магазин	www.chernaya100.com

УДК 82-94/355.01

ББК 63.3(2)64

Норин, Е. А.

Н82 Чеченская война: в 2 т. — Т. 1. — Н. Новгород: Чёрная Сотня, 2021. — 352 с.

Формат 60×90/16. Бумага мелованная 115 гр., печать офсетная.

Тираж 3000 (Общий тираж 9500)

Дополнительный тираж, исправлены опечатки.

Нижний Новгород, апрель 2022

Первый том хроники самой кровавой войны современной России от Евгения Норина — известного исследователя войн на постсоветском пространстве. Одна из первых фундаментальных работ по Чеченской войне: ход событий восстанавливался с привлечением максимально широкого круга источников.

Чеченская война оставила слишком много вопросов. Эта книга — первый шаг к тому, чтобы дать на них ответы.

Издание проиллюстрировано уникальными фотоснимками военкора Александра Неменова. Многие снимки никогда ранее не публиковались.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЧЁРНАЯ СОТНЯ